

Юрий Гинзбург

40 градусов в тени...

Юрий Гинзбург

40 градусов в тени

«1000 бестселлеров»

2020

УДК 82-311.2
ББК 84-44

Гинзбург Ю.

40 градусов в тени / Ю. Гинзбург — «1000 бестселлеров», 2020

ISBN 978-5-00144-255-4

«40 градусов в тени» – автобиографический роман Юрия Гинзбурга. На пике своей карьеры герой, 50-летний доктор технических наук, профессор, специалист в области автомобилей и других самоходных машин, в начале 90-х переезжает из Челябинска в Израиль – своим ходом, на старенькой «Ауди-80», в сопровождении 16-летнего сына и чистопородного добермана. После многочисленных приключений в дороге он добирается до земли обетованной, где и испытывает на себе все «прелести» эмиграции высококвалифицированного интеллигентного человека с неподходящей для страны ассимиляции специальностью. Не желая, подобно многим своим собратям, смириться с тотальной пролетаризацией советских эмигрантов, он открывает в Израиле ряд проектов, встречается со множеством людей, работает во многих странах Америки, Европы, Азии и Африки, и об этом ему тоже есть что рассказать! Обо всём этом – о жизни и карьере в СССР, о процессе эмиграции, об истинном лице Израиля, отлакированном в книгах отказников, о трансформации идеалов в реальность, о синдроме эмигранта, об особенностях работы в разных странах, о нестандартном и спорном выходе, который в конце концов находит герой романа, – и рассказывает автор своей книге.

УДК 82-311.2

ББК 84-44

ISBN 978-5-00144-255-4

© Гинзбург Ю., 2020

© 1000 бестселлеров, 2020

Содержание

Предисловие	7
Принятые сокращения	8
Пролог	9
Глава 1	12
Глава 2	34
Глава 3	60
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Юрий Гинзбург

40 градусов в тени

– Как же вы едете в Израиль, там же 40 градусов в тени!

– Так не стойте в тени.

© Гинзбург Ю., 2020

© Siripong Jitchum, иллюстрация к обложке, 2020

© ООО «1000 бестселлеров». 2020

Предисловие

Л. Н. Толстой однажды сказал: «Мне кажется, что со временем вообще перестанут выдумывать художественные произведения. Будет совестно сочинять про какого-то вымышленного Ивана Ивановича или Марью Петровну. Писатели... будут не сочинять, а только рассказывать значительное и интересное, что им случилось наблюдать в жизни».

Почему я написал эту книгу? Всё дальше и дальше от нас уходит двадцатый век, и всё меньше и меньше становится свидетелей той эпохи. Я родился в СССР в 1941 году и прожил там первые две трети жизни. Мне удалось застать в живых участников Великой Октябрьской революции, финской войны, Великой Отечественной войны и лично получить от них информацию об этих событиях.

Далее мне уже самому пришлось пережить смерть Сталина, переходный маленковско-булганинский период, оттепель Хрущева, брежневский застой, андроповщину, ракетно-космический расцвет, целину, покорение Енисея, горбачевскую перестройку и многое другое. Причем я жил не в относительно благополучных Москве и Ленинграде, а в самом что ни на есть провинциальном индустриальном городе Челябинске на Южном Урале. Во время жизни в СССР я побывал и поработал во всех концах великой советской страны – от Дальнего Востока и Чукотки до Балтийского моря и пустыни Кара-Кум.

Далее я пережил эмиграцию в Израиль – одно из явлений истории двадцатого века, до сих пор не получившего рационального объяснения, несмотря на множество публикаций и толкований. Никто не может исчерпывающе объяснить, почему в 1990–1991 годах полмиллиона советских высокообразованных профессионалов, которым ничего не угрожало, бросили абсолютно всё свое имущество, работу, культуру, страну и отправились в маленькое восточное государство, где первое время оказались в положении экономических рабов или военнопленных, захваченных вражеской армией. Во время жизни в Израиле я посетил и поработал в нескольких десятках стран, включая почти все европейские страны, страны Юго-Восточной Азии и Северной Америки.

Также в Израиле я наблюдал практическую аннигиляцию уникальной социальной прослойки, символизирующей лучшую часть советского еврейства, – инженерного корпуса, во многом благодаря которому в СССР была создана мощная промышленность и разнообразные виды вооружений.

Конечно, главной задачей этой книги является описание эпохи и обстоятельств, в которых проходила моя жизнь, а не моей жизни лично как таковой. Естественно, что любая эпоха не может быть полноценно описана без раскрытия конкретной политической, экономической и культурной обстановки, ей присущей. Поэтому книга насыщена описаниями культурных и бытовых особенностей, включая состояние техники, с которой соприкасаются обычные люди в быту и жизни, географию и достопримечательности мест, которые я посещал.

Почти все эпизоды романа являются достоверным описанием моей биографии, а действующие персонажи являются реальными людьми, только с измененными именами (кроме здравствующих или покойных известных публичных деятелей), всякие совпадения тут случайны. Исключение составляют в основном некоторые амурные похождения, а, главное, также фрагмент, помещенный в конце произведения и связанный с разработкой городской крылатой ракеты, которые являются художественным вымыслом.

Принятые сокращения

Изрус – эмигрант (репатриант) из СССР после 1989 года

Смотрэм – смотрящий эмиссар – министр в израильском правительстве

Досидник – министр в израильском правительстве

Депмин – депутат-министр

Магриб – житель Израиля, выходец из азиатских или африканских стран

Экраб – экономический раб

Пракси – практический сионизм – идеология и практика в современном Израиле

Сиболт – сионистский болтун

Коммент-эр – комментарий для эрудитов

Фалпат – фалафельный патриот (аналогично российскому «квасной патриот»)

Пролог

Служебный телефон на вилле руководителя ШАБАКа зазвонил 5:30 утра в субботу

Коммент-эр: ШАБАК, или Шин-бет (аббревиатура Шерут ха-Битахон ха-Клалиб, ивр.) – Общая служба безопасности Израиля, деятельность которой направлена на контрразведку и обеспечение внутренней безопасности страны. ШАБАК подчиняется премьер-министру.

Ни страна, в которой это происходило, ни должность абонента отнюдь не располагали к большому удивлению временем звонка, которое, однако, наталкивало на серьезность побудительных причин. Звонил начальник полиции Тель-Авивского округа:

– У нас ЧП, взрыв на площади Рабина в Тель-Авиве.

Реакция главы ШАБАКа была абсолютно адекватной реакции любого израильтянина:

– Пострадавшие, разрушения есть?

– Представляешь, ничего – взрыв произошел, все-таки, в 4:30 утра точно посередине площади!

– Ну а что ты звонишь во все колокола? Кто привел в действие взрывное устройство, какова сила взрыва, кто-нибудь кого-нибудь видел, есть смертник, есть остатки взрывного устройства – что это было?

– Ох, Хаим, какое-то нехорошее у меня чувство. Всё очень странно, никто никого и ничего не видел, и, что интересно, нет никаких остатков взрывного устройства на месте взрыва. Такое ощущение, что организаторы взрыва стремились избежать жертв и специально озаботились уничтожением следов этого устройства. Всё это выглядит, как будто взорвалась какая-нибудь бомба или невеста как прилетевшая ракета.

– Ладно, давай не будем горячиться и поднимать ненужный шум раньше времени, соберите все свидетельства и свидетелей взрыва, свяжитесь с ПВО, тщательно обыщите всю площадь, привлечите ракетчиков из «Таасии Авирит»¹, взрывников для исследования следов газов от взрыва на площади. И в три часа всех релевантных людей – много не надо, своих я сам соберу – прошу ко мне на совещание, но только не в офис, а на мою виллу – сегодня же суббота, опять досы² привяжутся...

– Премьера пока трогать не надо – сначала попробуем разобраться, а вот своему генеральному инспектору, конечно, сообщи.

Уснуть руководитель ШАБАКа больше не смог... Все-таки странная история, прецедентов что-то не припоминалось.

К трем часам на виллу в Кейсарии съехались гости: ранее звонивший начальник Тель-Авивского округа полиции, начальник Департамента по арабским делам, замначальника Департамента по неарабским делам, замначальника соответствующего полицейского округа Тель-Авива, несколько ответственных сотрудников ШАБАКа и два эксперта по планирующим бомбам и ракетам из «Таасии Авирит». Начальник полицейского округа Тель-Авива сжато изложил ситуацию.

Примерно в 4:30 утра один подвыпивший русский бомж, спящий на скамейке возле здания мэрии, услышал свистящий и шипящий звук и увидел некий предмет, похожий, по его словам, на камбалу, спускающийся на площадь, а затем увидел вспышку и услышал взрыв.

¹ Концерн авиационной промышленности «Таасия Авирит» (ивр. IAI).

² Религиозные ортодоксы.

Поскольку всё это длилось доли секунды и предмет падал с небольшой высоты, достоверность этого свидетельства была весьма относительной.

Специалисты по взрывному делу высказали идею, что взрывчатка была распределена по всей длине летательного аппарата, по-видимому для того, чтобы уничтожить все его участки. Из ПВО сообщили, что никакие летательные аппараты над Тель-Авивом этой ночью замечены не были, как и не были зафиксированы пуски ракет. Судя по следу на площади, в качестве взрывчатого вещества была использована лента из пластита, уложенная вдоль устройства. Тротиловый эквивалент установить было затруднительно. На площади было найдено несколько металлических обломков, один из которых похож на выхлопную дюзу реактивного двигателя.

Но самой интересной находкой явился неповрежденный небольшой металлический цилиндр. Его обследовали в рентгеновских лучах, следов взрывчатки не нашли и вскрыли. Металлографический анализ показал, что цилиндр изготовлен из вольфрамово-ванадиевого сплава, обычно предназначенного для изготовления лопаток реактивных двигателей. За тугоплавкой стенкой цилиндра находился керамический изоляционный слой, в полости которого лежала записка, напечатанная на стандартном лазерном принтере. В записке на английском языке было написано следующее:

«Господа, мы понимаем, что вы сейчас ломаете голову над тем, что означает этот взрыв. А означает он следующее. В Палестинской автономии разработан новый вид высокоточного неуязвимого оружия (видите, оно попало в центр площади Рабина), что вы должны учитывать в вашей дальнейшей политике».

Подписи не было.

Общий вывод был такой: сильно похоже на маленькую крылатую низколетящую ракету, но кто ее сделал и где, черт возьми, арабы ее достали?

– Господа, вопрос серьезный, – сказал руководитель ШАБАКа, – надо докладывать премьеру.

На том и разошлись.

Около одиннадцати часов утра того же дня черный «Опель-Астра» с сербскими номерами притормозил в столице Боснии и Герцеговины городе Сараево на набережной Аппель перед Латинским мостом через речку Миляцку (где примерно в те же одиннадцать часов утра был убит наследник австрийского престола эрцгерцог Франц Фердинанд, что послужило толчком для начала Первой мировой войны). Поскольку дорога в этом месте достаточно узкая и с одной стороны ограничена речкой, водитель свернул в переулок возле музея, посвященного этому событию, и припарковался на ближайшей стоянке. Затем водитель – плотный, немолодой, совершенно седой человек с дипломатом в руках – вышел из машины и вернулся к музею. В тот же момент туда подошел стройный мужчина арабского вида тоже с дипломатом в руке. Молодой обратился к пожилому:

– Игорь, сразу скажу: всё прошло по плану, всё отлично!

Пожилой ответил:

– Хорошо, Амир, пойдем посидим тут в одном заведении, где готовят совершенно потрясающие маленькие кебабы – кебабче из смеси свиного мяса и говядины, жаренные на решетке. Я ведь много раз бывал в Сараево и очень люблю это место.

Стоял европейский октябрь с легким теплым дождиком, время было дообеденное и в кебабной почти не было посетителей. Мужчины сели за угловой столик и заказали себе фирменное блюдо. Дальше разговор продолжался на английском, поскольку пожилые жители бывшей Югославии русский язык худо-бедно понимали, а собеседники не хотели, чтобы их слушали.

Молодой человек открыл дипломат и показал содержимое пожилому:

– Деньги можете не пересчитывать, я вчера вечером пересчитал на всякий случай – вы же знаете нашу публику!

Пожилой забрал дипломат араба и передал ему свой:

– Тут вся документация.

– Куда вы теперь?

– Я вернусь в Белград, у меня там еще дела, а потом рейс в Тель-Авив.

– Счастливого пути, Игорь, до встречи в Израиле.

Игорь вернулся на стоянку, сел в машину и двинулся в Белград.

Глава 1

Расторжение

В середине октября 1991 года в славном уральском городе Челябинске прохожие и проезжие могли наблюдать достаточно любопытную для этих мест картину По московскому тракту (так в Сибири и на Урале называют магистральные шоссе) двигалась процессия из двух автомобилей. Передний был черной «Волгой ГАЗ-24» с работающей «мигалкой» на крыше, за рулем которой сидел немолодой человек с седеющей шевелюрой и очень грустными глазами, по имени Анатолий Садовский. Вторая машина была довольно пожилой «Ауди-80» (модели 1981 года), зелено-коричневого цвета, однако отлично покрашенной и отполированной. За рулем сидел профессор Игорь Гольд, а рядом с ним светловолосый широкоплечий юноша шестнадцати лет – его сын Ян. Заднее отделение салона было загружено до нижней кромки стекол, а поверх всех вещей возлежал большой для своей породы и очень мощный доберман коричневого цвета по имени Юнг. Юнг привык ездить в машине и совершенно спокойно реагировал на всё происходящее, периодически открывая один глаз. На машине красовался совершенно блатной советский международный белый номер 00009. Вся честная компания ехала прямо в Израиль.

Вчера кончилось великолепное уральское бабье лето, сегодня с утра накрапывал мелкий, пока еще теплый дождь, что в здешних краях уже означало скорый приход холодной и мокрой осени, которая в начале – середине ноября неплавно переходила в зиму. На демонстрацию 7 ноября, в годовщину Октябрьской революции, граждане уже обычно выходили в зимних пальто и шапках.

Где-то в двадцати километрах от города обе машины остановились на обочине, оба водителя вышли, обнялись, поцеловались, смахнули скупую слезу и вернулись в свои машины. Дождь усилился. «Волга» развернулась и поехала обратно в сторону города, а «Ауди» продолжила свой путь в сторону Москвы. Гольд и Садовский были знакомы с детского сада, и их 45-летняя дружба заканчивалась в эту минуту навсегда, как им казалось. В те времена переезд в Израиль был эквивалентен полету на Марс с запасом топлива в ракете на полет в одну сторону, и друзья думали, что такая ситуация сохранится навеки.

Из-за мокрой дороги и дождя Гольд ехал не так быстро, хотя дорога была ему хорошо знакома. Машина приближалась к перевалу через невысокие Уральские горы, поросшие смешанным лесом, в районе старинного города русских оружейников и металлургов Златоуста, ветер срывал пока еще богатую желтую листву с деревьев, листья кружились в воздухе и падали на ветровое и боковые стекла и капот. Машина шла как бы в золотом, быстро меняющемся покрывале, из-под которого ей никак не удавалось вырваться. Сын и Юнг тут же уснули, и профессору хорошо думалось под размеренный стук стеклоочистителей. Возможность спокойно и не спеша подумать представлялась ему в прошлой жизни крайне редко. Прошедшая жизнь виделась профессору в виде автогонки по дороге с крутыми виражами, с кратковременными остановками для дозаправки. А подумать было о чем – тяжелые мысли одолевали профессора. Бросить всё: хорошую и престижную работу, три квартиры в центре города (свою, матери и дочки), дачу на озере, гараж в центре города, друзей, закадычную подругу и переехать в Израиль, который, кроме апельсинов и женских купальников, ничего не производил и не экспортировал. Советских евреев охватило коллективное помешательство, профессор это понимал, но сделать с собой уже ничего не мог – стадное чувство пересиливало.

Жена Дана с матерью Викторией уехали на поезде в Израиль месяцем раньше из Москвы с семьей близкого друга Гольдов – профессора Володи Шаинского, московского математика с мировым именем. Дочка с новорожденной внучкой и мужем уже год, как жила в Израиле

и присылала достаточно позитивные письма. Профессор называл их «прелестными» – на старорусском языке слово «прелестный» означало «прельщающий», от корня «прельщать». Дело еще было в том, что за самое последнее время профессор получил несколько свидетельств тому, что иммиграция в Израиль тогда для него была чистым безумием. Однажды, будучи в командировке в Москве (профессор работал до последнего дня перед отъездом) и идучи по какой-то надобности по центру города, профессор прошел по Большой Ордынке и заглянул на «еврейскую» барахолочку. Там бойко торговали словарями, различной литературой по еврейской тематике, темными очками, бейсболками и прочей дребеденью. Профессор вдруг увидел и купил несколько необычную для этого места книгу на английском языке «Research and development in Israel – R&D» («Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в Израиле – НИОКР»).

Продавец был доволен чрезвычайно – книгу ему никак не удавалось продать, а уж как был доволен покупатель – слов нет. В книге перечислялись все фирмы и университеты, имеющие подразделения по проведению НИОКР, и описывались эти подразделения. Профессору с книгой реально повезло.

Гольд днем забежал домой – жил он в Москве у двоюродной сестры Любы, работавшей преподавательницей английского языка в Московском автодорожном институте, – оставил книгу и вернулся в город по делам. Люба была дома и просмотрела эту книгу первая.

Когда вечером профессор пришел домой, сестра встретила его словами:

– Я же говорила, что вы все сумасшедшие, куда вы едете? Израиль – это же глухая деревня, Верхняя Вольта с атомной бомбой... Что вы будете там делать?

После прочтения на следующий день этой замечательной книги профессор пришел в ужас и немедленно договорился о встрече с Шаинским.

– Володя, что делать? По-моему, иммиграция советских евреев в Израиль – это великая авантюра, основанная на учении доктора Геббельса: это косвенный обман сотен тысяч людей такого масштаба, что обычный человек не может даже поверить в то, что можно блефовать с такой наглостью.

Дело было в том, что не было на тот момент в живой природе более неподходящего состава иммиграции в Израиль, чем состав советских иммигрантов 1990–1991 годов. Это были в массе своей интеллигентные, образованные люди из крупных промышленных и культурных центров, в основном представители единственного во всем мире отряда евреев технических специальностей: металлурги, авиа- и автостроители, судостроители, горняки, геологи, нефтяники, мостостроители, железнодорожники... В США и других развитых странах евреи – это, как правило, врачи, программисты, бизнесмены, адвокаты, деятели литературы и искусства, наконец, ученые в области фундаментальных наук. В силу ряда обстоятельств, начиная с довоенных времен, советские же евреи заняли ведущее место среди работников инженерно-технических специальностей в Союзе и во многом удерживали это место к моменту массовой иммиграции. Конечно, также в составе иммигрантов было много музыкантов, артистов, режиссеров и врачей, и всем им, за исключением, пожалуй, врачей, места в крохотном Израиле найти не могло по определению. Надо заметить, что к началу 1990-х фактически все эти люди занимали серьезные должности и были весьма материально обеспечены по советским понятиям (квартиры, дачи, машины и пр.).

– Ну не кипятись ты. Как будто американцы это не понимали, когда в позапрошлом году «закрывали» Америку? Явно расчет идет на то, что американцы активно начнут развивать в Израиле соответствующие отрасли промышленности, чтобы задействовать советскую иммиграцию! Ты думаешь, они не знают, что большинство из тех, кто выезжает в последнее время, ни в какой Израиль ехать не собирались, – что это вынужденное решение в связи с невозможностью достичь Америки?

Володя был интересным человеком, помимо математики он также занимался горным туризмом и альпинизмом и по этой линии был знаком с некоторыми именитыми коллегами из других стран. Он также часто ездил во многие страны и на различные математические симпозиумы и конференции и периодически читал курсы лекций в иностранных университетах. Соответственно, в компании Игоря он имел высокий авторитет в части «иностранной» жизни. В довершение всего он незадолго перед отъездом развелся с женой и женился на даме по имени Ольга, у которой в советском паспорте в графе «национальность» стояло «англичанка». Ее папа приехал из Англии в СССР в 1930-е годы строить социализм, женился на русской женщине и прожил до смерти в Москве. Ольга впоследствии вышла замуж за русского мужчину, у них родился сын Олег, которому к моменту отъезда в Израиль было пятнадцать лет. Лет за пять перед знакомством с Володией она развелась с мужем и воспитывала сына одна. С биографией Ольги был связан забавный эпизод в израильском консульстве в Москве. Игорь и Володя вместе пришли оформлять документы и, постояв в очереди, одновременно подошли к разным окошкам. Игорь быстро всё оформил и подошел к Володе.

Он сказал ему на русском языке:

– Ну что ты волянишь, в моем окошке уже третий посетитель оформляется.

Оказалось, что немолодой израильский чиновник понимает русский язык. Подняв голову, он с укоризной взглянул на Игоря и с сильным акцентом сказал:

– А что ви хотите... у вас хороший приятель... он еврей, жена англичанка, а их сын русский. И я должен это быстро оформлять ехать в Израиль!

В глубине души Игорь сильно сомневался в крепости Володиных рассуждений. Но антиинфарктный принцип «Если вы не можете делать то, что вам нравится, то старайтесь делать так, чтобы вам нравилось то, что вы делаете» сыграл роль. И друзья на этом остановились. В то время они и подумать не могли, что весь этот перепуск советских евреев мимо Америки в Израиль – не великий и продуманный план гениальных израильских и американских политиков и администраторов, а результат деяний одного политмахинатора – выходца из России Яши Кедми (в девичестве Казакова) – функционера и позже директора организации «Натив», совершенных при полной поддержке тогдашнего премьер-министра Израиля Шамира и парочки американских сенаторов-евреев.

Коммент-эр: «Натив» (ивр., «Лишкат ха-Кешер») – бюро по связям с евреями СССР и Восточной Европы. В переводе с иврита означает «путь, тропы». «Натив» занимался легальной сионистской пропагандой и полулегальной разведывательной деятельностью в Советском Союзе и в других странах Восточной Европы с целью обеспечения иммиграционного потока евреев в Израиль.

Когда Игорь рассказывал эту историю позже в Израиле, как соотечественникам, так и коренным израильтянам, то тогдашняя наивность и детский идиотизм основной массы советских евреев того времени неизменно вызывали у всех «долгоиграющий» смех.

Имел место и второй эпизод из этой оперы, который также весьма насторожил профессора. Первые семь лет профессор, как было принято в то время (до 1955 года), учился в мужской школе. В 1955 году в СССР было введено смешанное обучение, и в восьмом классе профессор с группой мальчиков был переведен по месту жительства в бывшую женскую школу № 1, считавшуюся самой элитной школой в городе. Школа находилась в непосредственной близости от так называемого городка МВД, построенного перед войной в классическом сталинском стиле. Каре с каждой стороны длиной в квартал из добротных восьмиэтажных домов было замкнуто и имело по два-три входа, закрываемых мощной решеткой, во двор с каждой из четырех сторон. В подъезды же домов можно было попасть только со двора. На обеих сторонах подъездов на первом этаже были оборудованы помещения с узкой лестницей на верхние этажи,

в которые вел ход из подъезда. В помещениях были прорезаны узкие окна, сильно напоминающие бойницы. Таким образом, закрыв входы во двор и поставив в боковые помещения по парочке станковых пулеметов, круговую оборону можно было держать достаточно успешно. В городке жили высоко- и среднеставленные сотрудники различных правоохранительных органов, и, соответственно, не менее половины учеников класса профессора были их детьми, с которыми Игорь поддерживал достаточно дружеские отношения. Нет нужды говорить, что многие из них по окончании школы выбрали профессию родителей. Незадолго до отъезда в Израиль Игорь встретил на улице своего соученика Сашу Филатова, который, по слухам, сделал быструю карьеру в КГБ и уже имел звание полковника.

– Ну, дорогой, сто лет мы не виделись, я слышал, ты уже доктор, профессор... и всё у тебя путем, – приветствовал соученика Филатов.

– Да и ты, Саня, ходят слухи, уже не лейтенант, получил полковника... – отвечал профессор.

– Ох, правда, время идет! – вздохнул Филатов – Что это ты в Израиль намылился, чем тебе здесь плохо?

Было смешно спрашивать полковника КГБ в относительно небольшом городе, откуда он это узнал, и профессор сразу попытался изложить причины своего отъезда. Начал он с разгула антисемитизма: ползли слухи о готовящихся погромах, «Память» открыто устраивала «антисионистские» демонстрации, в почтовых ящиках евреев появлялись письма с угрозами и т. п.

Тут надо сказать, что профессор обо всем этом знал только из газет и телевидения – в Челябинске ничего подобного не происходило, – и Филатов его тут же разоблачил:

– Тебе что-нибудь подбрасывали, у нас что, были погромы? Хотя бы одного еврея пальцем тронули где-либо? Не было и не будет этого, мы не допустим. Игорь, имей в виду, никаких указаний сверху выдавливать евреев нет. Правда, нет и указаний прижать «Память» – пусть себе резвятся, реальной никакой угрозы от них мы пока не видим. И главное, вот что я тебе скажу, это ваши заигрывают с «Памятью» и другими антисемитами, чтобы вас напугать и заставить иммигрировать. Ты, может, слышал про такую контору «Лишкат ха-Кешер», или «Натив»? Это израильская лавка при ихней госбезопасности, ее задача – вытаскивать евреев из всех стран, в основном из Союза. Так вот, эта лавка тайно даже финансирует «Память», про подбрасывание запугивающих писем в ящики я уже и не говорю, это непосредственно делают активисты «Натива». Вас ведь если не напугаешь, так вы и не поедете – вам и тут хорошо. Кстати, должен тебе заметить, что тебя чуть не придержали насчет выезда у нас в конторе: много знаешь, чуть ли не единственный доктор и профессор по такой специальности – не считая тех, – Саша махнул в сторону Миасса³.

Профессор начал оправдываться:

– Так я всё... как положено – допуск сдал три года назад, ничего не знаю...

– Ой, не надо, допуск сдал и ничего не знаешь. Я посмотрел состав совета, где ты защищал докторскую: председатель – генерал, оппоненты твои – генералы, а члены совета – полковник на полковнике, а ты всё вдруг взял и забыл.

– Саша, так они не полковники!

– А кто?

– Они все инженеры-полковники!

– Ты всё шутишь. Да ладно, у нас перестройка. Успехов тебе!

Игорь и Александр тепло попрощались и разошлись. Профессор был несколько шокирован, однако он не поверил ни одному слову Филатова насчет «Лишкат ха-Кешер» и решил, что это злонамеренные выдумки КГБ, как уже неоднократно бывало в советской истории. Но

³ Месторасположение Государственного ракетного центра имени академика В. П. Макеева – одного из крупнейших научно-конструкторских центров России по разработке ракетно-космической техники.

с другой стороны – зачем Филатов будет это выдумывать, разговаривая с профессором один на один?... Все это как-то уж очень дурно пахнет. Позже, прожив несколько лет в Израиле и восприняв сущность израильского практического сионизма, профессор вспомнил слова Филатова и понял, что это еще как могло иметь место. Правоту Филатова насчет «Памяти» подтвердила и последующая российская практика тех лет, реальная роль антисемитизма в России в то время была весьма мала: на выборах 1990–1991 годов антисемитские партии и кандидаты практически нигде не были избраны.

Массовый исход миллиона советских евреев (особенно первого полумиллиона) и их иммиграция прямым ходом в экономическое и социальное рабство в Израиле остались не до конца объяснимым явлением навсегда.

Профессор сел за руль на второй месяц после того, как ему исполнилось восемнадцать лет, и к моменту иммиграции уже имел стаж тридцать два года непрерывной езды в разнообразных условиях. В бардачке его «Ауди» лежали права на вождение легковых автомобилей, вэнов и легких грузовиков, права на вождение тяжелых грузовиков, права на вождение мотоцикла, права на вождение трактора и права на вождение танков и других тяжелых военных машин.

«Ну, в случае чего пойду в Израиле шофером», – думал профессор...

В молодости, после окончания института, профессор занимался раллийным автоспортом и был штурманом в одном из экипажей сборной города по ралли. Он окончил автотракторный факультет, где, кроме прочих, была специальность «эксплуатация автомобильного транспорта», выпускники по этой специальности по окончании института становились заведующими и главными инженерами больших автохозяйств и гаражей, меняя на этих постах старую, недипломированную гвардию практиков. Так и его закадычный дружок Толя Садовский стал главным инженером городского таксомоторного объединения и среди прочих обязанностей курировал гоночную команду объединения. Надо заметить, что в те времена автогонками в основном, по понятным причинам, занимались таксопарки и крупные автопредприятия: у них были машины, технические возможности по их подготовке и классные водители. Экипаж автомобиля в ралли состоит из двух человек: пилота – основного водителя и штурмана («второго водителя»), отслеживающего курс движения экипажа по маршруту и осуществляющего расчеты скорости движения и времени. Обязанности по непосредственному управлению автомобилем члены экипажа самостоятельно распределяют между собой. С грамотными штурманами дело обстояло не очень, и Садовский быстро вовлек Игоря в раллийный спорт, прежде всего в качестве штурмана.

Коммент-эр: ралли – вид автогонок, проходящих на открытых или закрытых трассах на модифицированных или специально построенных автомобилях. Этот вид гонок отличается тем, что заезды главным образом прокладываются по автомобильным дорогам общего пользования, в формате «из пункта А в пункт Б» с прохождением контрольных точек. На максимальной скорости гонщики едут только на специально перекрытых скоростных участках (их обычно называют ДОПами).

Когда профессор читал письма своих знакомых и бывших коллег, уехавших в Израиль годом раньше, в которых назывались стоимости автомобилей в Израиле, он понимал, что, даже если он получит свою долю от проданной евреями России (как утверждала «Память» и другие антисемиты), ему машины не купить. Профессор уже как-то свылся с мыслью, что по приезду в Израиль он будет бездомным и безработным, но мысли о том, чтобы быть безлошадным, он категорически не допускал. Отсюда и родилась идея поехать в Израиль на машине. Но машину-то надо было везти какую-нибудь иностранную – не на «Жигулях» или «Москвиче» же ехать! В то время в Союзе уже продавались импортные автомобили (например, в Риге был большой

автомагазин, и цены там были вполне приемлемы). Но машины продавались за доллары или марки, а долларов у профессора не было. При покупке их на черном рынке всех денег профессора, вырученных за дачу, гараж, мебель и прочую утварь, едва бы хватило на покупку четырех колес без автомобиля. Выход был один – купить подержанную машину. Проще всего было купить японскую праворульную машину, уже в то время их достаточное количество продавалось на Дальнем Востоке, а параметры и качество этих машин были весьма высокими. И тут подвернулся интересный вариант. Двоюродный брат профессора из Ленинграда много лет назад окончил Челябинское училище авиационных штурманов, и Игорь знал многих его соучеников, часть которых осталась служить на Урале. Он встретил на улице города одного из них, который уже был полковником, и разговорился с ним. Узнав, что профессор ищет импортную машину, полковник почесал затылок и сказал:

– Игорь, недели через две из Хабаровска пойдет к нам транспортный борт. Ты можешь купить машину в Хабаровске, а я сделаю тебе ее доставку на самолете. Но, само собой, придется ребят стимулировать.

Игорь полетел в Хабаровск, купил там подержанный праворульный «Ниссан-Пульсар» и отправил его в Челябинск. Несколько месяцев они с Даной получали удовольствие от езды на современной японской машине, обильно оснащенной разными гаджетами (конечно, этого слова тогда в российском обиходе не было). Дане особенно нравился похоронный марш, который автоматически исполнялся на скорости более 120 километров в час.

Однако существовала опасность, что в Израиле эксплуатация праворульных машин запрещена, и профессор написал письмо в израильское министерство транспорта. К своему величайшему удивлению (которое возросло на порядок – в десять раз, когда он пожил некоторое время в Израиле и ознакомился с работой израильских учреждений), профессор получил ответ на английском языке, свидетельствующий, что праворульные машины ввезти в Израиль нельзя. В письме было также написано, что приезд в Израиль на машине вообще особого смысла не имеет, поскольку в Израиле полно дешевых и хороших автомобилей – видимо, имела в виду скидка, предоставляемая иммигрантам при покупке машины. Но Игорь об этой скидке тогда не знал и решил, что это милая шутка израильского чиновника на грани издевательств. Не ожидая от министерства ответа, Игорь созвонился с тогдашним израильским торговым представителем в Москве Юрием Штерном. Юрий оказался чрезвычайно приятным, очень эрудированным и умным человеком, с которым собеседники обсудили не только и не столько вопрос праворульных машин, сколько абсорбцию большого количества ученых и инженеров в Израиле. К сожалению, сказать, что этот разговор успокоил профессора в части обоих вышеуказанных вопросов, никак было нельзя. Юрий подтвердил информацию из министерства, и «Пульсар» пришлось продать.

Слова «алия» (репатриация) и его производных «оле» (репатриант) и «олим» (репатрианты) профессор не любил и мало употреблял – он считал их неуклюжей выдумкой сионистских пропагандистов: какая там алия, какое там возвращение на родину предков – что, его бабушка или дедушка жили в Израиле? Ближайшие родственники могли там жить две тысячи лет назад, да и это под вопросом. Причем мозги пудрят в основном русским евреям, поскольку по-английски «репатриант» – это «New immigrant». Великий трансфер советских евреев в Израиль в 1990-х годах – это чистой воды эмиграция (выезд) и иммиграция (въезд).

Чтобы купить подержанную леворульную иномарку, профессор с одним знакомым одесско-челябинским евреем отправился на одесскую барахолку. Там он и нашел свою «Ауди», которую продавало почтенное семейство баптистов (на барахолке были отец и сын), специализирующихся на спекуляции подержанными машинами из Германии. С немецкой стороны действовала целая организация, состоящая из местных баптистов, которые подыскивали для советских баптистов подходящие машины. Бизнес был чрезвычайно выгодным, поскольку цены даже на подержанные европейские машины были в СССР в то время нереально завы-

шенными – так, профессор заплатил за свою машину в четыре раза больше, чем стоили новые «Жигули». Наше баптистское семейство проживало в Тирасполе, и когда баптист-отец узнал, для чего покупается машина, он пригласил профессора к себе в Тирасполь, обещая за пару дней подготовить машину к путешествию и дать в придачу некоторые запчасти и пару неновых фирменных шин.

Наша парочка приехала в Тирасполь и уже оттуда на машине вернулась в Челябинск. Надо сказать, что обстановка в Тирасполе, преимущественно населенном русскими и украинцами, была в то время весьма напряженной. В мае 1989 года был создан «Народный фронт Молдовы», объединивший в себе ряд националистических организаций. В противовес ему в Приднестровье возникло «Интердвижение», позже получившее название «Единство». Военное противостояние между молдаванами и приднестровцами началось в марте 1992 года, а в 1991 году в городах и районах Приднестровья шли референдумы по вопросу образования Приднестровской Молдавской Советской Социалистической Республики. Это вызывало резкий протест у молдавской части населения, среди которой значительную популярность получили про-румынские настроения, – ее целью было присоединение Молдавии к Румынии. В городе кое-где висели «симпатичные» лозунги: «Молдаване и румыны, объединяйтесь: Молдавия – для молдаван, русских – за Днестр, евреев – в Днестр». Когда профессор увидел впервые такой лозунг, он сказал спутнику:

– Аркадий, знаешь что, давай-ка заедем на пляж и искупаемся в Днестре, тем более что призывают!

Вообще-то, профессор был человек не робкого десятка, а его спутник и вовсе воевал в Афганистане, однако езда по молдавским дорогам была в то время достаточно неприятна, и наши путешественники, как выражался Жюль Верн в своих приключенческих романах, вздохнули с облегчением после пересечения украинской границы на одесском шоссе.

Конечно, подобные покупки без обмана не обходятся, и купленная «Ауди» отчаянно жрала масло в дороге. Меняясь за рулем, профессор с Аркадием проехали три тысячи километров за два с половиной дня – через Харьков, Воронеж, Самару, Уфу – и к вечеру на третий день путешествия въехали во двор Игоря в самом центре Челябинска. Говорят, что нет телепатии: жена профессора уже стояла на балконе и, увидев такую роскошную по местным понятиям машину, подняла вверх большой палец. Поднявшись домой и отдав сыну ключи от машины, профессор с женой и попутчиком сели за стол и выпили по паре рюмок «Арарата» – ходила шутка, что есть три великих армянских коньяка на букву А: «Арарат», «Ани» (древнее название Армении) и «Асобый».

В те времена оставлять на улице любую машину, а тем более такую, было небезопасно и не принято, и на следующий день с утра профессор отогнал ее на ремонт и обслуживание к своим немецким приятелям. В Металлургическом районе Челябинска компактно проживало много немцев, оставшихся там после строительства металлургического комбината во время войны. В начале девяностых они составили компанию евреям и массово эмигрировали в Германию.

Коммент-эр: вождь всех народов тов. Сталин в 1941 году, после начала Отечественной войны, произвел тотальную депортацию (около полумиллиона) немцев из Автономной Республики Немцев Поволжья в отдаленные районы Сибири, Казахстана и Средней Азии. Впоследствии было депортировано всё немецкое население СССР (всего в Союзе было депортировано около миллиона немцев). В 1942 году были организованы немецкие «трудармии», которые использовались при строительстве многих заводов, на лесозаготовках, в рудниках и т. п. В годы войны в Челябинске на строительстве металлургического комбината работало более 30 тысяч немцев, а также финнов, румын, болгар, венгров и чехов. Их называли «трудармейцами», но фактически это был тот же ГУЛАГ: колючая проволока, непосильный труд, голод,

болезни... Немецкие «трудармии» были расформированы в 1947 году, но только в 1956 году советских немцев полностью восстановили в гражданских правах.

Излишне говорить, что квалификация этих немцев, их аккуратность и ответственность в практически всех рабочих специальностях (а они были в основном механиками, портными, ремонтниками и т. д.) была выше, чем остального населения. Поэтому на протяжении многих лет уход за своими автомобилями профессор доверял только двум немцам: Адаму Адамовичу – за двигателем, и Ивану Ивановичу – за шасси. Вот эти два замечательных специалиста и готовили «Ауди» к поездке, правда, сыну профессора пришлось пару раз слетать в Ригу за запчастями. Поэтому Игорь был спокоен за техническое состояние своего автомобиля. Его волновала другая опасность: на дорогах в России было небезопасно, повсеместно орудовали бандитские шайки, грабившие автомобилистов и отбирающие хорошие машины. Времена были смутные.

Коммент-эр: 18 августа 1991 года был создан Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП), куда вошли ряд партийных функционеров и руководителей из ЦК КПСС, правительства СССР, армии и КГБ. ГКЧП объявил чрезвычайное положение в Москве, приостановил деятельность политических партий, общественных организаций и массовых движений, запретил митинги, уличные шествия и демонстрации. В свою очередь, глава РСФСР Ельцин подписал указ «О незаконности действий ГКЧП» и начал мобилизацию своих сторонников. 24 августа Горбачев сложил с себя полномочия генсека КПСС. Начался процесс развала СССР, большая часть населения Союза тогда фактически этот развал поддержала. На территории некогда единого государства начали одна за одной вспыхивать малые войны, экономика большинства республик пришла в упадок, резко выросла преступность, и стало быстро сокращаться население. В историю ворвались «лихие девяностые» – время бандитского накопления капитала, расслоения общества и тотального безвластия.

Профессор нигде не останавливался на шоссе, путники ночевали только в относительно оживленных мотелях, бензином заправлялись на людных заправках. Путь в Израиль, согласно плану, лежал через Одессу, откуда путешественники намеревались переплыть на пароме в Болгарию. Из Болгарии они намеревались проехать в северную часть Турции, пересечь страну и отплыть из какого-либо южного турецкого порта на Кипр. На Кипре компания собиралась сесть на паром, следующий из Афин в Хайфу с заходом на Кипр. Билеты на паром в Болгарию из Одессы Игорь заказал из Челябинска по телефону. Невдалеке от Одессы Игорь с сыном слегка заблудились и заехали в Джанкой. Пришлось ехать через довольно узкий Перекопский перешеек, соединяющий Крымский полуостров с материком, через места ожесточенных боев как во время революции (1920 год), так и во время Великой Отечественной войны. Профессор вспомнил Маяковского: «...саперами Крым перекопан, Врангель крупнокалиберными орудует с Перекопа...»

Крупнокалиберными и даже мелкокалиберными, слава Богу, никто не орудовал, но туман был совершенно бетонный, противотуманные фары «Бош», которые профессор достал по большому благу перед отъездом, светили как ручной фонарик на аэродроме, напряжение было огромное, настала ночь, темнота в сочетании с плотным туманом обеспечивала особое удовольствие при езде. Профессору потребовалось всё мастерство для «стремительного» передвижения со скоростью пять километров в час, ехали всю ночь – тридцать километров преодолели за восемь часов. Еле доехали до Херсона, там остановились в первом попавшемся дворе и уснули в машине сидя (Юнг, который всю дорогу через Перекоп бодрствовал, чувствуя опасность, конечно, спал лежа). Проснулись часов в двенадцать дня. Дорого пришлось заплатить за пропущенный поворот на Одессу перед Крымом, и профессор вспомнил такую байку.

Известного писателя Сименона однажды спросили корреспонденты: «Почему ни в одном из многочисленных детективных романов комиссар Мегрэ не водит машину? Трудно предположить, что у него не было водительских прав». Сименон ответил: «Мегрэ непрерывно думал о поимке преступников, а напряженно думающий человек – плохой водитель. Поэтому он не считал возможным садиться за руль».

Оставшиеся двести километров преодолели за три часа и к вечеру были на месте. Игорь остановился в частном домике на Пролетарском бульваре (до революции и ныне – Французский бульвар), где было место для хранения машины во дворе под окнами, однако хозяйка категорически отказывалась приютить у себя собаку. Поэтому сын с Юнгом поселился у знакомых в многоэтажном доме с большим парком по соседству, в котором можно было собаку выгуливать.

Профессор раньше бывал в Одессе: пару раз они отдыхали тут с женой, а пару раз он был в командировках. Осенью 1991 года город было не узнать: грязные улицы, облупленные и некрашенные дома, обрывки плакатов на рекламных досках, выбоины на асфальте. На каждом углу располагались стихийные микрорынки, где продавали всё что угодно: копченую скумбрию, видеокамеры «Панасоник», охотничьи ножи, картошку, японские нейлоновые женские платки и прочий ширпотреб. Однако дюк Ришелье стоял на месте, оперный театр выглядел неплохо – в общем, очарование этого знаменитого города как-то сохранилось.

Рано утром Игорь уже был в грузовом порту. В диспетчерской черненькая одесситка лет сорока пяти с очень заметными следами былой красоты жизнерадостно сообщила, что их бронь на паром из Одессы в Варну в целости и сохранности, однако отплытие задерживается дней на пять из-за отсутствия груза для перевозки в Болгарию. С учетом того, что Игорь прибыл в Одессу с двухдневным запасом, пребывание в Одессе затягивалось на неделю. График поездки срывался. Профессор тяжело вздохнул:

– Что же делать? Может, есть другое судно?

Диспетчер с жалостью взглянула на Игоря:

– Вы шутите, мужчина, это вам не старые времена, и на этот корабль груза нет! И шо вы нервничаете, посмотрите, какая погода, а какие дыни, – она показала в окно на ларек, где шла вялая торговля дынями. – Отдыхайте себе, сходите в оперный театр – сезон уже начался, пригласите меня...

«О, валентная девушка!» – подумал Игорь.

Жена учила профессора опознавать валентных женщин по взгляду и выражению лица, но он, в отличие от нее, в этом деле не очень преуспел.

– Да ну... я-то вам зачем? Вы симпатичная нестарая женщина, работаете в порту – от мужчин тут, наверно, отбоя нет.

– Ну, знаете, всем давать – сломается кровать!

«Вот это одесский юмор», – подумал профессор и попрощался с веселой одесситкой.

– Телефон у вас есть, звоните, меня зовут Марийка, – сказала диспетчер. – Вдруг груз привезут раньше, но это вряд ли.

Профессор был, несмотря на относительно небольшой рост, весьма импозантным мужчиной с красивыми волнистыми седеющими волосами и серыми глазами, к тому же он был очень начитанный, эрудированный и остроумной персоной – женщины отсутствием внимания его не обижали.

Игорь вспомнил широко известный анекдотичный параграф из устава Британской армии для женщин-военнослужащих: «Если вас насилуют и вы бессильны что-либо сделать, расслабьтесь и старайтесь получить удовольствие». А она ведь права, дорога предстоит сложная, почему бы не отдохнуть... Он тут же поехал на главпочтамт и заказал разговор со своей подругой в Челябинске. Профессора соединили всего через каких-то часа полтора, Аня оказалась на рабочем месте, Игорь попросил ее немедленно взять отпуск на неделю и срочно вылететь в Одессу.

У профессора и раньше были любовницы, но так комфортно, как с Аней, ему никогда не было. Она удачно сочетала как женское обаяние и мощную сексуальность, так и деловую сметку, логику и высокую эрудицию. Профессор любил свою жену и детей и никогда даже и не думал с ними расстаться, о чем сразу, на берегу, предупреждал своих дам. Но, как всякий активный и деятельный мужчина, он не представлял себе сосуществование с одной или даже двумя-тремя сменяемыми женами всю жизнь и не без основания считал (такого же мнения придерживались и некоторые авторы, пишущие на подобные темы), что наличие у мужа и жены «правильных» любовников только укрепляет семейную жизнь, вызывая более спокойное отношение ко всем жизненным и семейным передрягам. С точки зрения профессора, такая практика была гораздо лучше бесконечной смены жен, которую практиковали, например, массмедиа и кинотеатральные деятели. Впервые мысль о расставании с женой посетила его с Аней, но он ее решительно и далеко отогнал. Аня была замужем за алкоголиком облегченного типа, который ей во всем подчинялся. Они воспитывали единственного сына. Она тоже не была святой, и у нее были мужчины до профессора, тем более что она была на работе ответственной в местном за зарубежный туризм и часто ездила по профсоюзным путевкам за границу, что открывало дополнительные возможности. Поскольку их роман начался, когда Ане было уже тридцать шесть лет, а профессору – сорок один, то они оба относились к прошлым романам друг друга достаточно легко и адекватно. Вечером Игорь интуитивно почувствовал, что надо поехать на главпочтамт. Зная организаторские способности своей подруги, ее деловитость и аккуратность, Игорь отчетливо понимал, что его поездка на почтамт может и не быть напрасной. И точно, в отделе «До востребования» его уже ждала телеграмма: «Встречай завтра рейс из Внуково в 12 Москвы».

Следующим утром профессор известил по телефону сына, что он будет занят и они сегодня не увидятся. Сын несколько не возражал, он подружился со сверстником – сыном квартирных хозяев, деньгами Игорь его снабдил, и ребята весело проводили время, оставляя Юнга на попечение хозяйки.

Аня вышла из накопителя в аэропорту, как всегда, свежая и подтянутая, в синем жакете, гармонирующем с ее голубыми глазами и пепельными волосами, и вытянула перед собой руки:

– Игорь, ради бога, осторожней, испортишь прическу, сотрешь помаду – везла из Польши – потерпи полчаса.

Профессор поцеловал Аню в щеку и повел ее в машину. Они провели вместе в Одессе изумительную неделю. Профессору казалось уже тогда, и это подтвердилось много лет спустя, что это вторая райская неделя в его жизни. Первая была, когда они с будущей женой отдыхали на Рижском взморье в местечке Дзинтари (район Юрмалы), в домике на берегу речки Лиелупе. Кончилась райская неделя в Одессе, прогноз предвещал резкое ухудшение погоды, а Марийка обещала назавтра отплытие парома в Варну в два часа дня. Накануне профессор отвез Аню в аэропорт и вымыл из ведра во дворе машину – публичной мойки в «эпсилон»⁴ окрестностях обнаружено не было.

Утром профессор забрал Яна и Юнга и поехал в грузовой порт. Таможню они прошли сравнительно быстро, хотя любопытные служаки разворотили всю машину. Результатами они были явно разочарованы: книги, рукописи, кое-что из одежды, фотоаппарат – японская «мыльница», электробритва российского производства, маленький телевизор «Шарп» и японская радиомангитола...

– Ребята, надеюсь, колеса разбортывать не будете, – спросил профессор.

Таможенники засмеялись:

– Не будем. Похоже, вы не те кадры, которые в шинах везут наркотики и бриллианты.

⁴ Математический термин. Упрощенно, это любой интервал, содержащий данную точку.

Профессор высадил Яна с Юнгом и въехал в трюм парома, где уже было множество груженных полуприцепов – их привозили на тягачах, оставляли в трюмах, и потом уже болгарские тягачи забирали их в Варне. Судно было советским и называлось «Герои Плевны». Каюта профессора была где-то высоко наверху, и Игорь с Яном с трудом втащили туда Юнга по узкой железной лестнице.

Надо заметить, что те, кто уезжал из СССР после 1 июля 1991 года, сохраняли гражданство СССР (чего раньше не было), превратившееся после 6 февраля 1992-го в гражданство РСФСР. Таким образом, профессор с Яном при выезде получили международные советские паспорта, без чего, как убедился профессор в процессе поездки, она была бы практически невозможна. Вторым фактором, во многом определяющим успешную реализацию плана, было знание профессором английского языка. Однако у всех эмигрантов, которые попали в узкий коридор между 1 июля 1991 и 6 февраля 1992, были впоследствии проблемы с получением гражданства РСФСР, без чего нельзя было оформить, например, российскую пенсию. Профессор все-таки впоследствии сумел организовать себе российское гражданство, а вот жена – нет.

В полдень следующего дня паром пришвартовался в Варне, стивидор⁵ дал команду профессору выезжать первым, и машина вскоре оказалась на болгарской территории. Прямо из порта профессор поехал в турецкое консульство хлопотать насчет визы в Турцию. Однако, как учит народная русская мудрость, «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается».

Уже за квартал от консульства он увидел огромную очередь, пройти которую сегодня было совершенно нереально. Гольд припарковался и отправился в разведку. Публика в очереди его быстро вразумила: «Поезжайте на турецкую границу и прямо там за десять долларов оформите визу». Ближайшая точка турецкой границы находилась в районе города Бургаса. До Бургаса было примерно сто пятьдесят километров, и профессор тут же тронулся в путь. Засветло, часов в шесть вечера, он зашел в будку болгарского пограничника и спросил его насчет визы.

Тот ответил:

– Оставляйте тут машину, я вас пропущу, и топайте до турок, они вам скажут.

Профессор в полном одиночестве – вокруг не было ни души – довольно долго шел до турецкой границы, пока не показалась сторожка турецких пограничников. Турецкий офицер на ломаном английском объяснил, что визы выдают в другой точке турецко-болгарской границы, возле городка Капитан Андреево.

Уже темнело, и профессор поторопился обратно. По карте до Капитан Андреево было около двухсот километров. Дорога шла сплошь по горам, один серпантин следовал за другим, Юнга укачивало и тошнило, приходилось иногда останавливаться и выходить с ним на прогулку. Надо заметить, что хотя у доберманов морда вытянутая и их, в отличие от коротконосых собак вроде бульдогов и боксеров, укачивает меньше, но такие серпантины даже для длинноносых собак не показаны. Было чрезвычайно темно, что не способствовало высокой средней скорости. В дороге не встретилось ни души. На место прибыли часов в шесть утра. Гольд быстро проскочил болгарскую границу, где досмотр был совершенно формальным, и подъехал к турецкой таможне. Капитан-Андреевский турецкий пропускной пункт, в отличие от Бургасского, был хорошо организован и оборудован, но, увы, слишком сильно обжит. Он начинался с обширной накопительной площадки. Из накопителя к границе вело несколько рукавов, в которых находились будки с пограничниками, эстакады для досмотра машин и даже ларьки с разной бакалеей и напитками. Накопитель был битком набит автомобилями из разных стран, и очередь сильно пахла целым днем. В это время за «Ауди» встала серая «девятка», из которой резво выскочили два молодых турка-месхетинца.

⁵ Лицо, ответственное за погрузку и разгрузку стоящих в порту судов.

Коммент-эр: в июне 1989 года в Ферганской области Узбекистана произошли массовые погромы, в ходе которых жестоким нападениям подверглись турки-месхетинцы. Было убито около трехсот человек. В течение последующего года Узбекистан покинули почти все этнические турки – более 90 тысяч человек. Месхетинцами эти турки назывались потому, что исторически проживали в Месхетии (Грузия), которая в XVI веке была завоевана Османской империей. Позже эта территория отошла к России и оказалась в составе Грузинской ССР. Турция предоставляла возможность иммиграции для пострадавших, и некоторое количество тюрк-месхетинцев уже выезжало в начале 1990-х годов.

Месхетинские ребята оставили ключи от машины профессору, чтобы он продвигал их «девятку» в очереди, а сами побежали в разведку. Гольд видел, как они зашли в таможенную будку одного из рукавов.

Через полчаса месхетинцы прибежали обратно:

– Так, соседи, быстро давайте свои паспорта, документы на собаку, по десять долларов с каждого за визу, две бутылки водки и тридцать долларов как бакшиш.

Вскоре они вернулись, отдали Игорю проштампованные паспорта и пригласили следовать за ними. Машины заехали в один из свободных рукавов, где их немедленно пропустили в Турцию. Попрощавшись с месхетинцами и поблагодарив их за помощь, путники выскочили на отличное шоссе, идущее на Стамбул.

Тут профессор сказал сыну:

– Ну всё, дорогой, мы в свободном мире, правда, всего с тремя сотнями долларов. Даст бог, дотянем до Хайфы. Слушай, Ян, я очень устал, давай разоримся, заедем в Стамбуле в какой-нибудь мотель, примем душ, выпьемся, а завтра утром двинемся на юг.

В европейском квартале Стамбула – Ортакей – путешественники нашли маленький дешевый отельчик с двориком, где можно было поставить машину, съели по порции люля-кебаба, выпили по чашке крепчайшего турецкого кофе и завалились спать валетом на большой двухспальной кровати (свободных номеров с двумя кроватями почему-то не было, хотя на вид отельчик был совершенно пустым). Юнг устроился на плетеном коврикe на полу возле кровати. Утром, съев в крохотном буфете по превосходному чебуреку, Игорь направился на Босфорский мост, который вел в «азиатский» район Стамбула – Абдуллах-ага. Хотя в те времена таких пробок, как через двадцать лет, не было, пришлось ехать по полуторакилометровому мосту полчаса. Опоры моста возвышаются над водой на 160 метров, а проезжее полотно находится на высоте 64 метров, что позволяет проплывать под ним судам разных размеров. Вид с моста открывается великолепный – на воду с судами и обе части Стамбула – европейскую и азиатскую.

К сожалению, профессор не мог отвлекаться на созерцание, поскольку вел машину, и поэтому он заметил сыну:

– Смотри, Ян, когда еще увидишь такую красоту!

Как он ошибался!

В азиатской части Гольд разыскал солидный на вид полицейский участок и отправился туда, оставив Яна с Юнгом в машине. В участке он попросил дежурного полицейского связать его с каким-нибудь офицером, говорящим на английском. Дежурный понял, что от него хотят, однако отнесся к этому достаточно индифферентно. Но, посмотрев паспорт Игоря и поняв, что тот едет в Израиль, дежурный приветливо заулыбался и начал звонить по внутреннему телефону. Минут через десять появился офицер – на погонах у него было три звездочки, что соответствовало званию капитана, как он объяснил профессору. Когда-то он учился в Германии, и его английский был оттуда. Говорил он вполне прилично:

– Поезжайте в Мармарис и оттуда на пароме переплывете на Кипр. Но, подождите минуту, я вам кое-что подарю.

Он куда-то ушел и вернулся с картой дорог Турции, на которую были нанесены все бензозаправки.

– И еще, – сказал он, – должен вас предупредить. Сейчас конечно не 1980 год, когда «Серые волки»⁶ убивали по двадцать – тридцать человек в день, однако полиция и военные до сих пор всё время в состоянии готовности. Увидите полицейскую или военную машину, которая хоть как-то вам сигналист, немедленно останавливайтесь – стреляют без предупреждения. Ну, и за курдами посматривайте... Та еще публика.

Поблагодарив любезного офицера, Игорь вернулся в машину. Предстоял путь длиной около 800 километров почти через всю страну.

Располагая ничтожными деньгами, профессор очень беспокоился за расход бензина. В то время в Турции уже были платные дороги, но профессор из экономии ехал по параллельным им бесплатным, о чем впоследствии пожалел, поскольку бесплатные – это были преимущественно узкие, совершенно безлюдные серпантины с плохим покрытием. Дорога заняла два полных дня, и ночевали путники в машине, паркуясь, как правило, на территории придорожных кемпингов. Очень пригодилось замечание полицейского капитана насчет курдов. Однажды днем путники остановились для завтрака на живописной горной лужайке, к которой с шоссе вела хорошая проселочная дорога. Вдруг профессор увидел трех человек, приближающихся к ним со стороны гор. Один с ножом в руке шел к «Ауди» напрямую, а два других направлялись к проселку – видимо, с намерением отрезать путников от шоссе. Профессор сразу опознал курдов, которых он неоднократно встречал в советской Армении.

Он немедленно скомандовал Юнгу: «Фас», показав на человека с ножом, а сам с сыном начал быстро складывать вещи в машину.

Турки очень боятся собак, и курд с ножом начал пятиться от Юнга назад, профессор сел за руль, посадил сына и помчался к проселку, к которому приближались два других курда. Выехав на проселок, они позвали Юнга, который опередив всех турок, выскочил на дорогу, догнал машину и запрыгнул на ходу в переднюю правую дверь сыну на колени. Профессор дал полный газ, и курды остались позади. Наши путники воздали должное немецкому полицейскому и сборщику налогов Фридриху Луису Доберману, который вывел породу собак, относящихся к самым умным собакам в мире. Юнг выполнил боевое задание безукоризненно, проявив при этом и собственную инициативу, как будто он окончил с отличием школу ГРУ.

В Мармарисе профессор тут же вечером отправился в грузовой порт.

Визитка профессора сделала свое дело, и его принял командир турецкой таможни в чине майора, который худо-бедно на английском изъяснялся:

– Паром будет завтра утром, но вот какая загвоздка. Вы ведь приплывете на северный, турецкий Кипр, а паром в Хайфу из Греции идет через греческий Лимасол, расположенный на юге острова. Вы, видимо, слышали, что Кипр уже много лет, как разделен на южную, греческую часть и северную, турецкую. Буферная зона между частями состоит из трех линий: турецкие войска, греческие войска и между ними ООНовцы. Представители греческой и турецкой общин пересекать границу не могут. Что будет с вами – неизвестно. Турки вас пропустят, ООНовцы, скорее всего, тоже, а вот с греками может быть проблема... Дело в том, что у них есть закон считать человека любой национальности, посетившего турецкий сектор Кипра, персоной нон грата в Греции. Вот что я для вас могу сделать: не ставить вам в паспорта штамп об убытии из Турции и позвонить своим ребятам на Кипр, чтобы они не ставили вам штамп о прибытии на турецкий Кипр. В случае чего вы вернетесь в Турцию, следов в паспортах не будет... Сможете отсюда проехать в Афины и сесть на паром в Хайфу. Утром перед отплытием парома я буду на месте, позовете меня, я прикрою вас здесь и позвоню на Кипр.

⁶ «Серые волки» – «Бозкуртлар» – боевики турецкой «Партии националистического движения».

На следующее утро профессор был в порту, разыскал вчерашнего майора и тот заверил его, что переговорил с киприотами и там всё в порядке. Майор лично проводил наших путешественников до трапа на паром и пожал им руки. На Кипре всё развивалось по сценарию майора: штампы о прибытии в паспортах им не поставили, до линии, разделяющей турецкую и греческую части Кипра, они доехали быстро, турки и ООНовцы их легко пропустили. До греческой разделительной линии им пришлось ехать чуть ли не километр. Греки даже не стали смотреть документы, они немедленно показали жестами, чтобы вся честная компания немедленно убиралась обратно. Профессор пытался протестовать, но краем глаза он увидел, как один из солдат снимает с плеча автоматическую винтовку НК G3, которую производили в Греции по лицензии немецкой фирмы Heckler & Koch. У Игоря мелькнула мысль, что его и Яна солдаты, может быть, и не пристрелят, а вот Юнга – точно. Собака непрерывно рычала и лаяла, пыталась вылезти из машины, и это греков очень раздражало. Вокруг, насколько можно было видеть, не было ни души, солдаты были немыты, небриты и одеты в очень поношенную униформу. Многие из них были уже не юношеского возраста – лет по 40–50, офицера вычислить среди них было невозможно.

Профессор быстро принял решение – «Ауди» рванула с места и на полном газу помчалась обратно в турецкую сторону. Они успели на их же паром и без приключений добрались обратно до Мармариса. Путники остановились между портом и городом в живописной ротонде на обочине подумать о том, как жить дальше. Положение было критическим: денег было в обрез, и профессор видел только два выхода: попытаться продать машину и улететь в Израиль на самолете, или прорываться в Афины. Объятый думой Ермак, сидевший на берегу Иртыша, выглядел по сравнению с ним просто подвыпившим жизнерадостным весельчаком.

К ротонде подъехал старенький «Опель», и оттуда вышел пожилой, интеллигентный на вид турок с большими усами (усатых мужчин в те времена в Турции было процентов восемьдесят пять) проверить колеса. После этого он сел на скамейку в ротонде и вступил в беседу с Игорем, благо говорил немножко по-английски. Излить душу было больше некому, и профессор рассказал турку о своих злоключениях. Турок, которого звали Мехмет (он оказался учителем школы в предместьях Мармариса), отнесся к рассказу вполне сочувственно.

Немного подумав, он сказал:

– Продать машину, конечно, можно, но, во-первых, получите гроши, а во-вторых, это может занять много времени. Вот что я вам советую: поскольку здесь самый дешевый бензин во всей Турции, заправьте на все ваши деньги бак и канистры здесь на юге, и вам хватит до Афин, но сначала заезжайте в Анкару и получите греческую визу, и оттуда двигайте в Афины – там решите, что делать. А сейчас я приглашаю вас переночевать в моем доме, это километров двадцать отсюда.

Профессор принял приглашение с благодарностью и последовал за «Опелем». По дороге они заехали на одну бензозаправку, владелец которой был бывшим учеником турка.

Мехмет оживленно поговорил с хозяином и жестом пригласил Игоря подъезжать к заправочному шлангу:

– Он дает скидку.

Турок жил один в небольшом каменном доме. Он объяснил:

– Жена умерла в прошлом году, два сына разъехались – один в Германии, один в Измире.

На следующее утро наши пилигримы двинулись в Анкару. Доехали за два дня – дороги тогда были не очень, а вот с ночевкой путникам повезло. Вечером они заехали на придорожную бензозаправку подкачать колеса. Хозяин, услышав разговор профессора с Яном, обратился к ним на весьма приличном русском языке. Он оказался болгарским турком, два года назад переехавшим в Турцию.

Коммент-эр: 3 июня 1989 года София открыла границу, поощряя эмиграцию турок, а 21 августа Турция эту границу закрыла. За всего 78 дней из Болгарии в Турцию перешли 312 тысяч этнических турок, включая и нового знакомого Игоря.

Как почти любой немолодой болгарин, русский он знал хорошо и пригласил путников переночевать у него в доме, который находился тут же на территории бензоколонки. Профессор поностальгировал с турком, которого звали Осман, за бутылкой «Плиски» и прекрасными бараньими шашлыками до утра и сел за руль совершенно разбитым и невыспавшимся.

Анкара находится на высоте около 900 метров над уровнем моря на степном безлюдном нагорье. Она состоит из двух частей, разделенных железной дорогой: старой Анкары, сохраняющей черты старинной планировки с узкими улицами и небольшими домами, и новой – с широкими проспектами, библиотеками, музеями, магазинами и гостиницами. В 1990 году население Анкары составляло два с половиной миллиона.

Вечером Игорь с Яном отправились искать здание греческого посольства в Анкаре. Попасть в посольство не было никакой надежды: во-первых, время было уже нерабочее, а во-вторых, было воскресенье. Дело осложнялось еще и тем, что назавтра, 28 октября, был праздник – День Республики и все учреждения не работали. Улицы были довольно пустынными, и, увидев высокого человека в кожаной куртке с мрачным выражением лица, целеустремленно шагающего по тротуару, профессор выскочил из машины, догнал его и обратился к нему по-английски с просьбой показать путь в греческое посольство.

Человек несколько не удивился и на хорошем английском пригласил Игоря следовать за ним:

– Я как раз туда иду.

Ян сел за руль и тихонько поехал за профессором и его спутником. Через пять минут они уже были у посольства. Игорь всплакнул в жилетку высокому прохожему:

– Завтра они не работают!

– Кто вам сказал? Очень даже работают! – бросил высокий.

– Как, завтра ведь праздник? – удивился профессор.

– Я сказал, что работают, я знаю, что говорю, – грубо прикрикнул на него высокий и, не прощаясь, зашагал в сторону посольского здания.

«Чего только не бывает на белом свете», – говаривал старый сказочник Андерсен, и с ним никак нельзя было не согласиться.

На следующее утро путники оставили машину с Юнгом на въезде в город, влились в праздничную демонстрацию турецких трудящихся и бодро зашагали к центру в колонне какого-то анкарского учреждения. Через пять минут симпатичная турчанка попросила Яна нести портрет Ататюрка, под которым парочка, сбежав из колонны (советский опыт сказывался), дошагала до посольства.

Охранник на входе, ознакомившись с документами, отправил их к консулу. В коридоре посольства не было ни души. Дальше всё было по Андерсену: консулом оказался вчерашний грубый высокий мужчина.

Сегодня он был любезнее и даже улыбался:

– Я же говорил, а вы мне не верили – мы не празднуем их праздники.

И тут профессор сообразил, что это делается в пику туркам, с которыми у греков после Кипрского конфликта были весьма натянутые отношения.

– Так... значит, едете в Израиль, а зачем вам Греция? – спросил консул.

– Так паром до Хайфы идет из Пирея, – отвечал профессор.

– Понятно, ну а тогда скажите мне, друзья, а что вы делали вообще в Турции, почему не поехали прямо в Афины из Болгарии?

– Хотели воспользоваться редким случаем и заодно посмотреть Турцию, – объяснил профессор.

Консул хитро прищурился:

– А не хотели ли вы махнуть отсюда на Кипр?

Профессор вспомнил Штирлица и твердо сказал:

– Обижаете, господин консул. Что же мы, порядков не знаем, да и паспорта у нас чистые...

– Ладно, платите тридцать долларов...

Консул шлепнул печати в паспорта Яна и профессора и пошутил:

– Ну, хотя вашему доберману виза в Грецию не нужна, учтите, за его ветеринарное состояние на границе придется отвечать серьезно, у нас с этим строго!

Наша пара стремглав выскочила из посольства и побежала к Юнгу – он сидел один в машине добрые полдня и всякое могло случиться. Юнг был в порядке. Денег уже практически не было, и профессор решил попросить помощи в израильском посольстве. Путники опять переночевали в машине и на следующий день отправились на улицу Махатмы Ганди, где находилось посольство. Возле здания ходили два турецких автоматчика, и стоило только притормозить – они сразу схватились за автоматы:

– Проезжайте, тут стоять нельзя.

Припарковавшись в сторонке, Игорь пешком направился к посольству. Турки проверили документы, обратив особое внимание на израильскую визу, и пропустили его во двор. Посольство выглядело вымершим, следов какой-либо жизнедеятельности просто не было. Профессор долго звонил в дверь, пока по радиосвязи откликнулся мужской голос на английском языке. После подробных объяснений дверь приоткрылась, и профессор оказался в замкнутом коридоре без окон на улицу, мебели и людей. В коридоре можно было рассмотреть амбразуру, прикрытую железной крышкой с прорезью, и две железные двери. Уже другой голос по радио принялся его снова опрашивать, причем вопросы были те же самые; тогда Игорь еще не знал, что это излюбленная практика израильских спецслужб – по пять раз спрашивать одно и то же и смотреть, не собьется ли допрашиваемый. После опроса голос приказал профессору просунуть документы в щель в крышке амбразуры, которая тут же открылась и закрылась. Документы изучались минут двадцать, после чего открылась амбразура, и профессор увидел небольшую комнатку, в которой сидела пожилая, очень ухоженная дама с серебряными буклями. Ясное дело – она задала те же вопросы, что и предыдущие «застенные» голоса, а в финале спросила:

– Так вы зачем, собственно, явились?

Профессор протянул даме руку с перевернутой вверх ладонью и сказал:

– Помогите будущим землякам чем можете.

Ответ дамы Игорь перевел потом Яну очень кратко:

– Пошел вон!

Амбразура закрылась, а входная дверь открылась, можно было вдохнуть свежий, некондиционированный воздух и взглянуть на белый свет. Так состоялось первое знакомство со славными представителями исторической родины.

– Поедем-ка, Ян, теперь в посольство «послеисторической» родины – российское, – сказал профессор и нажал акселератор.

Российское посольство занимает огромную территорию с периметром в квартал в центре Анкары, еще подаренную Ленину Ататюрком, и представляет целый комплекс зданий. Игорь свободно прошел на территорию, предъявив только советский паспорт охраннику у ворот. Консул принял его моментально – это был совершенно молодой человек, может быть лет двадцати восьми, который проявил живейший интерес к рассказу профессора о его приключениях. Он рассказал профессору, что большинство зарубежных советских посольств, включая турецкое,

поддержали ГКЧП и после подавления путча в них были назначены новые послы и другие сотрудники. Наш консул лично работал второй месяц.

– Ну что же вы, ребята! Выбрали свободный мир, а ситуацию на Кипре глубоко не изучили, вот и понесли наказание. Ну чем я вам могу помочь – сами понимаете, только добрым словом. Единственно, что я вам обещаю, так это позвонить в российское посольство в Афинах, рассказать о вас и попросить чем-нибудь помочь. Но я там никого не знаю, – сказал консул и протянул Игорю новенькую визитку.

Как говорится, результат был тот же, что в израильском ведомстве, но ощущения совсем другие – тут наши путники были как бы свои.

Дорога из Анкары в Стамбул заняла один день. Первого октября наши путешественники снова оказались на стамбульском мосту, и Ян сказал отцу:

– А ты говорил, что я больше мост не увижу.

Игорь посадил Яна за руль, с тем чтобы самому насладиться видом Босфора, открывающимся с моста. До Афин из Стамбула ехали три дня, сделав остановку в изумительном по красоте городе Салоники. В Салониках успешно продали соседу по кемпингу маленький телевизор «Шарп», который был у наших путников в машине, – вырученных денег должно было хватить на питание до Афин. Питались исключительно бананами (цена их в это время в Турции и Греции была приближена к нулю) и очень вкусными и недорогими белыми булочками. Пили родниковую воду.

Дорога шла в основном по горному берегу сначала Мраморного, а потом Эгейского моря, и виды открывались сказочные. Особенно поразил цвет воды в Мраморном море – это тот редкий случай, когда название полностью отражает содержание. Утром 4 октября, в пятницу, были в Афинах. Количество бензина в баках и денег в карманах было близко к нулю. По дороге профессор выносил идею: обратиться за помощью в «Сохнут» – все-таки именно эта организация способствует эмиграции евреев в Израиль. Пока доехали до площади Омония (что в переводе означает площадь Согласия), являющейся одной из двух центральных площадей Афин, было уже два часа дня. Припарковаться никакой возможности не было. Игорь оставил Яна за рулем, попросил его ошиваться где-нибудь поблизости и периодически подъезжать к подъезду мрачного и обшарпанного шестиэтажного здания, где находился «Сохнут». Швейцар в подъезде сказал:

– Опоздали, все ушли, их теперь два дня не будет – завтра они отдыхают как евреи, а послезавтра как греки, так что приходите в понедельник.

Надо было искать ночлег, пока не стемнело. Путешественники покинули центр Афин и медленно двигались вдоль периферийных улиц в надежде найти какое-нибудь пристанище – прямо на улице оставаться не хотелось. И вдруг они увидели район строящихся вилл и индивидуальных домов. Они въехали туда и нашли недостроенную открытую виллу. К их великому удивлению, из крана в ванной текла вода, а в гостиной стоял телефон. Профессор поднял трубку и услышал гудок – телефон работал – нет, прав все-таки был сказочник Андерсен! Профессор набрал код Израиля и номер телефона их родственников в Цфате, где жила жена с матерью. Их потеряли. С кипрских времен связи не было. Профессор попросил жену оплатить в Израиле проезд на пароме до Хайфы и обещал по получении билетов связаться.

Последствия звонка не заставили себя долго ждать: зазвучала сирена, и возле виллы появилась машина греческой полиции. После изучения документов полицейские пригласили нашу парочку следовать за ними. Их привезли в полицейский участок, который занимал два маленьких здания, обнесенных высокой оградой. Автомобили въехали за ограду, и пленников повели в один из домиков.

Там старший из полицейских сказал:

– Командир уже уехал домой, разбираться с вами некому, будете сидеть у нас до понедельника!

Пленников отвели в соседний домик, который был чем-то вроде малогабаритной тюрьмы, снабдили старыми байковыми одеялами и подушками и показали титан с заварным чайником.

– Ворота будут заперты, в конторе постоянно будет дежурный, с собакой можете выходить во двор, – сказал старший и удалился.

«Вот и ночлег нашелся, да еще какой надежный...» – подумал профессор и с удовольствием вытянул ноги на первом этаже двухэтажных нар.

Путники провели два спокойных дня в уютной и гостеприимной греческой тюрьме. В субботу и воскресенье дежурный, которому они дали остаток денег, приносил им постоянно хот-доги из соседней лавочки, которая работала, видимо, все выходные. Сахар-рафинад и чай были, как сказал Ян, за счет заведения.

В понедельник утром явился начальник участка, который тут же вызвал профессора на допрос. Начальник немного говорил по-английски, он изучил документы путников, внимательно посмотрел визитку профессора и спросил:

– Почему вы, почтенный человек, заместитель директора, доктор и профессор, бродяжничаете, а не идете ночевать в отель?

Профессор молча вывернул перед ним карманы.

– Вообще-то, вас полагается оштрафовать за бродяжничество и незаконный телефонный звонок, но, учитывая все обстоятельства, я вас отпускаю.

Он объяснил, как проехать к площади Омония, и дал команду открыть ворота.

Профессор обобщил отношение к ним и, видимо, ко всем евреям в Турции и Греции. В Турции, когда путники говорили, что они евреи и едут в Израиль, отношение было самое теплое и дружеское, у турок-мусульман постоянно сквозило желание помочь и сделать им что-то приятное. У греков-христиан базовое настроение было повсеместно совсем другое: холодно-бюрократический подход проявлялся во всем. Потом уже профессор прочел, что из всех жителей ЕС греки являются обладателями самых негативных взглядов в отношении евреев. Профессор подумал, что греки не могут простить евреям то, что они сопротивлялись изменениям Иудеи в сторону принятия греческой культуры и что греки были побеждены Маккавеями⁷. Кроме того, веселым грекам трудно было поверить, что можно исправить мир путем соблюдения 613 заповедей...

Благополучно добравшись до Омония и даже умудрившись припарковаться в районе площади, профессор отправился в «Сохнут», занимающий этаж в подъезде данного здания. Процедура проникновения вовнутрь помещения несколько напоминала анкарскую – посольскую: переговоры через железную дверь с двумя дамами по очереди, затем впуск в прихожую. Однако сохнутовские дамы были много любезнее анкарских посольских служащих. С интересом выслушав эпопею, они дружно кивнули на молодого лохматого человека, молча сидевшего в прихожей на стуле:

– Он как раз сегодня отплывает в Хайфу на пароме с машиной.

Коллега оказался кишиневцем, следующим в Хайфу на «девятке». Он проехал из Молдавии в Румынию, оттуда в Болгарию и из Болгарии в Грецию. Двери из комнаты были открыты, и молодой человек хорошо слышал переговоры профессора с сохнутовцами.

В результате переговоров было принято такое решение: оплатить путешественникам билеты от Афин до Хайфы без стоимости перевозки машины, поскольку «Ауди» является явно выраженной «немкой», и снабдить их съестными припасами на дорогу. Следующий паром ожидался через четыре дня. Прокорм путешественников в Афинах в ожидании парома в функции «Сохнута» не входил. Профессор также получил разрешение на звонок и сообщил жене, что

⁷ Маккавеи – род иудейских царей и верховных жрецов, названный так по прозвищу Иуды Маккавея, вождя победоносного восстания против власти сирийцев. Сирия была одним из государств – наследников великой державы Александра Македонского. В ней говорили на греческом языке и чтити греческих богов. Сирийские владыки отличались жестоким упорством в насаждении греческого языка и языческого культа в землях, подчиненных им.

«покупать нам билеты не надо, а необходимо только оплатить провоз машины». Платеж за билеты был произведен «Сохнумом» незамедлительно, и надо было прощаться.

Лохматый кишиневец закончил свои дела и сделал громогласное заявление:

– Я делаю вам королевский подарок: поехали со мной в порт, я погружу на паром свою машину, а вам уступлю свою стоянку, причем недалеко от причала хайфского парома.

Истинный масштаб подарка профессор оценил несколько позже! Кишиневец сел с путешественниками в «Ауди» и проследовал в порт. Там у стенки стоял десяток легковых автомобилей, причем некоторые из них были покрыты толстым слоем пыли, то есть стояли давно. Запрещающих знаков нигде не было видно.

Кишиневец отогнал свою «девятку», и профессор поставил свою машину на освободившееся место. До отплытия машину трогать было нельзя, поскольку место тут же было бы занято. На прощание благодетель дал путешественникам хороший совет:

– Завтра приходит теплоход с советскими туристами, в порту и его окрестностях будет большой торговый день. Хотите что-нибудь купить-продать – приготовьтесь сделать это завтра, но смотрите в оба – здесь такие жулики...

Коммерческая ревизия «Ауди» дала следующие результаты: японский фотоаппарат-«мыльница», переносная магнитола «Шарп», всё новое, купленное перед самым отъездом, великолепный немецкий набор слесарных инструментов «Бош» – подарок коллег к пятидесятилетию, почти новая нерповая фуражка и противотуманные фары «Бош», снятые с «Ауди».

Коммент-эр: надо отметить интересную черту советской экономики конца 1980-х и начала 1990-х годов. Дела в финансово-денежной системе шли плохо, и все предприятия испытывали серьезную нехватку денежных средств. В практику входит старый способ – обмен товара на товар, который именовался бартером. Товар достается без расходования денег, следовательно, их можно пустить на другие цели. Челябинская область была насыщена предприятиями, которые получали по бартеру дефицитные импортные товары ведущих фирм-производителей (телевизоры, холодильники, стиральные машины, видеокамеры и т. п.) и продавали их своим сотрудникам по себестоимости. Многие из этих сотрудников тут же несли эти товары в комиссионные магазины или на товарные рынки и продавали их в 3–5 раз дороже. Одними из главных покупателей этих товаров были евреи и немцы, собиравшиеся эмигрировать.

Один из аспектов ценности подарка кишиневца – место для стоянки машины в порту – наши путешественники оценили уже на следующее утро: у них была возможность хранить продаваемые товары в машине и брать их по мере надобности. Они влились в ряды советских туристов, бойко торгующих биноклями, фотоаппаратами «Зенит», часами и прочими предметами советского ширпотреба, и довольно быстро реализовали все свои запасы: фуражку и фары продали соотечественникам, а остальное – местным покупателям. Особенный спрос был на хромированные слесарные инструменты. Профессор занимался взаиморасчетами, а Ян с рычащим на поводке Юнгом осуществляли охранное прикрытие негоциантов от потенциальных мошенников. К полудню профессор сказал:

– Не знаю, как господин Ельцин, а мы свою продовольственную программу уже выполнили.

Поскольку машину сдвигать с места было нельзя, наши пилигримы пешком отправились сначала в ближайший ресторанчик, а потом с канистрой в руках – на ближайшую бензоколонку. Вернувшись, профессор с сыном немного расчистили от вещей задний отсек салона, так, чтобы появилась возможность наклонить спинки передних сидений для ночного сна. Первую ночь за последнюю неделю они спали спокойно, несмотря на лай Юнга в адрес невероятно больших крыс, спокойно гуляющих вокруг машины. Выпускать собаку на улицу Игорь боялся,

потому что десяток таких крыс могли загрызть не только добермана, но запросто тигра или льва.

Оставшиеся свободные три дня путешественники посвятили экскурсиям по Афинам, благо они находились в сердце Греции, страны-колыбели европейской цивилизации. Конечно, предпочтение отдавалось местам, где платить за экскурсии не требовалось и куда можно было дойти из порта пешком. Прежде всего они посетили Акрополь, считающийся визитной карточкой Афин, и осмотрели Парфенон – храм, построенный в честь богини Афины, покровительницы столицы Греции. Парфенон поразил путешественников своими масштабами и оригинальной продуманной компоновкой колонн. Посмотрели они также театр Диониса, где увидели остатки последних рядов амфитеатра, вмещающего семнадцать тысяч зрителей, что в античные времена составляло половину жителей города. Посетили также древнегреческий Эрехтейон, считающийся одним из главных храмов древних Афин. По преданию, храм построен на месте спора между Афиной и Посейдоном за власть над Аттикой. Поднялись на холм Филопаппу, откуда открывается роскошная панорама всего города. Очень интересным оказался древний афинский район Плака, с узкими улочками и хорошо сохранившимися старинными домами (не античными, конечно, а XVI–XVIII веков), первые этажи которых были заполнены уютными кафе. Сильное впечатление произвел Панафинейский стадион, построенный в IV веке до нашей эры и отреставрированный в конце XIX века. По преданию, весь этот огромный стадион был построен из белого мрамора.

На четвертый день должен был отплывать паром в Хайфу, путешественники сдвинулись со своей исторической стоянки и поехали в «Сохнут» за обещанной корзиной продовольственной помощи. Ян поднялся в помещение и вернулся с очаровательной молоденькой девушкой, которой было поручено снабдить путников продовольствием. Девушка уютно устроилась у Яна на коленях и скомандовала ехать в дешевый супермаркет, где у «Сохнута» был открыт счет. Профессор с Яном пошли наполнять тележку, а девушка осталась беседовать с кассиром у входа. Когда наши путешественники подошли к кассе, девушка начала выбрасывать из тележки ветчины, колбасы, паштеты и прочие вкусности, заявив, что «Сохнут» не оплачивает приличным евреям некошерные продукты. Профессор потерял дар речи от удивления и в шоковом состоянии отправился к витринам. На этот раз девушка сопровождала Игоря и руководила отбором: отобрали сыр, творог, молоко, хлеб... Профессор показал на собачьи консервы... девушка согласилась. На этом сохнутовка покинула путников, и они отправились обратно в порт. Там уже стояла небольшая очередь из машин на паром и очередь пеших пассажиров.

Рослый мужчина с каким-то значком на иврите, прикрепленным к лацкану пиджака, вяло осматривал автомобили, среди которых путешественники заметили две «девятки» с советскими номерами. Прочитав все документы и посмотрев паспорта путешественников, мужчина явно оживился: крупные контрабандисты и международные аферисты явно шли к нему в руки.

– Вы оставляли свою машину в Турции и Греции многократно в разных местах, – обрадовался он, – и вам могли подложить в нее мину.

Профессор счел за благо не спорить:

– Вполне! Но, кажется, не подложили...

Рослый мужчина, предвидя серьезную работу, назвал свое имя и представился функционером израильской спецслужбы в Греции, правда, не сказав, какой именно службы. Начал он с колес и шин, особенно интересуясь запасными колесами (у наших путников их было два). С помощью передвижного гидродомкрата он проверил одинаковость выбега колес и постукивал по шинам небольшим молотком с длинной ручкой. Затем он придирчиво осмотрел переднюю часть салона, а также багажник. За дорогу профессор с Яном настолько насобачились вытаскивать вещи из машины и складывать их обратно, что вполне могли сниматься в учебном фильме для начинающих таможенников. Но тут случился казус: израильский комиссар Мегрэ не заметил темно-коричневого Юнга, мирно спавшего в заднем отсеке салона, и открыл

заднюю дверь. Тут он и познакомился с реакцией доберманов... Юнг громогласно гавкнул и бросился на детектива. Израильский детектив продемонстрировал реакцию не хуже добермановской и вовремя захлопнул дверь. Отдышавшись, он сказал:

– Ладно, вы ребята неплохие, задний отсек разгружать не будем, поезжайте.

Профессор сел за руль и потихоньку двинулся к аппарели, ведущей в трюм. Когда он уже был первым на въезд, дорогу перегородил изящный молодой человек в костюме и галстуке, который на прекрасном английском предложил профессору выйти из машины. Он представился главой израильских спецслужб в Греции и сказал, что хочет переговорить. Полчаса профессор излагал молодому человеку их одиссею, ничего не утаив, кроме поездки на Кипр. Беседа удовлетворила обоих, и поступила команда к пограничнику поднять шлагбаум. При этом молодой человек с пафосом сказал:

– Поезжайте, у израильских спецслужб к вам претензий нет.

На что профессор с не меньшим пафосом ответил:

– И у нас нет претензий к израильским спецслужбам!

Джентльмены раскланялись, и профессор въехал в трюм.

Путь до Хайфы занимал со стоянкой в Лимасоле на Кипре около четырех дней, и надо было устраивать корабельный быт. У наших путешественников были самые дешевые палубные билеты, что означало отсутствие у них кают и пребывание в большом загоне на палубе, оборудованном скамейками, столами и навесом. Загон также был оборудован парой туалетов и парой умывальников.

Публика на палубе была презанятной: отличались престарелый профессор из Кембриджа с супругой, пятеро молодых новозеландских мотоциклистов, совершающих кругосветное путешествие, две семьи из Молдавии, ехавшие на ПМЖ в Израиль на автомобилях, стайка немецких студенток, путешествующих по Ближнему Востоку, и десяток семей советских евреев (преимущественно из Молдавии и Одессы с окрестностями), избравших «греческий» маршрут эмиграции в Израиль.

Путники принесли из машины маленькие подушки с одеялами, поролоновые матрасики и устроились спать на скамейках, благо было уже довольно поздно. Матросы отдали швартовы, и плавание началось. К вечеру следующего дня паром причалил на Кипре в Лимасоле. После причаливания капитан по радио призвал пассажиров к вниманию и сказал, что паром дальше не поплывет, поскольку объявлена всеобщая забастовка греческих моряков. Поднялся страшный гвалт на разнообразных языках, и капитана неминуемо ожидал суд Линча. Профессор решил вмешаться, он поднялся к капитану в рубку, и тот ему сообщил, что сам мало что знает и по мере выяснения обстоятельств будет пассажиров информировать. Выход на берег всем разрешается. Профессор медленно пересказал разговор с капитаном на русском и английском, и гвалт прекратился. Всё было замечательно, плохо было то, что кошерные продукты могли кончиться быстрее, чем время штатного плавания.

Однако, как говорится в русских народных сказках, утро вечера мудренее.

И точно. Утром искушенные одесско-кишиневские евреи отправились продавать лимасольцам бинокли, фотоаппараты и прочие дары земли советской. Трап на паром охранялся солдатами ООН, которые запрещали выносить с корабля больше одного предмета каждого наименования, и, следовательно, возникала необходимость ходить за каждым, например за биноклем, снова и снова по мере реализации предыдущего. А расстояние было довольно большое, а солнце днем припекало. Вторая проблема состояла в том, что вышеуказанные евреи ни одного языка, кроме русского и нередко идиша, не знали, что затрудняло их переговоры с аборигенами. Первичный маркетинг, сделанный профессором с Яном, показал, что есть спрос, во-первых, на «транспортные» услуги, а во-вторых, на посреднический сервис по переводу. К обеду новоявленная фирма «Игорь и сын» уже заработала. В день набегало чаевых фунтов пять – а кипрский фунт дороже английского. Кроме того, поддержка пришла из неожиданного

источника: у одного из молдаван «девятка» была оборудована прицепом, где находилось килограмм двести копченой свиной грудинки. Владелец в Молдавии имел кооператив по копчению мяса и надеялся облагодетельствовать подобным продуктом светское население Израиля. Он поделился своими опасениями с профессором, что задержка на Кипре плюс довольно жаркая погода могут плохо сказаться на качестве грудинки. Профессор посоветовал ему начать продавать продукт уже на Кипре – по крайней мере, тут нет кашрута... Сказано – сделано. Взяв с собой образцы продукции, профессор с молдаванином обошли штук пятнадцать закусочных, кафе и ресторанов, и многие хозяева пожелали приобрести грудинку. Ян с профессором с помощью молдаванина и его жены перетащили на берег в несколько приемов килограммов сто грудинки и в награду получили неограниченный доступ к остатку этого продукта на борту парома.

Очень беспокоила ситуация с Юнгом. Чтобы вывести его с судна на берег, требовалась справка от ООНовского ветеринара, ветеринар требовал за справку восемьдесят долларов – таких денег у наших путешественников не было. Профессор пошел к капитану и честно рассказал ему о проблеме.

– Ладно, – ответил капитан, – выгуливайте его по ночам на палубе, а я скажу ребятам, чтобы не ворчали.

Надо сказать, что капитан свое обещание выполнил, и греческие матросы аккуратно убирали по утрам следы ночных выгулов Юнга. Другое дело, что во время отсутствия путников на судне собака вынуждена была сидеть в машине в трюме, где было очень жарко и душно. Ян постоянно старался гулять днем с Юнгом на поводке по палубе.

Интересную сюрреалистическую картину можно было наблюдать по вечерам на палубе. Дело в том, что большинство пассажиров ужинали за палубными столами и после этого мыли посуду в маленьких умывальниках с густой решеткой на сливе. Проблема была с твердыми обьедками. Ян решал эту проблему просто: он давал Юнгу облизать тарелку и только потом мыл ее в умывальнике. Первым додумался кембриджский профессор, он подошел к путникам и на высоком английском попросил разрешения дать собаке облизать его тарелку и тарелку жены. Ян разрешил, но только с условием, что давать тарелку Юнгу будет он. Вскоре к Юнгу выстроилась очередь с тарелками в руках... При тусклом свете корабельных светильников и темной кипрской ночи это была сцена, достойная какого-нибудь фильма Феллини.

Так прожили три с половиной дня, после чего благополучно отплыли в Хайфу. Плыли еще три дня. В Хайфе, проделав минимальные таможенно-бюрократические процедуры – главные были перенесены на более позднее время, когда машина должна была регистрироваться, путешественники съехали по пандусу на берег, где их встречала жена профессора и, соответственно, мама Яна. В руках у нее была забавная телеграмма на русском языке: «Профессор Гольд с сыном и доbermanом прибывает в Хайфу завтра днем». Была середина ноября 1991-го, и начиналась новая жизнь на исторической родине.

Глава 2

Его университеты

Игорь родился за полгода до начала Великой Отечественной войны в городе Днепропетровске. Его отец Владимир Львович был инженером, специалистом в области теплотехники, термодинамики и тепловых двигателей. Он окончил механический факультет Днепропетровского горного института в 1924 году в числе первого десятка выпускников-студентов после революционного периода. Когда в 1961 году в СССР были введены нагрудные академические знаки (в народе эти знаки именовались ромбиками или поплавками) для окончивших советские высшие учебные заведения (по образцу и подобию жетонов для лиц, окончивших курс Императорских российских университетов в дореволюционной России), то отец Игоря получил по почте знак с порядковым номером 4. Перед войной отец защитил кандидатскую диссертацию и преподавал в этом институте. Он был выходцем из большой, среднего достатка еврейской семьи екатеринославского (Екатеринослав – дореволюционное название Днепропетровска) мельника и имел двух братьев и сестру. С началом революции отец в восемнадцать лет добровольцем пошел в Красную армию и был прикомандирован в качестве ее представителя к штабу батьки Махно в Гуляйполе. Отец служил в Красной армии с 1918 по 1921-й. В 1921 году он демобилизовался и поступил в Днепропетровский горный институт.

Старший брат отца, Абрам, в 1914 году закончил медицинский факультет Лейпцигского университета (Германия) и пошел добровольцем в русскую армию, где и прослужил военным врачом до конца Первой мировой войны. В период 1938–1941 годов заведовал кафедрой отоларингологии 1-го Киевского мединститута.

Младший брат Яков высшего образования не получил и работал на различных хозяйственных должностях. Сестра Софья была профессиональной революционеркой, а после революции и до войны работала в партийном аппарате.

Мать Игоря Виктория была моложе отца на десять лет, окончила Днепропетровский машиностроительный техникум и работала техником на заводе имени Петровского. Она была видная статная брюнетка с серыми глазами.

Случилось так, что отец и его старший брат Абрам женились на двух родных сестрах – Виктории и Этель. Дедушка Игоря по материнской линии Самуил, отец Этель и Виктории, окончил юридический факультет университета в Лондоне и уехал с бабушкой Идой в Нью-Йорк, где они жили до 1910 года. В 1910 году дедушка умер, а бабушка переехала в Польшу, где у нее был брат Давид, имевший в Лодзи бизнес по поставкам тканей. Старшая сестра Этель родилась и жила одиннадцать лет в Нью-Йорке, а младшая Виктория родилась в Польше. Их брат Арнольд тоже родился в Польше, жил в Ленинграде и служил в подводном флоте. К началу войны Этель работала преподавательницей английского языка в Киевском мединституте.

Во время войны в течение нескольких лет почти всё семейство оказалось в Челябинске.

Отец, начиная с 1943 года, работал на ЧТЗ начальником установки по получению жидкого кислорода на базе турбодетандера академика П. Л. Капицы – одной из первых в Союзе и мире – и преподавал в Челябинском политехническом институте, открытом в том же 1943 году. Мать не работала, она умела шить и потихонечку шила дома на заказ.

Рядом на той же лестничной площадке жили младший брат отца Яша с дочкой Любой и ее мужем Гришей – майором-танкистом, который перед войной окончил бронетанковую академию имени Сталина, стал кадровым военным, провоевал всю войну от звонка до звонка, включая участие в Сталинградской битве, и остался служить в армии после войны. Он был назначен военпредом на ЧТЗ. В Советском Союзе действовала система военной приемки на всех предприятиях, производящих технику и другие предметы для армии.

Старший брат Абрам с женой Этель и бабушкой Идой жили на соседней улице – он заведовал кафедрой отоларингологии в местном мединституте, Этель была завкафедрой иностранных языков в том же институте, а их сын Леонид, врач-уролог, работал в городской клинике.

На другой соседней улице жила сестра отца Соня с мужем Израилем Оржеховским. Он провоевал всю войну, демобилизовался в чине подполковника и заведовал в Челябинске большим автохозяйством. Их дочка Минна жила в Москве.

Брат матери Игоря Арнольд после войны демобилизовался и по-прежнему жил в Ленинграде. Его жена погибла во время блокады, их сын, который остался после смерти матери беспризорным, находился в заключении в Воркуте. Дядя Арнольд женился на своей фронтовой подруге, и у них рос сын Евгений.

Детсадовские годы Игорь помнил смутно, запомнились только редкие эпизоды, когда директор садика, полная и рослая еврейка Софья Марковна приходила в столовую и громогласно объявляла: «Дети, у нас сегодня хлеб с настоящим сливочным маслом!»

Излишне говорить, что в остальные дни хлеб был с маргарином или даже без него.

В 1948 году Игорь пошел в первый класс в элитную мужскую (тогда школы делились на мужские и женские) школу № 10, которую возглавлял огромного роста тучный мужчина – заслуженный учитель Анатолий Иванович Александров. Школа была далеко, трамваи и троллейбусы туда не ходили, и проходило топать пешком. Первый класс профессор хорошо помнил. Прошло три года после войны, карточная система была отменена в 1947 году, и тогда же была проведена хитрая денежная реформа.

Коммент-эр: все денежные номиналы были уменьшены в 10 раз, причем вклады до трех тысяч рублей оставались без изменения; до 10 тысяч рублей менялись по курсу 3:2; более 10 тысяч рублей делились на три части: первая – три тысячи рублей – обменивалась 1:1, вторая – семь тысяч рублей – 3:2, остальная часть вклада – свыше 10 тысяч рублей – 2:1.

Беднота была удручающая, школьной формы тогда не было, и первоклассники щеголяли в основном в самодельных курточках, перешитых из родительских гимнастеров, юбок и пиджаков. Так как материи одного вида на курточку не хватало, была мода на комбинированную одежду из материалов двух цветов. С играми и игрушками тоже была проблема. Дети почти полностью состояли на самообслуживании. Местом для игр служили улица и двор, где дети проводили всё свое свободное время. У девочек популярной игрой были «классики», иногда в них играли и мальчики. Мелом на асфальте рисовали сетку и прыгали по ней, толкая ногами некое самодельное подобие шайбы. Девочки часто играли со скакалкой. Были распространены такие игры, как прятки, догонялки и т. п.

Мальчики всюду катались на самодельных самокатах. Такой самокат представлял собой две доски, сколоченные под углом. Сзади на горизонтальной доске крепились два задних колеса. К вертикальной доске привинчивались два шарнира от дверей и устанавливалась шарнирно третья рулевая доска с передним колесом. В качестве колес исключительно использовались шарикоподшипники. При движении по асфальту такой самокат издавал оглушительный визг и грохот. В Челябинске популярным спортивным снарядом было устройство, основой которого был стальной диск диаметром около полуметра от механизма поворота танка. Снаружи этот диск был гладким, а внутри он имел зубцы. Из толстой проволоки изготовлялось водило. Снизу оно имело ковшеобразный изгиб, а сверху рукоятку. Диск катился по изгибу водила и останавливался путем переноса водила на внутреннюю зубчатую сторону. По улицам и дворам бегали десятки мальчишек с такими дисками. Среди них были и виртуозы, закладывающие лихие виражи, запрыгивающие на бордюры тротуаров и пр.

Конечно, мальчики всех возрастов играли в войну – в то время это было весьма актуально. «Военное» снаряжение изготовляли сами. Игорь слыл большим оружейником среди

уличной детворы. Например, были в ходу «поджиги». Простейший «поджиг» представлял собой медную трубку, расплюснутую и загнутую с одного конца. С другого конца в трубку одним концом вставлялся затупленный гвоздь, второй конец которого загибался. Между загнутыми концами трубки и гвоздя натягивался резиновый жгут. В трубку крошились головки от спичек, гвоздь заклинивался под углом и при нажатии на резинку ударял по «взрывчатке» – раздавался довольно громкий звук, напоминающий выстрел. Были и более серьезные «поджиги». Трубку расплюсывали с одного конца и делали в ней пропил. Туда набивали порох, устанавливали пыж из войлока и насыпали дробь или шарики из подшипников. В пропил подсыпали порох, который после зажигания воспламенял основной заряд. Это была очень опасная игрушка, иногда трубки разрывались и калечили стрелков. Изготавливали деревянные пистолеты, ружья и автоматы. Однажды отец сделал Игорю на заводе металлический пулемет «Максим», который выглядел совершенно как настоящий. На нем была ручка, при вращении которой трещотка издавала звуки пулеметных очередей.

У Игоря был одноклассник Сережа Грачев (потом он стал видным конструктором баллистических ракет морского базирования), который жил с родителями на окраине в собственном доме с большим земельным участком. Когда осенью урожай был убран и двор оказывался в распоряжении ребят, там устраивались рыцарские турниры и бои. Ребята садились верхом друг на друга и старались сбить наездника противоборствующей команды.

Уже в старших классах играли на деньги в «чику» и «об стенку». В первом случае монеты складывались в стопку и разбивались брошенным издали небольшим свинцовым диском. Потом били диском по рассыпанным монетам и старались перевернуть их – перевернутая монета считалась выигрышем. Во втором случае били монетку об стенку, чтобы она упала поближе к монетке партнера. Если растянутыми пальцами дотягивался – монета считалась выигранной.

Гриша подарил Игорю настоящую офицерскую полевую сумку из натуральной кожи, и профессор чрезвычайно гордился этой сумкой и щеголял ею уже в свой первый школьный день. Учеба давалась ему без труда, и первые два года пролетели совершенно незаметно. Поскольку школа была передовой, изучение английского языка начиналось с третьего класса, в это же время появилось и несколько других учителей вместо одной учительницы, которая была первые два года. Школы того времени отличались тем, что в них был высокий процент учителей-мужчин, преимущественно демобилизованных офицеров. Так, английский язык у Игоря в классе преподавал высокий плечистый блондин лет сорока Владимир Иванович Цветков по прозвищу Стоптокинг⁸. Его красивое лицо было изуродовано несколькими страшными шрамами. Позже ученики узнали, что во время войны он служил в Смерше и был в немецком плену.

Математику, например, преподавал Иван Николаевич Спиридонов – высокий худой мужчина с обгоревшими правой щекой и шеей – бывший командир батальона Уральского добровольческого танкового корпуса. Позже, уже в другой школе, в 8—10 классах математику преподавал толстенький лысенький мужчина из шанхайцев-харбинцев. В связи с низкой зарплатой он подрабатывал регентом в церковном хоре единственной в Челябинске православной церкви.

Коммент-эр: Уральский добровольческий танковый корпус был сформирован в 1943 году и оснащен оружием и техникой, изготовленными трудящимися Свердловской, Челябинской и Молотовской областей (ныне – Пермский край). Личный состав также был набран из добровольцев Урала. Специально для корпуса в Златоусте была выпущена серия финских ножей с черными рукоятками, за что немцы называли его «Шварцмессер панцер дивизион».

⁸ Stop talking (англ.) – прекратить разговоры.

Предметом гордости профессора в третьем классе служили торбаса (сапоги из шкуры с ног северного оленя), однажды привезенные Гришей из поездки на Север. Игорь с удовольствием и гордостью носил эти торбаса несколько лет.

Вообще, начиная с третьего класса до окончания института и еще года три после этого, профессор постоянно был увлечен разными хобби (конечно, тогда этого слова не было), заполняющими до отказа всё его время. В течение всех школьных и институтских лет и несколько в меньшей степени позже таким хобби было чтение. Двоюродная сестра Игоря Люба работала преподавателем английского языка в школе и была очень эрудированной и начитанной женщиной. Своих детей у нее с Гришей не было, и весь свой педагогический потенциал в части эстетико-лингвистического воспитания она сосредоточила на Игоре. Надо сказать, что в первое послевоенное время была противоречивая обстановка по части чтения литературы. С одной стороны, ситуация этому способствовала: бытовых телевизоров было крайне мало, фильмов шло мало, парки и разные аттракционы были малодоступны. И что было делать интеллигентному мальчику длинными уральскими зимами? С другой стороны, достать интересную книгу было непросто: библиотек было мало, они были заполнены литературой, одобренной партией и лично товарищем Сталиным, и бесчисленное количество авторов были запрещены. Для Игоря этот баланс нарушался одним обстоятельством: в коридоре у Любы с Гришей стоял – видимо, еще дореволюционный – книжный шкаф. Размеры шкафа были таковы, что в нем, скорее всего, раньше находилась типография, где печатали газету «Искра».

Откуда шкаф попал в коридор – никому не было известно. Скорее всего, к этому был причастен папа Любы – дядя Яша, который в двадцатые годы был нэпманом и слыл очень хозяйственным человеком. Однако он отказывался признаваться. Он же во многом был причастен к содержимому шкафа, который был набит до отказа подписными изданиями.

Коммент-эр: в сталинские и частично в послесталинские времена в Союзе были в ходу так называемые подписные многотомные издания (в основном классиков). Заранее подписавшиеся в течение нескольких лет получали по почте очередные тома издания. Подписки в книжных магазинах были практически недоступны простому человеку без блата. Надо было записываться в очередь с вечера и дежурить всю ночь, а это выдерживали только истинные любители. Подписная литература тех лет издавалась, как правило, на хорошей бумаге. Свидетельством зажиточности и интеллигентности советских семей был книжный шкаф, заставленный подписными изданиями.

Так вот, за школьные годы профессор прочел «из шкафа» полные собрания сочинений Льва Толстого, Алексея Толстого, Тургенева, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Вячеслава Шишкова, Марка Твена, Диккенса, Мопассана, Голсуорси, Элизы Ожешко, Бальзака, Флобера, Дюма, Эмиля Золя, Стейнбека, Вальтера Скотта и другие. В шкафу также помещалось 36-томное собрание сочинений Ленина, и Игорь был, скорее всего, одной из немногих персон, читавших всего Ленина в подлиннике.

Но литература – это был постоянный фон всех молодых, и не только молодых, лет профессора, а на этом фоне разворачивались и другие увлечения. Так, третий класс (1951 год) ознаменовался увлечением фотографией. Излишне говорить, что фотография тех лет отличалась от нынешней, как креветка от акулы – общее было только то, что обе живут в воде. Фотоаппаратами и умением фотографировать обладал довольно узкий, избранный круг, пользующийся всеобщим уважением. Импульсом для Игоря послужил фотоаппарат, привезенный Гришей из Германии, и Гришино занятие фотографированием. Но это был не просто фотоаппарат, это была легендарная немецкая камера «Экзакта».

Коммент-эр: «Экзакта» производилась в Дрездене с 1933 года. Это был первый в мире однообъективный зеркальный фотоаппарат для роликовой пленки с курковым взводом затвора и перевода пленки на следующий кадр. Качество оптики было превосходным, и снимки, сделанные этой камерой, отличались по качеству от снимков, выполненных советскими аппаратами того времени, как картина Рубенса от плаката в сельском клубе. Японские гиганты, такие как «Никон» и «Кэнон», после войны только вставали на ноги, и первенство «Эзакты» было неоспоримым.

Надо было покупать фотоаппарат. В то время практически можно было купить только ФЭД – советский дальномерный фотоаппарат, производимый Харьковским производственным машиностроительным объединением «ФЭД» с 1934 года. Было общеизвестно, что ФЭД являлся копией немецкой камеры Leica II. Но ФЭД стоил дорого и для начинающего мальчишки был непозволительной роскошью. К счастью, как раз в 1950 году Ленинградское оптико-механическое объединение (ЛОМО) выпустило «Любитель» – среднеформатный двухобъективный зеркальный фотоаппарат, сконструированный на основе довоенных немецких камер Voigtlander Brilliant. На свое десятилетие Игорь получил в подарок «Любитель», и началась его фотоэпопея. В то время в ассортименте каждого занимающегося фотографией должен был быть помимо фотоаппарата набор других принадлежностей: бачок для проявления пленок, фотоувеличитель, красный фонарь и желательно глянецватель. Проблема была в том, что «Любитель» работал на фотопленке шириной 70 миллиметров, в то время как в ФЭДе использовалась узкая пленка – 35 миллиметров (иногда называемая кинопленкой). По твердой советской традиции в любом случае должен возникать дефицит. Широкоплечный подержанный фотоувеличитель Гриша где-то раздобыл, а вот бачки для проявления широкой пленки просто не делались и не продавались – широкоплечные фотоаппараты уже продавались, а бачки нет. Пришлось отцу Игоря в срочном порядке изготовлять на заводе бачок и покрывать его слоем, стойким к фоторастворам. Наконец, бачок был готов, и профессор сделал первые фотографии. Пленка была недешевой, в рулоне было двенадцать кадров, и надо было думать при каждой экспозиции – это сразу привило профессору привычку работать над каждым кадром. Все ночи с субботы на воскресенье он, несмотря на ворчание родителей, просиживал в ванной и колдовал над печатью фотоснимков. Иногда Гриша брал его в свою ванную на мастер-классы.

Другой игрушкой для профессора, привезенной Гришей из Германии, служил пистолет «Парабеллум».

Коммент-эр: во время и после войны пистолет «Парабеллум» знали практически все. Во всех кинофильмах о Второй мировой войне с ним ходили все поголовно немецкие офицеры и выдающиеся советские разведчики. Во время игр «в войну» все советские дети были «вооружены» этим пистолетом. Надо сказать, что германский конструктор Георг Люгер создал очень удачный пистолет с высочайшей надежностью и отличными боевыми характеристиками, благодаря чему он сто лет использовался военными и сотрудниками спецслужб. Однако пистолет имел сложную механику.

Игорь постигал механику «Парабеллума» с помощью Гриши несколько месяцев, многократно разбирая и собирая оружие. Одно время это даже вызвало у него желание стать конструктором стрелкового оружия. В те годы Игоря также активно интересовала другая механическая система – персональный автомобиль дяди Изи ГАЗ-67, который тот имел как директор большого автопредприятия. В послевоенное время персональные машины с шофером имели только очень большие начальники и партийные бонзы. Мысль о машине без шофера абсолютно никому и никогда в голову не приходила – поскольку главной задачей шофера было не столько вождение машины, сколько ее поддержание в рабочем состоянии.

Коммент-эр: ГАЗ-67 был концептуальной копией американского «Виллиса» и носил в народе кличку «Иван-Виллис». Он принимал активное участие в заключительном этапе Великой Отечественной войны, а затем в Корейской войне. Объемы производства во время войны были весьма невелики – около 10 процентов от поставок в СССР по ленд-лизу⁹ автомобилей Ford GPW и Willys MB. После войны автомобиль производился Горьковским автозаводом, эксплуатировался во всем Союзе и даже продавался за границу (в Восточную Европу, КНДР, Китай).

Шофером на «Иван-Виллисе» был еврей по имени Шай (знакомые называли его Шая). Профессор подкарауливал, когда дядя Изя приезжал домой обедать, и прибегал к Шаю, который показывал ему устройство машины. Иногда Игорю удавалось покататься, сопровождая дядю Изю в поездках по городу.

В 1953 году умер Сталин, а в 1956 году состоялся XX съезд партии и было опубликовано постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий». В постановлении не подвергалась сомнению правильность курса на построение социализма и коммунизма в СССР и говорилось, что «культ личности не изменил и не мог изменить природы общественно-политического строя». Однако в стране начали происходить серьезные изменения. Первым, с чем столкнулись дети, было введение совместного обучения девочек и мальчиков во всех советских школах. Игоря и еще несколько мальчиков перевели по месту жительства в школу № 1, которая считалась самой элитной среди женских школ. На первом уроке обсуждался «важнейший» научно-педагогический вопрос – как рассаживаться: девочка с девочкой, мальчик с мальчиком или вперемежку. После длительной и довольно ожесточенной дискуссии пришли к продукту нововведенных демократических изменений: садиться кто как хочет. Постепенно в итоге демократия оказалась самым практичным решением.

Были мероприятия и посерьезнее. Вместо семилетнего обучения в стране вводилось обязательное восьмилетнее образование. Одновременно школа получала «политехнический» профиль, предполагавший сочетание образования с трудовой деятельностью, с тем чтобы учащиеся имели представление об одной или нескольких профессиях. Предложенная система обучения лишь ухудшила общеобразовательную подготовку школьников, не дав им профессиональных навыков. Неэффективность данной системы была во многом очевидной, и в некоторых школах, включая школу № 1, был сохранен десятилетний срок обучения с небольшой профессиональной подготовкой. Позже десятилетняя схема была реставрирована повсеместно.

В рамках политехнизации Игоря с другими учениками в девятом классе отправили в сборочный цех радиозавода, где собирали гражданскую продукцию (в основном завод производил военное оборудование). Ребята попали в гигантское помещение с 500 (!) молоденькими девушками, некоторые из них были весьма хорошенькими. Школьникам было уже по шестнадцать-семнадцать лет, и они были больше заняты флиртом (конечно, мальчики), чем пайкой деталей. В цеху появилось больше брака, и после жалоб ОТК (отдела технического контроля) эксперимент был прекращен. Тогда школьников начали посылать раз в неделю в ближайшее к городу животноводческое хозяйство, где им поручили уход за коровами, содержащимися в огромном коровнике. Кончилось это предприятие, когда пара ребят сильно поранилась вилами при погрузке сена. В десятом классе учеников уже с политехнизацией не трогали. После сезона политехнизации требовался отчет о проделанной работе. Профессор написал его в памфлетном стиле, за что его вызвали в комитет комсомола школы и рассматривали вопрос

⁹ Ленд-лиз – государственная программа, по которой Соединенные Штаты Америки поставляли своим союзникам во Второй мировой войне бесплатно боевые припасы, технику, продовольствие, медицинское оборудование, лекарства и стратегическое сырье.

о его исключении из комсомола. Но, имея в виду его ударную работу в коровнике и хорошую учебу, большинство членов комитета проголосовало против этого предложения. Всего профессора пытались исключить из комсомола трижды – один раз в школе и два раза в институте. Все три раза он висел на волоске и чудом удерживался.

Самым близким другом в школе у профессора был одноклассник Миша Анисимов, круглолицый белобрысый увалень и круглый отличник. Ребята жили по обеим сторонам одной улицы друг напротив друга и много времени проводили вместе – готовили уроки и развлекались. Впоследствии они вместе учились в институте, где Миша играл в хоккей в сборной института, а потом их дорожки разошлись: Мишу распределили в Свердловск на «Уралмаш-завод», и в Челябинск он больше не вернулся.

Мимо старшекласников уже не могли пройти огромные социально-политические изменения, происходящие в стране. Изменения в культурной жизни страны первыми стали видны в литературе. Массово начали издаваться и печататься в старых и вновь открытых «толстых» литературных журналах ранее запрещенные авторы. Игорь, как и многие, тогда запоем читал Ильфа и Петрова, Зощенко, Солженицына, Пильняка, Бабеля, Фенимора Купера, Пьера Сэлинджера, Грэма Грина, Хулио Кортасара и других. Главным культовым иностранным писателем для молодежи в то время был Эрих Мария Ремарк, за ним шел Эрнест Хемингуэй. Книги издавались огромными тиражами, продавались по низкой цене и исчезали из магазинов за полчаса.

Большую роль в литературных пристрастиях профессора сыграл следующий факт. С ним в одном классе учился мальчик по фамилии Дубровский, звали его, естественно, Владимир. Его папа был журналистом и работал главным редактором многотиражки ЧТЗ. Учитывая, что на заводе работало около ста тысяч человек, это была вполне солидная газета, и ее редактор занимал вполне серьезный пост. Папа Владимира вел в классе Игоря на добровольной основе литературный кружок. Заметив активность и некоторые литературные способности профессора, он подарил ему книжку издания 1931 года «Что нужно знать начинающему писателю». В это время сталинизм еще не успел развернуться в полном масштабе, и из книжки Игорь впервые узнал такие имена, как Саша Черный, Пильняк, Бальмонт, Зощенко, Гумилев, Мандельштам и другие, о которых молодежь сталинской эпохи и слухом не слыхивала. С 1955 года возобновилась деятельность журнала «Иностранная литература», в котором публиковались произведения зарубежных авторов и который стал на десятилетия окном в мир для советского читателя.

Начал кое-что рассказывать и отец, который в сталинские годы боялся открывать рот, опасаясь, что Игорь где-нибудь скажет что-нибудь не то. Первым откровением был Лев Давидович Троцкий, которого отец несколько раз видел и слышал. В сталинское, да и потом в хрущевско-брежневское время большего злодея и врага революции трудно было вообразить. Усилиями советской пропаганды Троцкий был превращен в совершенно демоническую фигуру, непрерывно мешавшую товарищам Ленину и Сталину совершать Октябрьскую революцию и строить социализм. Но верный рыцарь революции т. Сталин одолел врага, и тот бесславно умер за границей (на самом деле был убит в Мексике по приказу Сталина). Десятки тысяч советских граждан были репрессированы за «троцкизм», хотя никто из них никогда не видел и не слышал Троцкого и не читал его произведений. Со слов отца Игорь узнал, что Троцкий создал Красную армию и руководил ею, что он был блестящий организатор и администратор, что он считался величайшим революционным оратором, что его имя во время революции звучало даже громче, чем имя Ленина. Это было потрясение!

Вторым потрясением был батька Махно, которого отец хорошо знал. Игорь любил Алексея Толстого, который в романе «Хождение по мукам» писал, что Махно был неуправляемый маньяк и кровавый палач. Советская историография, литература и кинематограф изображали Махно как ярого врага советской власти, карикатурного анархиста и антисемита. Отец говорил,

что это была тотальная ложь. На самом деле Махно был реальным союзником Красной армии, высокообразованным человеком, знатоком европейской культуры и литературы, последователем отца анархизма Петра Кропоткина. При этом он являлся способным военачальником, внедрившим, например, в практику Гражданской войны тачанку. Махно также официально числился советским комбригом и был награжден орденом Красного Знамени. Отец также категорически отрицал антисемитизм Махно.

Очень было тяжело Игорю носить в себе эти тайные знания в такие юные годы, но делать было нечего – сам напросился.

Сестра Люба активно и регулярно водила Игоря на спектакли местного и гастролирующих в Челябинске оперных театров и оперетты, и Игорь к началу обучения в институте неплохо знал оперную классику.

В это время на семью свалилось несчастье – в конце 1955 года отца Игоря арестовали. Этому предшествовали следующие события. Тетя профессора Этель и дядя Абрам много работали и периодически привозили бабушку Иду жить у родителей Игоря. Бабушка любила сидеть в кресле на кухне и читать в подлиннике толстые романы английских и американских классиков – других англоязычных авторов у нее не было, и достать их было невозможно. Постепенно в кухне собралась крохотная библиотечка, которая располагалась на верхней полке кухонного шкафчика. У отца на заводе был заместитель Михаил Васильевич Рябухин, коренной уралец – заядлый рыбак и охотник. Он одним из первых в 1954 году приобрел «Москвич-400» – первый массовый легковой автомобиль, продававшийся в СССР для индивидуального использования, до этого у него был мотоцикл. Однажды он привез отцу в подарок пару ведер свежельовленных карасей и занес ведра на кухню. Картина, которую он увидел, повергла его в изумление, как будто он выловил из озера вместе с карасями живого крокодила. В якобы приличной лояльной советской семье на кухне среди белого дня сидит чужеродный элемент в виде бабушки Иды и читает толстую книгу на непонятном языке. Более того, несколько таких книг стоит в кухонном шкафчике.

Рябухин задал бабушке только один вопрос:

– Это на каком языке?

И, получив ответ, что на английском, он поспешно удалился от греха подальше. Будучи честным советским гражданином, Рябухин в принятых тогда традициях на следующий день написал донос в органы. В органах сложили этот донос с собственными наблюдениями за отцом в части его общения с П. Л. Капицей и решили малость разобраться. А разобраться тогда значило для начала посадить. Книги на английском при этом конфисковали.

Собака была зарыта в следующем. Отец монтировал и потом эксплуатировал установку по сжижению газов с помощью турбодетандера, изобретенного П. Л. Капицей. Поскольку дело было сложное и новаторское, он несколько раз разговаривал с Петром Леонидовичем по телефону и несколько раз летал к нему в Москву на консультацию на заводском «Дугласе», что не являлось секретом для надзирающих органов. Конечно, отец всё это делал совершенно официально и по указанию директора завода И. М. Зальцмана. Но вот как раз эти две личности – Капица и Зальцман – не вызывали у органов госбезопасности никакого энтузиазма.

Коммент-эр: Петр Леонидович Капица, прилетевший из Англии в 1934 году в отпуск (он работал в Кембридже под руководством Резерфорда), был насильственно оставлен в СССР. Тут же был подписан указ о создании Института физических проблем, входящего в состав Академии наук, директором которого стал Капица. Вот в этом институте и были развернуты исследования по созданию криогенных установок для производства кислорода на базе турбодетандера. Эта идея была воспринята специалистами неоднозначно. В 1945 году Капица был включен в комитет по работам над советской атомной бомбой, но, в связи с конфликтом с Л. П. Берией, который возглавлял работы по атомной бомбе, он попросил у Ста-

лина отставки. Сталин такую отставку разрешил, однако Капица в результате был уволен с должностей директора института и начальника «Главкислорода», а также с физико-технического факультета МГУ. С 1946 по 1955 год Капица находился под домашним арестом у себя на даче под Москвой, в поселке Николина Гора, где отец Игоря его несколько раз посещал.

Исаак Моисеевич Зальцман в разгар полемики о технологии Капицы по промышленному производству жидкого кислорода, как директор ЧТЗ, с подачи отца, поддерживал Капицу. А это была весомая поддержка, поскольку Исаак Моисеевич был наркомом танковой промышленности, генерал-майором инженерно-танковой службы, Героем Социалистического Труда, кавалером трех орденов Ленина и лауреатом Сталинской премии. Но в 1949 году, в разгар антисемитской борьбы с космополитизмом, Берия припомнил знаменитому танкостроителю поддержку своего врага Капицы. Зальцману вменили в вину общение с секретарем Ленинградского обкома партии Дмитрием Кузнецовым и другими фигурантами знаменитого «Ленинградского дела», с которыми он, естественно, общался, будучи в то время директором ленинградского Кировского завода (впоследствии эвакуированного в Челябинск). В 1949 году Зальцмана исключили из партии и уволили с ЧТЗ. Сталин лично распорядился направить его мастером на машиностроительный завод в городе Муроме, после чего шутники прозвали Зальцмана «Исаак Муромец».

Через тетю Этель, которая заведовала кафедрой иностранных языков в Челябинском мединституте, родственники узнали, что английские книги посланы для экспертизы (с целью определения содержания в них «антисоветчины») на кафедру английского языка в местный пединститут. Как шло следствие, она, естественно, не знала. Через месяц всё разрешилось, пединститут дал заключение, что Диккенс, Голсуорси, Драйзер и другие классики англоязычной литературы антисоветчиками не являются, а все найденные на кухне произведения переведены на русский язык и широко публикуются в Союзе. Капицу полностью реабилитировали, восстановили на посту директора Института физических проблем. В 1956-м он возглавил кафедру низких температур МФТИ, а в 1957-м был выбран в члены президиума АН СССР.

Соответственно, отца Игоря выпустили и восстановили на работе.

В 1947 году в Москве вышел указ Сталина: проживавшим на чужбине советским гражданам предоставлялась возможность вернуться на родину. В 1950 году из Шанхая вернулся дядя Игоря Давид (брат бабушки Иды). В Китае он женился на женщине дворянского происхождения Марье Николаевне Лукиной. Она была вдова капитана первого ранга Российского Императорского Тихоокеанского флота и жила с мужем перед революцией во Владивостоке. «Китайским» возвращенцам запрещалось жить в городах в центре страны, и их расселяли в Сибири, Казахстане, на Урале и пр. Дядя Давид как-то умудрился поселиться в небольшом абхазском городке Гуд ауты, возле Сухуми, где они с женой купили небольшой дом в пяти минутах ходьбы от пляжа. Каникулы тогда были большие – три месяца, и Игорь с мамой каждый год ездили поездом на два-три месяца отдыхать в Гуд ауты. После восьмого класса Игорь уже ездил один. Мама сажала его в плацкартный вагон прямого поезда, снабдив тогдашним стандартным продуктовым набором: жареной курицей, крутыми яйцами, сухой колбасой, салом, воблой и толкой денег, чтобы он покупал себе на станциях хлеб и вареную картошку. В Гудаутах Игоря встречал на станции дядя Давид в неизменном зеленом мундире, но в соломенной шляпе, отдаленно похожей на шляпу канотье. Он работал в Госстрахе, и мундир был следствием сталинского времени, когда униформу носили многие госслужащие: сотрудники банков, почтовые служащие и пр. Дядя Давид садился с Игорем в подрессоренную пролетку (это был его служебный транспорт), и рыжая лошадка не спеша везла экипаж домой, где Марья Николаевна начинала откармливать Игоря чахохбили и лобио. Она страдала глаукомой и почти ничего не видела, но ощипывала кур и готовила виртуозно на каменной печке, сложенной во дворе. Летом (а лето в Гудаутах было не менее полугода) дядя Давид сдавал свой дом отдыхающим, а сам с

Марьей Николаевной жил в большом сарае из некрашенных струганых досок во дворе. У Игоря был отдельный отсек в этом сарае размером с вагонное купе. Бабушка Ида прозвала этот сарай «Белым домом» (который она так видела во время жизни в США), и это название прижилось.

Надо сказать, что плавательных бассейнов тогда не было, речка в Челябинске была декоративная, а до бесчисленных уральских озер добраться было сложно. Поэтому Гуд ауты стали для профессора школой плавания. К восьмому классу он плавал преотлично и после девятого класса уже выступал в Тбилиси за сборную Абхазии на чемпионате Грузии по плаванию. Бюрократия тогда в грузинском спорте была минимальная, и никто не думал, что Гольд не совсем абхазская фамилия, тем более что в Грузии и Абхазии теоретически могли жить ашкеназские евреи (грузинские евреи, как правило, имели грузинские фамилии). Спасательной службы на пляжах тогда не было, и у ребят сложилась небольшая компания, развлекающаяся дальними заплывами. Ребята вкладывали в плавки спущенную камеру от футбольного мяча на экстренный случай, прикалывали булавки для устранения судороги и заплывали в море за пределы видимости берега – такой заплыв длился четыре-пять часов. В те времена трактаты о дружелюбии дельфинов по отношению к человеку еще не были опубликованы, и бывало очень страшно, когда черная туша проплывала под тобой буквально в одном-двух метрах, создавая вокруг тела турбулентность воды, и выпрыгивала из воды в нескольких метрах. Но что правда, то правда – нападений не наблюдалось. Компания «дальнего плавания» просуществовала вплоть до студенческих лет Игоря. Среди членов этой команды была одна девушка из Ленинграда по имени Ира. Ира, как и другие пловцы, постепенно выросла и стала красивой девушкой с совершенно потрясающими длинными русыми волосами до колен. У них с Игорем была «сезонная» любовь – встречались они только летом, и душными абхазскими ночами в отдельном купе «Белого дома» Ира заворачивала Игоря в свои влажные волосы, пахнущие морем и свежей рыбой. Ее волосы до конца не просыхали неделями. Однажды, после четвертого курса, Игорь поехал в Ленинград к дяде Арнольду и навестил Иру. Она жила в самом историческом центре города – на Красной улице, в старинном доме. Они с мамой владели большой комнатой в огромной коммунальной квартире, где было штук три общих кухонь и один большущий туалет. В этом туалете Игорь увидел развешенные на стенке стульчаки разных цветов и растерялся. Ира не предупредила его, какого цвета стульчак принадлежит их комнате, и пришлось брать первый попавшийся.

В это время в школе у Игоря случилась взаимная любовь с ученицей параллельного класса Людой Коссовской, девочкой с огромной рыжеватой косой и ослепительно-голубыми огромными глазами. Она была круглой отличницей и соседкой Игоря по дому. Ее папа был профессором спортивной медицины в мединституте, а мама – врачом. Роман развивался настолько бурно, что пара несколько раз оказывалась на грани интимных отношений. В те времена половая связь с девочкой такого возраста и уровня должна была рано или поздно закончиться браком, а этого Игорь ни в коем случае не хотел. Поэтому, собрав всю свою волю в кулак, он разорвал отношения с Людой. После окончания школы она поступила в мединститут, и их пути разошлись. Со временем Люда защитила кандидатскую диссертацию, потом докторскую и стала членом-корреспондентом Академии медицинских наук. Она вышла замуж, родила двух дочерей и всю жизнь трудилась в области искусственной почки. Встретились они уже в Израиле, после смерти Людиного мужа и замужества обеих дочерей. Люда приехала в Израиль одна (дочки с мужьями и внуками остались в России) и работала в одной из крупнейших больниц Израиля «Ихилов» в Тель-Авиве. Жила она в Ашдоде, где снимала квартиру с одной из своих санитарок. Виделся с ней Игорь один раз, заехал по дороге на работу в Ашкелон. Свидание получилось весьма грустным. Женщина, имеющая вполне престижную работу и материально обеспеченная, испытывала тяжелый психологический кризис от одиночества, от общения с неинтеллигентными и малочитающими коллегами, от проживания в одной квартире с санитар-

кой «марокканкой»... Профессору тоже было нечем похвастаться... Через несколько месяцев Люда вернулась в Россию, и больше они с Игорем никогда не общались.

В начале десятого класса уже надо было задумываться о поступлении в вуз. Наиболее гарантированным методом было получение золотой медали, которая давала право поступить в любой вуз без экзаменов. Профессор учился хорошо, но круглым отличником не был. Чтобы получить золотую медаль, было необходимо сдать на отлично аж восемь выпускных экзаменов и, кроме того, иметь пятерки по некоторым предметам, которые не входили в перечень выпускных экзаменов и в десятом классе уже не изучались. Игорь навалился на учебу и закончил полугодие без единой четверки. Стало ясно, что он идет, как тогда выражались, на медаль. Школа была заинтересована в как можно большем количестве медалистов и способствовала их продвижению. В частности, Игорю разрешили (это законом было предусмотрено) пересдать его единственную четверку, оставшуюся с девятого класса – по астрономии, и он это с успехом сделал. Когда десятиклассники сдали уже по шесть экзаменов из восьми (то есть до окончания школы оставалась практически неделя) и Игорь предвкушал свободное лето и поступление в любой вуз страны, Никита Сергеевич Хрущев родил очередную новацию: отменил привилегии медалистов при поступлении в вузы вообще. Можно себе вообразить разочарование ребят, шедших на медали. Раздосадованные медалисты школы, где учился Игорь, и некоторые знакомые ребята из других школ устроили по этому поводу междусобойчик, в процессе которого одна из девочек, которая, по общему мнению, имела наилучшую фигуру, танцевала на столе топлес в огромном ожерелье из золотых и серебряных медалей. Перед этим профессору пришлось основательно повозиться с закреплением медалей на шнурке, поскольку медали не имеют отверстий и ушек.

Конкурирующих вариантов было три: МАМИ (Московский автомеханический институт), автотракторный факультет Челябинского политехнического института (ЧПИ) и Куйбышевский авиационный институт, где работал проректором Гришин отец. Другим вариантом был факультет журналистики Уральского университета в Свердловске – Игорь легко писал стихи, очерки и юмористические рассказы, которые постоянно помещали в школьную стенную газету и даже иногда печатали в местной молодежной многотиражной газете. На семейном совете решили не рисковать – в дальние края не ездить и поступать куда-нибудь поблизости, а факультет журналистики отпал по желанию Игоря. Выбрали ЧПИ, и профессор подал документы на специальность «колесные и гусеничные машины», что в переводе с тогдашнего советского языка (в котором всё военное шифровалось) следовало читать: «военные (далее по тексту)».

Впервые в жизни Игоря практически встал еврейский вопрос: принимают ли евреев на эту специальность? Однако дело было в светлый для евреев Союза промежуток между взятием власти Хрущевым и шестидневной арабо-израильской войной, когда в еврейском вопросе политика была двойственной и относительно либеральной. Учитывая, что Игорь знал несколько ребят-евреев, которые учились уже на втором-третьем курсе по этой специальности, решили попробовать – риск был невелик – в крайнем случае, при хороших результатах вступительных экзаменов можно было поступить на другую специальность, например «автомобили». Надо было сдавать пять экзаменов, четыре профессор сдал на отлично, а один – по русскому языку – на четверку Отец, у которого нашлись знакомые в приемной комиссии, выяснил, что, поскольку этот экзамен был последний, четверку поставили так, для острастки (всё равно, мол, поступит...), придравшись к какой-то сомнительной запятой.

В это время произошел эпизод, которому профессор поначалу не придавал никакого значения, но который оказал определенное влияние на его дальнейшую студенческую жизнь. Он стоял возле окна института в коридоре, рассматривая какие-то бумаги. В это время к нему подбежал белобрысый человек в круглых старомодных очках и двубортном шерстяном костюме сталинского покроя и упал перед ним на колени. Стоя на коленях, человек достал из кармана

металлическую линейку и приложил ее к низу профессорских брюк. После этого он стремительно поднялся и, держа в руках линейку, победно закричал:

– Так я и думал! Двадцать два сантиметра!

Спектакль собрал изрядное количество зрителей, которое непрерывно увеличивалось. Дальше белобрысый человек уже играл на публику в лучших традициях театра Станиславского. Выдержав паузу, он хорошо поставленным голосом спросил профессора:

– Ты что тут делаешь? Неужели в институт поступаешь? В таких штанах! Никогда не поступишь! Вы только на него посмотрите – до чего уже дошло – стилиаги поступают в институты! Ну, ничего, мы этого не допустим!

После этого он удалился твердым шагом. Вокруг Игоря образовался стихийный митинг из молодежи, бурно обсуждавшей прошедший эпизод.

Коммент-эр: стилиаги появились в начале 1950-х годов. Началось с того, что многие солдаты и офицеры после войны привезли из Европы одежду, обувь, журналы и прочие атрибуты западной жизни. Более того, некоторые доставили и более крупные вещи: пианино, автомобили, мотоциклы и пр. В первые годы стилиаги выглядели просто карикатурно: широкие яркие штаны, мешковатый пиджак, шляпа с широкими полями, яркие носки, однако к концу 1950-х их облик стал значительно более стильным: брюки-дудочки, длинные двубортные пиджаки, туфли на высокой каучуковой белой подошве, цветные рубашки, галстуки с рисунком. Советская пропаганда объявляла стилиаг тунеядцами и мелкими хулиганами. Конечно, бывали и такие, однако многие нормально учились и работали. Кроме психологических и пропагандистских атак применялось и физическое воздействие: бригады комсомольских активистов, в основном состоящие из рабочих и учащихся ремесленных училищ, останавливали стилиаг, распарывали им узкие брюки, обрезали яркие галстуки и даже выстригали волосы на голове. Полновесные по одежде стилиаги водились в Москве, Ленинграде и портовых городах, где жили люди, выезжавшие за границу, и где бывали иностранцы. Но и в этих городах у стилиаг были большие проблемы с приобретением нужных вещей, что уж говорить про такие города, как Челябинск, куда ни одного иностранца близко не пускали. Для провинциального стилиаги проблема приобретения импортной одежды и обуви была практически неразрешимой. Заменяли фирменные вещи разнообразные эрзацы.

Характерным признаком стилиагничества была также идеологически чуждая музыка. Джаз становился чем-то большим, чем музыка, и считался идеологией: «Сегодня он играет джаз, а завтра родину продаст». Наиболее популярными музыкантами среди стилиаг были Луи Армстронг, Бенни Гудмен, Дюк Эллингтон, Гленн Миллер, Билл Хейли, Элвис Пресли. Вовсю крутили Утесова, Вертинского, Петра Лещенко, Козина, Баянову. Танцевали кто во что горазд: рок-н-ролл, чарльстон, буги-вуги, фокстрот, танго.

Однако грампластинки с записями всех этих исполнителей достать было крайне сложно. Умельцы наладили производство в домашних условиях аппаратов с нарезанием звуковой дорожки на рентгеновских снимках (назывались «пластинки на костях»). Эти пластинки зачастую были единственным доступным средством для простого обывателя проигрывать желаемую музыку. Проблема была в низком качестве звука и недолговечности таких пластинок. В 1950 году началось производство первого советского магнитофона «Днепр». Магнитофоны, как и многие другие технические новинки в послевоенные годы, пришли из Германии.

Коммент-эр: до войны, да и в первые годы после нее, Германия являлась ведущей страной в этой области. На американском радио магнитная запись впервые была сделана в 1947 году с помощью немецкого магнитофона, который привез в 1945 году американский солдат-радиотехник из Германии. Американский певец Бинг Кросби, вдохновленный эффектом от первых

записей своих песен, вложил большие деньги в разработку новинки в США, и уже в 1950 году в США множество моделей магнитофонов широко продавалось. В радиовещании СССР немецкие трофейные аппараты использовались до конца пятидесятых годов.

Главным и наиболее видным издалека признаком стиляги были узкие брюки (все советские мужчины носили очень широкие, бесформенные штаны), и тут профессору помогала мама, которая перешивала (суживала) «ширпотребные» брюки до требуемого формата (22 сантиметра внизу). Она же изменяла конфигурацию галстуков. Неслыханное дело, но профессору как-то удалось купить на вещевом базаре настоящие югославские туфли на белой каучуковой подошве. Другим доступным атрибутом стиляги для Игоря была прическа. Принятыми мужскими стрижками тогда считались «бокс» и «полубокс» с выбритым затылком, а стиляге были положены длинные волосы. Но главным был пышный взбитый кок на голове, для чего волосы обильно набриолинивались или закреплялись сахарным сиропом. У профессора были густые, слегка выющиеся волосы, и сделать кок не было никакой проблемы.

До прилавков провинциальных магазинов магнитофон дошел в 1955 году. В доме во дворе профессора был маленький магазин культтоваров. Игорь договорился с двумя молоденькими продавщицами, и делегация из наиболее продвинутых учеников во главе с преподавателем физики Юрием Николаевичем (впоследствии он заведовал кафедрой физики в институте механизации и электрификации сельского хозяйства) отправилась после уроков изучать новоявленное чудо. Часа два они наговаривали в прибор разные тексты, потом проигрывали и осваивали устройство. Продавщицы были тоже довольны – они осваивали эту технику, с тем чтобы представлять ее покупателям, – самостоятельно сделать это им было бы сложновато. Стоимость магнитофона в то время не позволяла даже думать о его покупке, но и тут нашелся выход. Родители купили Игорю дешевую магнитофонную приставку, и для профессора, как и для всего советского народа, началась магнитофонная эра. Теперь можно было ловить по ночам «Голос Америки» и «Би-Би-Си», записывать музыкальные радиопрограммы, переписывать привезенные с Запада пластинки (которые брались у владельцев на пару часов, часто за деньги), переписывать друг у друга магнитофонные пленки. Благодаря магнитофонам распространились бардовские песни Б. Ш. Окуджавы, А. А. Галича, а позже Высоцкого, а также песни Вертинского, Петра Лещенко, Козина и др.

Коммент-эр: в 1954 году в СССР был начат выпуск так называемой магнитофонной приставки – простого и дешевого аппарата, не имеющего собственного двигателя. Аппарат устанавливался на электропроигрыватель, от диска которого и приводился лентопротяжный механизм. Приставка также не имела усилителя и блока питания и подключалась к настольному ламповому радиоприемнику или радиоле (практически все они имели разъем для подключения к внешнему источнику сигнала звуковой частоты).

Профессор очень любил и неплохо знал джаз и сохранил эту любовь на всю жизнь. Благодаря магнитофонной приставке он мог записывать американскую музыку и слушать ее. Игорь также был большим поклонником танго. Уже после женитьбы они с женой – хрупкой и изящной Даной – исполняли с неизменным успехом сольное танго на вечеринках и общественных вечерах.

В газетах прекратились антисемитские публикации, многие из уволенных ранее с работы евреев смогли вернуться на прежние места работы. В июле 1953 года были возобновлены дипломатические отношения с Государством Израиль, прерванные ранее – в феврале того же года. Конечно, в период правления Хрущева процесс выдавливания евреев с руководящих постов в науке и промышленности, начатый Сталиным, осуществлялся, но в 1950—1960-е годы евреи по-прежнему работали на режимных предприятиях, служили в армии, силовых

структурах, в МИДе и партийном аппарате. А «ценные» евреи работали в таких строго засекреченных областях, как создание атомного оружия, космические исследования и т. п.

Хрущевская оттепель была потрясающей по интересности жизни эпохой, и профессор был счастлив до глубокой старости, что его юность и молодость пришлось на эту эпоху. Есть старый анекдот. Встречаются двое, один спрашивает:

– Есть новые анекдоты?

– Нет,

– Ну и правительство!

Так вот при Хрущеве новые анекдоты и частушки плодились почти еженедельно.

Например:

*Мы Америку догнали
По надоям молока,
А по мясу мы отстали:
Хрен сломался у быка.*

Или:

Хрущев приезжает в Ереван и видит с трибуны лозунг: «Догоним Америку!»

– В чем дело? – спрашивает он первого секретаря. – Ведь лозунг звучит так: «Догоним и перегоним!».

– Перегонять нельзя, Никита Сергеевич, будет видна голая задница!

Конечно, коммунистический режим сохранялся, так же как и репрессии, только в более мягкой форме, чем при Сталине. Так, в 1957 году за публикацию романа «Доктор Живаго», отмеченного Нобелевской премией, из Союза писателей СССР был исключен Б. Пастернак. По-прежнему были запрещены произведения М. Булгакова и роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба», в котором якобы проводились слегка завуалированные параллели между гитлеризмом и сталинизмом, и пр. Повсеместно проходили митинги, на которых выступающие говорили примерно следующее: «Я Пастернака не читал, но категорически заявляю, что „Доктор Живаго“ – это антисоветское произведение».

Чуть позже Игорь прочел «Доктора Живаго» в самиздатской версии и ничего антисоветского в нем не обнаружил. Советская власть боялась собственной тени. Игорь, как и многие другие, был уверен, что если бы власти не устроили скандал, то широкие массы просто бы не обратили внимания на это произведение, а кучка читающих интеллигентов погоды в то время в Союзе бы не сделала.

Позже, в 1962 году, в Москве, в Манеже, состоялась художественная выставка к тридцатилетию МОСХа (Московского отделения Союза художников), где экспонировалась абстрактная живопись и скульптуры Эрнста Неизвестного. Никита Сергеевич непотребно ругался у всех картин:

– Это педерасты в живописи! Копейки мы вам не дадим!.. Дерьмо хотя и маленькое, но оно аромат разносит и отравляет атмосферу... Вот все, кто хочет, пусть напишут список, дайте в правительство, что вы желаете выехать в свободный мир, вы завтра получите паспорта и на дорогу!

Работы скульптора Э. Неизвестного были названы Хрущевым «тошнотворной стряпней». Ирония судьбы: на могиле Хрущева установлен памятник работы Эрнста Неизвестного, включающий в себя композицию из фигурных блоков черного гранита и белого мрамора, олицетворяющих противоречия характера Никиты Сергеевича. Сам же скульптор сказал сыну бывшего генсека: «Я пережил при нем тяжелые времена, но сейчас его глубоко уважаю».

Большое разочарование у интеллигенции вызвало подавление Советской армией вооруженного восстания в Венгерской Народной Республике, известного как Венгерское восстание 1956 года, или Венгерская революция 1956 года.

В советской высшей школе того времени занятия в институте полагалось начинать с месячной поездки на сельскохозяйственные работы, но профессору повезло: их поток бросили на строительство здания совнархоза – новейшей инновации Хрущева, которой тот придавал исключительное значение.

Коммент-эр: в 1957 году был принят закон о создании на местах советов народного хозяйства, которым надлежало командовать всей экономической деятельностью в соответствующих районах (совнархозов). Раньше вся эта деятельность регулировалась отраслевыми министерствами. Поскольку кооперация между предприятиями в одном регионе была невозможна, а мелкие предприятия вообще были полубесхозными, совнархозы обеспечивали надежную связь между предприятиями в рамках регионов. Эффект для народа был ощутим практически моментально, получили развитие: местная пищевая и легкая промышленность, услуги населению, автотранспорт, строительство, торговля. В магазинах появились обувь, радиотовары... Постановка на производство новых машин на крупных заводах занимала теперь два-три года, а не десять лет, как при министерствах.

Однако имелись и минусы: нарушались связи внутри отраслей, и трудно шла кооперация между различными регионами. Например, сбои в продаже сельскохозяйственных продуктов были нормой на Южном Урале, где климат был суров, а в каждой деревне стоял со времен Демидова металлургический или машиностроительный завод или поблизости находился золотой прииск. Местные жители на земле не работали, а студенты не справлялись со всем объемом сельхозработ. В результате руководство, например, тракторного завода укладывало в «портфель», фигурально выражаясь, десяток тракторов и ехало в Воронежскую область выменивать их на помидоры, огурцы и яблоки. Поскольку политическая система СССР оставалась в целом авторитарной и бюрократической, совнархозы не могли решить всех проблем и ушли в небытие вместе с Хрущевым. А жаль, например, в Китае такая структура дала положительные результаты.

На стройке Игорь подружился со своим одноклассником Юрой Шабановым. Институт находился на окраине города, рядом с большим районом, застроенным индивидуальными домиками. Юра жил в таком домике с мамой и старшей сестрой Надей. Мама работала на заводе в три смены, и несколько приятелей из группы Игоря и Юры часто устраивали в домике Шабановых дружеские попойки. Однажды Игорь остался ночевать у Юры, и ночью его посетила Надя. Ей было тридцать лет, и, естественно, она дала ему сексуальный мастер-класс, который продолжался потом еще несколько месяцев. После этого пара рассталась, очень довольная друг другом. Так профессор получил свой первый сексуальный опыт.

Отработав на стройке полтора месяца, студенты, наконец, приступили к занятиям. Лекции по общеобразовательным предметам читались для потока, в котором было до десятка учебных групп, насчитывающих в среднем по двадцать пять студентов каждая. На первой лекции по математике Игорь без особого удивления обнаружил в качестве лектора доцента Кузина – того самого белобрысого мужчину, который измерял ему брюки. Удивительно было другое: Кузин узнал его среди двух с половиной сотен студентов и снова устроил по обыкновению мини-спектакль. Он подошел к Игорю, поднял его и на всю аудиторию закричал:

– Так ты что, все-таки поступил?

После этого он успокоил студентов:

– Но это до первой сессии, математику ты завалишь, и тебя отчислят!

Конечно, это была игра, никто никого не завалил и не отчислил, но профессор не получил красного диплома из-за единственной четверки – по математике. Театр миниатюр работал на каждом экзамене, Кузин подходил к нему и жизнерадостно заявлял:

– Ну, для тебя я приготовил специальную задачу!

После этого он театрально доставал из «широких штанин»¹⁰ бумажку с задачей и вручал ее Игорю. Кончалось это просто четверкой. Отец несколько раз хотел вмешаться, но профессор просил его этого не делать.

У мамы профессора была школьная подруга по Днепропетровску – тетя Люба, которая во время войны тоже эвакуировалась в Челябинск. Муж тети Любы Игорь Дмитриевич Аронсон был профессором-гинекологом, который пользовал жен всей партийно-хозяйственной верхушки города и области. Нет нужды говорить, что семья Аронсонов не нуждалась абсолютно ни в чем, а Игорь Дмитриевич был совершенно всесильным человеком в Челябинске и округе. У них был сын Аркадий, который был старше профессора на пять лет и который закончил тот же автотракторный факультет ЧПИ. У Аркадия, естественно, был автомобиль «Москвич-401», на котором он проезжал пару лет, после чего папа купил ему «Волгу ГАЗ-21». В начале 1959-го профессору исполнилось восемнадцать лет, он получил права, и родители купили «Москвич» Аркадия у Аронсонов. При этом отец тут же записался в очередь на «Москвич-402/407», в которую они ходили отмечаться потом два года.

Коммент-эр: «Москвич-401» – усовершенствованная версия «Москвича-400», первого советского автомобиля малого класса, выпускавшегося на заводе малолитражных автомобилей в Москве с декабря 1946-го и продававшегося в СССР для индивидуального использования. По конструкции был идентичен автомобилю Opel Kadett K38, выпускавшемуся в 1937–1940 годах в Германии предприятием Adam Opel A. G., принадлежавшим американскому концерну General Motors. Устройство машины было воссоздано после войны на основе сохранившихся экземпляров, так как оригинальная техническая документация была утеряна. Opel Kadett K38 был выбран для выпуска в СССР в одном из самых дорогих и потому достаточно редких вариантов исполнения (четырехдверном) лично тов. Сталиным, которого данная модель заинтересовала еще до войны, им же был внесен запрет на какие-либо изменения в конструкции.

На втором курсе хрущевские инновации снова задели жизнь нашего героя. Хрущев уверился в том, что разработка ракет является генеральным направлением в области вооружений. В принципе, это было правильно, и эта доктрина способствовала бурному развитию ракетостроения в СССР. В это время помимо тяжелых межконтинентальных баллистических ракет, способных нести ядерные заряды, были разработаны различные тактические, оперативно-тактические и зенитные ракетные комплексы. Однако внедрение ракетной доктрины было сделано по-хрущевски топорно и затормозило развитие Сухопутных войск, Военно-морского флота и Военно-воздушных сил. Многочисленные «жополизы» отреагировали на указания Хрущева быстро и кто как мог. В частности, в ЧПИ был немедленно создан ракетостроительный факультет (назывался он, ясное дело, по-другому), причем, чтобы дирекции отличаться, надо было изобразить, что он работает уже давно, и для этого заполнить студентами старшие курсы. Сказано – сделано, на этот факультет начали переводить студентов старших курсов с других факультетов и прежде всего с существующих специальностей, связанных с вооружениями. Таким образом, профессор второй-третьей курсы проучился на ракетном факультете. В начале четвертого курса его вернули назад – то ли пришел новый бдительный начальник Первого отдела и занялся чисткой факультета от евреев, то ли перебдели с количеством студентов, ска-

¹⁰ В. Маяковский, «Стихи о советском паспорте».

зять было трудно. Однако в результате Игорь получил кое-какие знания в ракетостроении и будущие связи в ракетной промышленности через соучеников.

Случилось так, что в институте Игорь сдружился с двумя студентами-евреями на два курса старше его. Одного из них звали Максим Левин, и он происходил из редкой для Челябинска семьи. Отец был функционером единственной в Челябинске синагоги, родители Макса знали идиш, а отец даже немного знал иврит. Жили они на окраине города в индивидуальном домике в слободке, где проживало наряду с небольшим количеством евреев довольно много айсоров (ассирийцев). В Челябинске, как и везде в СССР, айсоры были сплошь сапожниками и чистильщиками обуви.

Коммент-эр: современные ассирийцы считают себя потомками населения Ассирийской державы (около 2400 года до н. э. – 605 год до н. э.). В Союзе их проживало в то время около 25 тысяч человек. Общая численность никому толком не известна – говорят о трех миллионах человек. Большинство айсоров – христиане-несторианцы. (Несторианская церковь – это собирательное название раннехристианских общин в Азии, последователей архиепископа Константинопольского Нестория, в 428 году восставшего против титула «Матерь Божья», как стали именовать Марию, мать Иисуса.) Айсоры с большой симпатией относились к евреям, считая, что три тысячи лет назад пленные евреи смешались с ассирийским народом и приняли его веру, правда, некоторые ассирийцы, в свою очередь, перешли тогда в иудаизм.

Уже в Израиле Игорь узнал от Максима, что его отец был хранителем единственного в Челябинске свитка Торы, который находился у них дома и каждую субботу вывозился на трамвае или троллейбусе в квартиру очередного еврея для проведения молитвы. Можно вообразить, насколько были запуганы евреи, если Макс не открыл эту «великую тайну» своему ближайшему другу, который к тому же часто бывал у них дома и имел машину, на которой можно было эту Тору в случае надобности перевозить.

Семья второго приятеля профессора – Валерия Бложика – была полной противоположностью семье первого. Отец и мать Валерия были коммунистами и полностью ассимилированными евреями. Отец был директором небольшого оборонного завода, а мать – врачом.

В 1961 году Игорь поехал на зимние каникулы в Москву к Любе и Грише. Точнее, не в Москву, а в Бронницы – небольшой городок в Подмосковье. Гриша к тому времени стал полковником и получил назначение начальником крупнейшего отдела в закрытый институт в Бронницах. В короткое время Гриша с Любой уже имели там квартиру, которая стала на много лет пристанищем для профессора при поездках в Москву. Шутники в Гришином институте говорили, что в мире есть три великих города: Бронница, Винница и Ницца. Вот в Ницце Игорю впоследствии пришлось несколько раз побывать, а попасть в Винницу не удалось. Эта поездка профессора в Москву характеризовалась еще одной примечательной особенностью: он впервые в жизни летел на отечественном пассажирском реактивном самолете ТУ-104, созданном в конце 1950-х годов. До этого профессор летал несколько раз в Москву на винтовых самолетах ЛИ-2 и ИЛ-14.

Коммент-эр: прообразом ТУ-104 был дальний реактивный бомбардировщик ТУ-16. Таким образом, СССР стал одной из первых стран, обладающих реактивной пассажирской авиацией.

«Папой» ЛИ-2 был американский «Дуглас ДС-3». Лицензия и полный комплект оборудования для выпуска ЛИ-2 были закуплены в США в 1938 году. Одновременно большая группа советских авиаспециалистов стажировалась в США для изучения технологии производства ДС-3. Среди них был и Б. И. Лисунов, по фамилии которого впоследствии и был назван самолет ЛИ-2.

Самолет ИЛ-14 являлся дальнейшим развитием советского 24-местного лайнера ИЛ-12, проектирование которого было начато в КБ Сергея Ильюшина в 1943 году в самый разгар Великой Отечественной войны. Регулярные пассажирские перевозки на самолете ИЛ-14 начались в ноябре 1954 года. ИЛ-14 строился в Советском Союзе, Чехословакии, ГДР и вплоть до 1990-х годов летал на Кубе, в Индии, Польше и других странах.

Разница была фантастической: ИЛ-14 летел до Москвы восемь часов с двумя посадками по дороге, а ТУ совершал беспосадочный полет за время чуть больше двух часов. Про комфорт нечего и говорить. Специалисты считали ТУ самым лучшим и комфортабельным пассажирским лайнером в мире. Ходили слухи, что дизайн интерьера разрабатывался лично женой Туполева. Также ходили слухи, что на некоторых рейсах пассажирам подавали бутерброды с икрой (цвет икры в рассказах варьировался) и наливали пятьдесят граммов армянского коньяка (объем коньяка и его выдержка – количество звездочек – тоже варьировались).

В это время у Гольдов подошла очередь на автомобиль «Москвич», и родители купили новый «Москвич-407». У отца права на вождение были еще с довоенных времен, но водить машину он не любил, и она была в полном распоряжении Игоря.

Надо сказать, что хрущевская эпоха была богата не только на политические и культурные инновации, но и научно-технические достижения тоже. Получили Нобелевские премии Н. Н. Семенов (1956 г., исследование химических цепных реакций), Л. Д. Ландау (1962 г., теория жидкого гелия), Н. Г. Басов и А. М. Прохоров (1964 г., создание первого квантового генератора – лазера). Была начата эксплуатация первой в мире атомной электростанции (1954 г.), запущен самый мощный в мире ускоритель протонов – синхрофазотрон (1957 г.). В 1957-м был осуществлен запуск первого в мире искусственного спутника, а 12 апреля 1961 года в космос полетел Ю. А. Гагарин.

И еще один великий подвиг совершил Хрущев: он построил огромное количество малогабаритных квартир, куда переехали из коммуналок и бараков миллионы советских граждан. Советские люди к малогабаритным квартирам не привыкли, и поначалу их устройство порождало множество шуток и анекдотов. Например, санузел, совмещенный с ванной, назывался «Гавана». Или спрашивали: «Что не успел сделать Хрущев? Он не успел соединить пол и потолок в малометражках». Но факт остается фактом: огромные массы советских людей стали жить в человеческих условиях.

Как научно-технический прогресс касался обычной жизни, можно проиллюстрировать следующим забавным эпизодом, случившимся чуть позже описываемых событий. Будущая жена профессора Дана носила туфли на тонюсенькой шпильке. Естественно, что кожаные и стальные набойки на таких шпильках приходилось заменять чуть ли не каждую неделю. Однажды приятель Игоря, который после института работал на одном военном заводе, подал идею:

– Мы начали получать титан, давай-ка сделаем набойки из титана. Титан тогда был совершенно новым материалом и использовался только для военных нужд. Сказано – сделано. Когда Игорь принес титановые набойки «придворному» сапожнику-айсору Самсону, тот поднял его на смех:

– И чему вас только учат, тут и сталь не стоит, а ты алюминий притащил! – Титан легкий металл, и Самсон думал, что это алюминий.

Титановые набойки себя полностью оправдали. Когда спустя месяц Игорь зашел в вестибюль гостиницы «Южный Урал», где обитал Самсон, тот закричал:

– А что с Даной? Почему туфли подбивать не носишь?

Игорю он не поверил и потребовал, чтобы тот принес ему туфли Даны с чудными набойками для ревизии.

В Бронницах Игорь увидел по телевизору один из первых КВНов, который вели Альберт Аксельрод и Светлана Жильцова (первый КВН вышел в эфир 8 ноября 1961 года).

Коммент-эр: идея создания телевизионного проекта ВВВ – «Вечер веселых вопросов» – была заимствована в Чехословакии («Гадай, гадай, гадалыщик») и реализована в СССР в 1957 году. Ее авторами были Сергей Муратов, Альберт Аксельрод и Михаил Яковлев. После нескольких показов игра была закрыта и только через четыре года возродилась в виде КВН – «Клуба веселых и находчивых». Кроме того, КВНом в те времена называлась популярная марка телевизоров. В игре команды различных коллективов (учебных заведений, вузов, предприятий, городов и т. д.) соревнуются в юмористических ответах на заданные вопросы, импровизациях на заданные темы, разыгрывании заранее заготовленных сцен и т. д. Через несколько первых передач определился дуэт ведущих – Альберт Аксельрод и Светлана Жильцова. С 1964 года бессменным ведущим КВН являлся Александр Масляков, вначале вместе с ним передачу вела диктор Светлана Жильцова. Надо признать, программы более популярной в 1960-е годы в СССР не было.

С 1968 года передачи КВН стали записывать (до этого они шли в прямом эфире), и политически невыдержанные фрагменты передач вырезали. Вмешался КГБ. Сначала была введена жесткая цензура, а в конце 1971 года, в разгар застоя, передачу закрыли. В 1986 году, в начале перестройки, передача была возобновлена. Ведущим, как и перед закрытием, был Масляков.

Игорь был сражен наповал и сразу подумал: «Эта игра специально для меня!» Но где КВН, а где Челябинск! В институте студенты с творческими наклонностями кучковались вокруг институтской многотиражной газеты «Политехнические кадры», которую редактировал доцент кафедры философии Сергей Владимирович Манчинский – некогда выпускник МГУ. По возвращении домой Игорь собрал в редакции газеты единомышленников, включая Манчинского, и с восторгом поведал им про КВН. Сергей Владимирович после некоторых раздумий вспомнил, что он это уже где-то слышал, но не помнит где. На следующий день он вспомнил: на челябинском телевидении с осени стал работать выпускник факультета журналистики МГУ Юрий Белоцерковский, который и рассказывал сотрудникам телевидения про КВН в присутствии Манчинского. Прихватив с собой еще пару ребят-энтузиастов, компания встретила с Белоцерковским в здании телецентра и приступила к обсуждению плана «нападения» на местные власти.

Главную проблему все видели в том, что, поскольку в то время все программы КВН шли в живой трансляции, кто знает, что могут сказать студенты напрямую телезрителям. Поэтому решили начинать прямо с КГБ. Папа одноклассника профессора по школе Коли Лобачева занимал пост заместителя руководителя КГБ по Челябинской области. Коля по просьбе Игоря уговорил папу принять делегацию в составе Манчинского, Белоцерковского и профессора у себя на работе. Владимир Иванович Лобачев решил проблему очень быстро:

– В Москве, говорите, уже эта штука работает? Сейчас мы это проясним.

Он набрал прямой телефон в Москве какого-то генерала и спросил его, как поступают москвичи. Что говорил ему генерал, делегаты не слышали, но Владимир Иванович четко сформулировал условие: будет образована комиссия из представителей КГБ, горкома партии, горкома комсомола, дирекции телевидения и кафедры русского языка и литературы местного педагогического института. Все члены комиссии будут присутствовать на игре, и, если хотя бы один из них поднимет руку, операторы немедленно прекратят трансляцию и переключатся на какой-нибудь фильм или концерт. Дальше всё пошло как по маслу, функционеры в горкомах партии и комсомола и дирекции телевидения быстро соглашались, услышав, что КГБ не возражает. В январе уже планировались первые состязания между ЧПИ и Челябинским педаго-

гическим институтом. Таким образом, волею случая Челябинск, вероятно, стал вторым после Москвы городом, где осуществлялась местная телетрансляция КВН. Весь третий курс прошел для Игоря под знаменем КВН.

Надо сказать, что КВН тех лет внешне был похож на нынешний примерно как концерт Филиппа Киркорова на самодеятельность в доме отдыха Урюпинского леспромхоза. Во-первых, тогда в КВН играли только студенты вузов, одетые кто во что горазд, во-вторых, на сцене не играла никакая музыка, в-третьих, количество домашних заданий не превышало одного, остальное было сплошной импровизацией, в-четвертых, содержание сценария было действительно тайной для команд и, в-пятых, многочасовая игра требовала большого физического напряжения, поскольку телекамеры тех лет отличались низкой чувствительностью, требовали мощного освещения, и осветительные лампы буквально жарили участников заживо, непрерывно взрываясь при этом и осыпая игроков осколками. Если состав нынешних команд сильно напоминает региональные выездные бригады артистов, состоящие в основном из певцов, танцоров и декламаторов, то команды тех лет состояли обязательно из эрудитов, художников и остроумных людей, способных мгновенно импровизировать. Надо сказать, что это было по нынешним меркам гораздо менее зрелищное мероприятие, чем современный КВН, хотя в те регламентированные времена любая импровизация встречалась неизбалованной публикой на ура.

Игорь был капитаном команды ЧПИ, а капитаном команды пединститута была девушка со слегка анекдотичным именем Маргарита Самоварова. Картина в телестудии во время игры напоминала аттракцион в цирке с дрессированными львами и тиграми. По периметру круглой площадки-арены, подобно цирковым униформистам с брандспойтами, располагались многочисленные члены комиссии (поскольку никто не хотел брать на себя единоличную ответственность, от каждого учреждения присутствовало по несколько представителей). Режиссер передачи одним глазом смотрел в монитор, а другим на членов комиссии. Далее располагался второй круг зрителей, состоящий из начальства, сотрудников телецентра и десятка болельщиков. Больших команд болельщиков тогда не было. Одним из конкурсов первого КВН было, например, печатание на пишущей машинке цитаты: «У лукоморья дуб зеленый...» Оценивались время печатания и количество ошибок. Казалось, чего уж проще, однако дело обстояло не так. В те времена пишущая машинка рассматривалась как потенциальное средство печатания антисоветских прокламаций и донесений во вражеские разведки. Машинок не было в свободной продаже, писатели и журналисты при покупке машинки должны были получать разрешение милиции и сдавать туда оттиск шрифта на хранение. В учреждениях машинки на ночь сносились в специальную комнату, которая запиралась и опечатывалась. Оттиски текстов с каждой машинки хранились в секретном отделе. Профессор никогда в жизни не подходил к пишущей машинке ближе чем на три метра и, соответственно, не знал, как и куда вставлять бумагу, как двигать каретку и пр. Это была импровизированная клоунада, которая вызывала у простодушных зрителей в телестудии и у экранов телевизоров гомерический хохот не меньше, чем на концертах Райкина. Этот конкурс профессор вчистую проиграл, поскольку Маргарита была аспиранткой и пользоваться машинкой умела. Нет нужды говорить, что, при совершенно скудном телерепертуаре тех лет, КВН смотрела вся почти трехмиллионная челябинская область, и Игорь с Маргаритой немедленно стали местными знаменитостями, которых узнавали на улице. Не обходилось и без проколов.

В одной из игр команда ЧПИ продемонстрировала партнерам фото двух генералов и спросила: «Кто из них Суванна Фума, а кто Фуми Носаван».

Оба они были политическими деятелями и попеременно занимали пост премьер-министра во время гражданской войны в Лаосе после ухода оттуда французов в 1954-м в результате восьмилетней войны в Индокитае. Фокус был в том, что генерал Суванна Фума возглавлял силы, поддерживаемые СССР, а генерал Фуми Носаван, ясное дело, был ставленником амери-

канского империализма и агентом ЦРУ. Теперь вообразите себе европейца, пытающегося различить двух лаосских генералов примерно одного возраста в примерно одинаковых мундирах. Игру не остановили, но потом профессора вызвали к члену комиссии в райком партии.

– Вы что этим хотели сказать, молодые люди? Что прогрессивный генерал Суванна Фума ничем не отличается от американской марионетки? – строго спросил член комиссии.

Но профессору показалось, что райкомовец с трудом сдерживает улыбку – далеко не все сотрудники партийных органов были дураками и оголтелыми коммунистами. Профессор тут же нашелся:

– Да что вы, просто мы считаем, что образованный комсомолец должен знать наших союзников и противников в любой стране, в том числе и в лицо.

– Ладно, выкрутился, иди, но больше так не шутите – закроем лавочку, и всё...

В конце третьего курса случился у профессора бурный роман. В ту пору секретарем ректора института работала одна весьма примечательная девушка по имени Валентина. Ее мама была русская, папа был цыган, что сказалось на внешности девушки. Она была жгучей брюнеткой со смуглой кожей и ярко-зелеными глазами. Другой примечательной чертой Вали была тончайшая талия, как у киноактрисы Людмилы Гурченко, за что ее за глаза звали Гурченко.

– Пойди и попроси Гурченко подписать быстрее бумаги у ректора, – говорили между собой студенты и аспиранты.

Валя работала у всех на виду, и студенты, да и аспиранты и молодые преподаватели наперебой подбивали к ней клинья. Но бравому капитану КВН да еще с собственным автомобилем она сдалась быстро. Валя, к некоторому удивлению Игоря, оказалась девственницей, но природные женственность и темперамент за самое короткое время вывели ее на такую высокую орбиту, которой достичь не могли многие опытные дамы разных возрастов, позже встречавшиеся в жизни профессора. Немало способствовал роману и тот факт, что мама Вали служила комендантом всех общежитий ЧПИ, и у нашей пары никогда не было квартирной проблемы – мама давала им ключи от свободных на тот момент комнат во всех корпусах. Это была манна небесная, поскольку в те времена все жили скученно и молодежи, да и не только молодежи, исключительно сложно было найти место для свиданий – пары в гостиницы не допускались, а уральский климат позволял пользоваться природой короткое время в году. Довольно часто бывали случаи, когда парочки уединялись в гаражах (если у одного из партнеров была машина и гараж) и занимались сексом в машинах. Чтобы согреться, они заводили двигатель и надевали на выхлопную трубу шланг, который выводился на улицу. В процессе любви шланг иногда слетал с трубы, и любовники угорали от выхлопных газов.

Валя рассталась с должностью секретаря ректора и перешла работать в институтскую фотокинолабораторию. Здесь у нее было гораздо больше свободного времени и возможностей уходить с работы днем. Лабораторию возглавлял Павел Ильич Лавут – полный тезка администратора Владимира Маяковского, которому поэт посвятил несколько строчек в поэме «Хорошо!». Павел Ильич любил поговорить, поэтому мало кто из его знакомых удерживался от цитаты из поэмы: «Мне рассказывал тихий еврей, Павел Ильич Лавут...»

У Маяковского дальше следовало: «Только что вышел я из дверей, вижу – они плывут...»

Лаборатория была центром тусовки институтских фотолюбителей высокого класса, многие из которых выставлялись на областных и всесоюзных выставках и впоследствии стали всемирно известными фотохудожниками. Профессор был вхож в этот круг, поскольку он по-прежнему занимался, хотя и немного, художественной фотографией и поскольку Павел Ильич хорошо знал его отца.

Роман профессора кончился банально – беременностью Вали в конце четвертого курса. Практика тех времен в таких случаях по отношению к студентам была отработана до зеркального блеска: беременная девушка писала «телегу» в ректорат и институтский комитет комсомола и ждала результата. У студента, в отличие от Ильи Муромца «со товарищи», имевших

три варианта дорог, было только два пути: не жениться или жениться. В первом случае его исключали за аморальное поведение из комсомола, затем из института и забирали в армию. Таких смельчаков были единицы. Во втором случае студент покорно женился, но, как правило, такие браки заканчивались разводом после окончания института. «Женитьбозаставительные» публичные процессы на старших курсах шли непрерывно, как суды над врагами народа при товарище Сталине. Любители копаться в интимных и других подробностях пар из студентов и преподавателей могли посещать заседания комитетов комсомола, слушать и выступать в прениях. Как было тогда модно, при этом назначался общественный обвинитель и общественный защитник. Сюжеты часто бывали достойны пера Шекспира или Достоевского. Так, однажды профессор выступал в качестве общественного защитника одногруппника Эдика Онищенко на процессе, где заседание шло без героини – она жила где-то на Украине и в Челябинск не приехала. Невзирая на отчаянные попытки профессора доказать неправомерность такого рассмотрения, Эдик был признан виновным и женился на украинской даме. Жена переехала в Челябинск, и у супругов родилось двое детей. Судьба супруги Эдика и детей впоследствии оказалась совершенно трагической: они поехали в отпуск к родителям и угорели все втроем – мама и дети.

Игорю вспоминался один забавный случай. Еще на первом курсе один студент из Молдавии, сидевший рядом с ним на поточной лекции, увидел, как профессор пишет какие-то стихи. Он попросил Игоря написать стихотворение своей девушке в Кишинев. Дело кончилось тем, что профессор два года писал этой девушке стихи (исключительно на скучнейших поточных лекциях). Однажды она явилась в Челябинск собственной персоной. Конечно, после нескольких дней общения молдавский студент был разоблачен (он не мог написать ни строчки), и девушка потребовала знакомства с автором. Автор девушке понравился, и она тайно передала ему записку, в которой писала, что хочет его отблагодарить, и спрашивала, где и когда сможет это сделать. На что, уловив момент, Игорь ей ответил:

– Ни в коем случае! Потом ты напишешь «телегу» в комитет комсомола с жалобой, что я тебя изнасиловал или обещал жениться, и укажишь в свой Кишинев...

Процесс Вали и Игоря вызвал большой интерес в институте. Говорят, что действовал подпольный тотализатор, ставки принимались один к десяти не в пользу профессора. Поскольку Игорь упирался, его дело рассматривалось в три приема: на заседании комитетов комсомола сначала курса, потом факультета, потом института. Аудитории, где шли заседания, были переполнены зрителями и болельщиками. Общественным обвинителем выступала преподавательница кафедры «Двигатели» Ангелина Петровна Сотникова – ярый борец с евреями и немцами, а защитником был комсорг группы Эдик Онищенко, которого ранее защищал Игорь. Все три уровня признали Игоря виновным и приговорили к исключению из комсомола. С Сотниковой Игорь, как студент, изучающий двигатели, естественно, ранее общался, но отношения у них были весьма натянутыми. Дело в том, что после восстановления советских немцев в правах некоторые из них переехали в большие города Урала и Западной Сибири. В европейскую часть страны их не очень-то пускали. Таким образом, на кафедре двигателей ЧПИ появился Иван Иванович Зибель. Он был крупным специалистом в области дизельных моторов, известным не только в Союзе, но и на Западе. В 1933 году его послали стажироваться в Германию, где он проработал шесть лет в известной фирме МАН, сделав серьезный вклад в разработку нового процесса сгорания топлива в дизелях («М-процесс»). С началом войны вернувшийся из Германии Зибель, как и все советские немцы, был выслан в Казахстан, где и жил в славном городе Кустанае до реабилитации.

Пользуясь тем, что Зибель был репрессированный, Сотникова, которая была парторгом кафедры, добилась при молчаливой поддержке коллег того, что Зибелю не разрешили преподавать предмет в группах узких двигателей, где Сотникова сама преподавала, а направили в группы будущих специалистов по машинам, где двигатели были не главным предметом.

Зибель был кряжистый крупный голубоглазый мужчина сурового вида с ярко-рыжей шевелюрой. Во втором семестре четвертого курса он зашел в аудиторию и сказал:

– Товарищи студенты, поздравляю вас с праздником!

Студенты праздники, по понятным причинам, очень любили, и неучтенный праздник вызвал у них повышенную активность: все начали отчаянно листать календари, но ничего там не обнаружили, а они знали, что Зибель слов на ветер не бросает. В группе Игоря было всего две девочки, и одну из них, рыжеволосую и голубоглазую Тоню, отрядили расспросить Зибеля во время перемены. Он ничего ей не ответил, но, когда занятия продолжились, Зибель осмотрел группу с большим неудовольствием и сказал укоризненно:

– Стыдно, товарищи, сегодня же день рождения Рудольфа Дизеля.

С тех пор профессор запомнил эту дату навсегда – 18 марта 1858 года. Надо сказать, что Рудольф Дизель был любимым персонажем Зибеля и он знал про него множество историй, которые охотно рассказывал студентам. Например, Дизель критиковал Маркса и считал, что если каждого крестьянина снабдить дизельным двигателем, то никакая революция не потребуется. Теперь уже ясно, что, возможно, он был прав.

На четвертом курсе студенты делали большой курсовой проект по двигателям, после чего на заседании кафедры Зибель должен был продемонстрировать со своим учеником лучший проект для оценки его деятельности как начинающего преподавателя. На роль образцового студента Зибель выбрал Игоря, и тот сделал крутой проект на базе 12-цилиндрового дизеля немецкой фирмы MTU для военных машин. После заседания кафедры заведующий сказал: «Да это уже почти готовая диссертация, вот как надо делать!» – и посмотрел на Сотникову.

Спустя много лет Игорю пришлось общаться с представителями фирмы MTU, у которой была куплена лицензия на производство двигателей в Чебоксарах, и он рассказал им эту историю.

Все всё поняли, и с тех пор Сотникова невзлюбила профессора. Впоследствии, когда Игорь окончил институт и уже работал, они с Зибелем поддерживали дружеские отношения до самой его смерти, тем более что жили друг напротив друга.

Пока шло рассмотрение дела, у Игоря дома полным ходом готовился запасной вариант. Поскольку папа Гриши был проректором Куйбышевского авиационного института, была разработана многоходовая операция, предполагавшая поступление профессора задним числом в этот институт с понижением на один курс. Однако в это время произошло событие, изменившее ход дела. Валя согласилась сделать аборт при условии, что его будет делать сам профессор Аронсон лично. За этим дело не стало, и профессор подал апелляцию в райком комсомола. Дело было неслыханное: за всю историю «женитьбозаставительных» процессов такого не наблюдалось. Большинством в один голос профессора оправдали. Всё решил маленький прокол Сотниковой: поскольку вопрос с ребенком уже не стоял, она построила свою речь на тезисе, что старший по возрасту, искушенный студент (а Игорь выглядел старше своих лет) охмурил юную неопытную девушку.

Сотникову никто не перебивал, но после ее пламенной речи встал Онищенко и сказал:

– Можно маленькую справку: Игорь и Валя ровесники!

Это вызвало смех у многих членов райкома, а, как известно, смех обезоруживает.

Таким образом, профессора второй раз пытались исключить из комсомола. Третий раз последовал вскоре за вторым. Игорь написал юмористический детектив «Раскрывая тайны сопромата», главы которого помещались каждый месяц в стенной газете факультета «Конструктор». Фабула романа была следующей. Один американский финансовый магнат русского происхождения, наживший капитал на производстве и торговле черными металлами, страдал бессонницей, и никакие лекарства ему не помогали. Тогда один экстрасенс посоветовал ему читать на ночь многотиражную газету ЧПИ «Политехнические кадры», и это срабатывало, он быстро засыпал. Однажды этот магнат рассматривал в газете фотографию, показывающую, как

студенты делают лабораторную работу по сопромату. В процессе такой работы студенты разрывали на разрывной машине стандартные металлические образцы, а на приборном циферблате было видно, при каком усилии они разрываются. Магнат кое-что понимал в сопромате и обратил внимание, что стрелка прибора ушла далеко за принятые значения. Он понял, что в России изобрели металл огромной прочности, и он случайно – или не случайно – попал в студенческую лабораторию (впоследствии оказалось, что студенты слили спирт из гидросистемы разрывной машины и выпили его, вследствие чего прибор показывал завышенные результаты). Магнат обратился в ЦРУ. Был подготовлен молодой американский разведчик, похожий на студента, делающего лабораторную работу и изображенного на фото. Разведчик был заброшен в ЧПИ. Однажды ночью после большой студенческой попойки из общежития американской разведкой был похищен студент Вася Шаропузикив и на его место, прямо на его кровать, был возложен американец. И далее описывалась его жизнь в ЧПИ. Забавных эпизодов в романе было не сосчитать, и перед газетой постоянно толпилась группа студентов. Например, американец, окончивший Гарвард и спецшколу ЦРУ, не сдал зачет по английскому языку, или, проснувшись утром после заброски, он ни слова не понял из того, что говорили его соседи по комнате, поскольку они говорили на студенческом языке. Его соседи по комнате решили, что он малость перепил. Из ЦРУ шпиону немедленно прислали студенческо-русский словарь, который был помещен в газету. Этот словарь пользовался большой популярностью и переписывался студентами. Роман печатался года два и пользовался неизменной популярностью. Однажды по коридору проходил некий член парткома института и увидел толпу хохотававших студентов. Он поинтересовался, в чем дело, и прочел отрывок из романа. После этого он затребовал и прочел все экземпляры газеты и пришел в ужас: «Да это же махровая антисоветчина!»

Редактором газеты был преподаватель немецкого языка Рамиль Фаттахович Сейфуллин, фронтовик, член партии и большой шутник, хорошо понимающий юмор. На заседании комитета комсомола он заявил: «Хотите исключить Игоря из комсомола – исключайте меня из партии! Но я и вас потяну – куда смотрели эти годы».

Сейфуллину объявили выговор по партийной линии, а Игорю – по комсомольской. На том дело и закончилось.

В те времена стенные газеты являлись непременным атрибутом любого советского учреждения. Где-то они были простой данью партийному диктату, а где-то несли в себе зачаток свободной прессы – ведь любое печатное слово находилось под строгим партийным и гэбэшным контролем. Поэтому, кроме факультетской газеты и многотиражки, Игорь участвовал в создании и потом активно сотрудничал в институтской стенной газете, которая называлась «Баня».

Коммент-эр: «Баня» – сатирическая пьеса Владимира Маяковского, как он писал: в шести действиях с цирком и фейерверком. Вышла в 1930 году. Высмеивает бюрократизм, приспособленчество, демагогию. Эпиграфом к газете были слова поэта о том, что в будущих школах «будут преподавать сатиру наряду с арифметикой и с не меньшим успехом».

Мотором газеты был Юра Сероглазов – талантливый художник и очень эрудированный человек (впоследствии он стал главным дизайнером ЧТЗ). Юра был большим поклонником Модильяни и тратил все свои деньги на приобретение альбомов художника, что в те времена было очень непросто.

Газета имела огромные размеры: метров десять в длину и метра два в высоту и выходила крайне редко – раз шесть-семь в году, в основном ее выпуск приурочивался к официальным советским праздникам. В такие праздники в институте устраивались грандиозные вечера в аудитории № 103. Эта аудитория была большим ангаром в отдельном одноэтажном лабораторном корпусе, куда свободно заезжали карьерные самосвалы, танки и прочая подобная техника. Попасть в нее на институтский вечер стремилась вся молодежь города. Как правило,

заканчивали изготовление газеты в спешке, когда вечер уже начинался. Из редакции «Политехнических кадров» еще мокрую от акварели газету в горизонтальном положении выносило человек шесть, но при подходе к аудитории количество несущих увеличивалось катастрофически и многим не хватало места, за что подержаться, – таким образом примазавшиеся хотели пройти на вечер без пригласительных билетов.

Советский цензурный юмор любого уровня тех лет базировался на шутках на грани фола – как можно было пошутить с двойной подкладкой, чтобы читателю и слушателю было ясно, о чем речь, а цензуре придаться формально было не к чему. Ну, например, в одном из номеров красовался лозунг: «Да здравствуют советские студенты – вечные строители коммунизма!» Или: стоят два студента на площади возле института, где припаркованы несколько автомобилей и много свободного места. И один говорит второму: «А ведь правильно говорят, что мы на первом месте в мире по количеству стоянок!»

Вообще шутить в те времена надо было с оглядкой. У Игоря был один напарник – Володя Глушко, отличный художник-карикатурист. Они в паре делали карикатуры почти в каждом номере многотиражной газеты: Игорь придумывал сюжеты, а Володя рисовал. В те времена большой популярностью пользовалась тема кожно-оптического видения. Некая Роза Кулешова, которая якобы видела кончиками пальцев, не сходила со страниц газет и экранов телевизоров. На карикатуре ребят был изображен студент за столом у экзаменатора со снятыми штанами и трусами, сидящий на раскрытом учебнике. Студент мучительно думал, как перевернуть страницу. Всё бы ничего, но был изображен учебник химии, а химию у Игоря преподавал хороший приятель отца. Он почему-то обиделся и пожаловался отцу...

Второе приключение произошло с Володиёвым во время защиты дипломного проекта. Он был ракетчик и в списке литературы в пояснительной записке к диплому указал одним из литературных источников роман Жюль Верна «Из пушки на Луну». Пояснительные записки к дипломам никто никогда в жизни не читал, но тут один из членов приемной комиссии начал листать записку и нашел Жюль Верна. Был большой скандал, защиту остановили, и Володя получил диплом только еще через год.

Студенческие годы Игорь позже вспоминал с большим удовольствием, ребята часто устраивали дружеские вечеринки, ходили на вечера (слова «дискотека» тогда не было), танцевали, слушали джазовую музыку, записанную на «костях» или на пленку. В ходу были также полублатные дворовые песенки для интеллигентных юношей и девушек, типа:

Про Анну Каренину

*Жила на Москве героиня романа,
Из старых дворянских семей.
Ее называли Каренина Анна,
Аркадьевна – отчество ей.
.....
Тут Вронский явился, ужасный пройдоха,
И белый к тому ж офицер.
Его воспитала другая эпоха,
И жил он не в СССР.
.....*

Или про Отелло

*...Папаша – дож венецианский
Большой любитель был пожрать,
Любил папаша сыр голландский*

Московской водкой запивать.

.....

Или про Льва Николаевича Толстого

*В имени Ясна Поляна
Жил Лев Николаич Толстой,
Не ел он ни рыбы, ни мяса,
Ходил по имению босой...*

На Урале народ плохо воспринимал сухие и полусухие вина, и когда при Хрущеве начался массовый импорт таких вин из Болгарии, Венгрии и Румынии, то поначалу вино выливали в большие кастрюли и варили его с сахаром перед употреблением. Игорь, имевший гуд аут – ский опыт употребления сухих марочных вин и пивший такие вина, считался в связи с этим белой вороной в студенческой компании.

Пятый курс промчался, как заяц после выстрела охотника – быстро и петляя. На преддипломную практику профессор поехал в Бронницы к Грише и туда же оформил и распределение. Было решено, что практику он будет проходить не в отделе, которым заведовал Гриша, а в отделе, которым заведовал полковник Платон Андреевич Сазонов, сосед Любы и Гриши по лестничной площадке. Он был легендарным человеком, в молодости после окончания военного училища Сазонов упал с турника и сломал ногу. Она срослась как-то неправильно, и до конца жизни полковник хромал. Благодаря железной силе воли он остался в армии, отлично бегал, прыгал, плавал и ходил на лыжах. Вообще Игорю повезло, поскольку ему довелось общаться с удивительно интеллигентным и образованным контингентом настоящих русских офицеров, о которых он имел представление в основном по мемуарам А. А. Игнатьева¹¹.

Руководителем практики и потом дипломного проекта был подполковник Андрей Ильич Фоменко, тоже фигура весьма примечательная. Во время войны он волею судьбы попал во Францию, где был военным советником крупного отряда в армии генерала де Голля. Он был лично знаком с генералом. Фоменко свободно владел французским и отлично знал французскую культуру и литературу. В момент контактов с Игорем Фоменко возглавлял Общество советско-французской дружбы. У Фоменко была роскошная библиотека, и профессор частенько навещался к нему за книгами. При поездках во Францию подполковник всегда подшучивал над своими коллегами по делегации:

– Вам всем нечего надеть, а я спокойно еду в своем военном мундире.

В лето после защиты Игорем диплома Аронсоны переезжали в Харьков, где глава семьи должен был занять должность заведующего кафедрой в тамошнем мединституте. Игорь во время «послезащитного» отпуска и Аркадий взялись перегонять «Волгу» своим ходом из Челябинска в Харьков. В то время это было путешествие с приключениями, но ребята с ним вполне справились. Это был первый большой автопробег профессора.

¹¹ Алексей Алексеевич Игнатьев (1877–1954) – русский генерал, военную службу начал еще в XIX веке. Позже перешел на сторону революции. Служил в торгпредстве во Франции и в Советской армии в Союзе. Автор книги «Пятьдесят лет в строю».

Глава 3

Учености плоды

По прибытии в Бронницы после распределения Игорь устроился жить у Любы и Гриши и ездил на работу иногда с Гришей на служебной машине, а иногда на автобусе. Допуск у него был с институтских времен, однако здесь его пришлось оформлять заново на более высокий уровень. Наличие прошлого разрешения сильно облегчало процедуру, и профессор получил допуск в течение трех недель. Работать он начал не в Гришином отделе гусеничных машин во избежание семейственности, а в отделе колесных машин. Сазонов определил профессора в группу капитана Сюткина – блондинистого молодого человека лет тридцати. Группа занималась тяжелыми тягачами для перевозки танков, а также транспортирования и запуска межконтинентальных баллистических ракет. Игорь и диплом делал по таким машинам. В качестве главного производителя таких машин в СССР был определен Минский автомобильный завод (МАЗ), в котором было создано специальное конструкторское бюро. Возглавлял его Борис Львович Шляпник. В 1962 году на вооружение Советской армии был принят тягач МАЗ-535А. В 1963 году, когда профессор начал работать, исполнился год с начала производства, и машина болела детскими болезнями, как это часто бывало в таких случаях в СССР, да и в других странах тоже. Спустя месяц Сюткина и Игоря отправили в Минск на месячную стажировку. По прибытии они были представлены Шляпнику, который встретил их вполне радушно и отнесся к их миссии со всей серьезностью. Недельки через две Шляпник вызвал ребят в кабинет и сделал им предложение:

– У нас намечается большой испытательный пробег на Севере, на Кольском полуострове. Думаю, вам было бы полезно в нем поучаствовать. Если вы не против, я позвоню Сазонову и переговорю с ним.

Стажеры были отнюдь не против.

Проблема разработки машин, пригодных для эксплуатации зимой, была в то время чрезвычайно острой. Средняя температура января на половине советской территории была ниже минус 20 градусов. И дело было не только в запуске двигателя, но и в используемых материалах. Некоторые виды резины при минус 40 °С «стекленеют» – разрушаются при приложении нагрузки. Углеродистая сталь при минус 30–40 °С становится хрупкой, припой, которым паяют, превращается в порошок и т. п. Запуску двигателя при низких температурах были посвящены сотни разработок, статей, докладов и диссертаций.

По возвращении домой коллеги начали готовиться к пробегу: изучали отчеты о стендовых и полевых испытаниях машин при низких температурах, смотрели по карте трассу пробега, которая проходила по территории, заселенной ненцами – одним из малых народов, компактно проживающих в районе Кольского полуострова, тренировались в вождении МАЗ-535 – две штуки были в Бронницах, заказывали себе теплую одежду и обувь. В середине декабря 1963 года профессор с Сюткиным вылетели в Мурманск, где встретились со своими белорусскими коллегами. Техника была уже в городе. Отсюда до места добирались сначала поездом, потом своим ходом. Встречи с ненцами были весьма любопытными. Поражало беспробудное пьянство. В одном из заброшенных стойбищ пожилой ненец пожаловался, что со снабжением стало совсем плохо: «Тройной одеколон», который стоил дешево и был приятным на вкус, перестали завозить, а привозят «Красную Москву», дорогую и противную – пить невозможно!

Коммент-эр: «Красная Москва» – знаменитые в советское время женские духи производства московской фабрики «Новая заря» (до революции – «Брокар и К°»). Аромат «Любимый букет императрицы» был создан для императрицы Марии Федоровны Августом Мише-

лем к 300-летию дома Романовых, которое праздновалось в 1913 году. «Красная Москва» была модным и популярным советским брендом, и им пользовалось множество советских женщин. Производство духов курировала Полина Жемчужина – жена Молотова и подруга Надежды Аллилуевой (жены Сталина).

Были также другие эпизоды, которые можно считать забавными при некотором желании. Так, Игоря и Сюткина снабдили зимними комбинезонами из натурального меха, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что головотяпы в меховом ателье забыли сделать сзади откидывающийся клапан. При необходимости справить большую нужду ребятам в процессе движения приходилось снимать на улице комбинезон при минус 30–40 градусах. Это, конечно, развлекало других участников пробега, но исполнителям «аттракциона» было не до смеха. После пробега профессор с Сюткиным попутным военным бортом вернулись в Мурманск и оттуда вылетели в Москву.

В июне 1964 года профессор прилетел в Челябинск в отпуск. Его закадычный институтский дружок и однокашник Саша Евсеев, который был старше на два года, после окончания института распределился в Забайкалье, под Читу, начальником автобазы. После Забайкалья Саша устроился на работу в ежедневную челябинскую газету, заочно окончил Литературный институт имени Горького и стал профессиональным писателем-прозаиком. По мотивам своего пребывания в Сибири он написал свою первую повесть «Точка на карте». Игорю запомнился эпизод, наглядно характеризующий ситуацию того времени. Шло обсуждение повести на заседании челябинского отделения Союза советских писателей. Один маститый прозаик сказал: «Повесть неплохая, но некоторые эпизоды надо бы подправить. Например, герой переспал с героиней на буровой вышке. Ну, переспал – куда ни шло, но почему на буровой? Это нетипично для советского быта, не везде есть буровые...»

Тем летом Саша по путевке комсомольского турбюро «Спутник» съездил в Японию и переслал профессору с оказией подарок – японские плавки – жуткий дефицит того времени. Кроме этого, он прислал некий пакет и в письме просил передать подарок девушке по имени Марианна Боровская, за которой ухаживал до отъезда. Профессор знал эту девушку и ее сестру-близняшку, но различить их никогда не мог. Он созвонился с Марианной и в один из дней отправился с пакетом к ней домой. Жила она в самом центре, на площади Революции, в элитном доме послевоенной постройки – с высокими потолками и мусоропроводом в квартире. Такой дом в Челябинске в то время был только один. Дверь открыла Марианна, но Игорь шестым чувством почувствовал, что тут что-то не так.

Поэтому он на всякий случай спросил:

– Вы кто?

И получил ответ:

– А вы как думаете?

Тут капитан КВН растерялся и начал блеять что-то неопределенное.

Обстановку разрядила мама девушек:

– Дана! С кем это ты там беседуешь?

Девушка-близнец и профессор дружно расхохотались:

– Трудно в разведке, всегда могут быть непредвиденные обстоятельства, которые приведут агента к провалу.

Марианны не было дома, и Игоря попросили входить. Его угостили чаем, и он просидел у Боровских три часа. Оказалось, что близнецы родились в Кандалакше, городке в Мурманской области, куда их папа Александр Семенович был направлен после окончания Московского энергетического института по специальности «электрификация железнодорожного транспорта». А малой родиной мамы и папы был Ростов-на-Дону. Женская линия семейства Боровских была музыкальной: мама была пианисткой в местном Дворце пионеров, Марианна и

Дана учились в Уральской консерватории в Свердловске, Марианна – на фортепьянном отделении, а Дана – на дирижерско-хоровом. Обе девушки учились заочно и работали.

Вернувшись домой, Игорь сильно задумался, ему показалось, что он влюбился с первого взгляда. Он спросил маму:

– А как ты посмотришь на мою женитьбу?

– Смотри, Игорь, ты уже самостоятельный мужчина, работаешь, получаешь «огромную» зарплату девятьюстами пятью рублями. (Мама шутила: хороший чешский мужской костюм стоил 150 рублей, а югославский или финский – 180.) Можешь жениться... Вопрос: надо ли? А кто она, если не секрет?

После рассказа Игоря мама высказала опасение:

– Ты в Бронницах, родится ребенок, жить будет негде, Дана надо кончать консерваторию, работать, неизвестно с кем будет ребенок, тебя будет носить по всему Союзу – посмотри на Гришу, его по полгода нет дома... Если ты всерьез, то надо возвращаться в Челябинск, я не работаю, есть где жить, подумай над этим, посоветуйся с Гришей!

В течение отпускного месяца профессор встречался с Даной ежедневно, предчувствие его не обмануло.

Дана отвечала ему взаимностью. Игорь близко познакомился с ее сестрой, мамой и папой и улетел в Бронницы с намерением вернуться жить и работать в Челябинск. Прежде всего, он посоветовался с Гришей. Гриша соображал быстро – не зря он был награжден орденом Красной Звезды за один интересный боевой эпизод, о котором Игорь прочел в сохранившейся у него фронтовой газете. Во время Сталинградской битвы Гриша служил начальником полевой танкоремонтной мастерской. Однажды случилось так, что в мастерской осталось в живых он, еще два бойца и имелось несколько поврежденных машин, а вокруг не было никого из советских солдат. Вдруг они увидели немецкий танк, который мчался на мастерскую полным ходом, стреляя из пулемета и наводя пушку. Положение было критическим. Из «ходовых» машин в мастерской в ремонте находилась только одна «тридцатьчетверка» с погнутой пушкой. Гриша мгновенно оценил степень изогнутости, схватил снаряд, залез в танк, навел пушку и выстрелил. Он попал в немецкий танк – пушка при выстреле выпрямилась. Риск, что снаряд взорвется в стволе, был огромен. Немецкий танк был подбит и остановился.

– Фрэнсиса Бэкона знаешь? Так вот, сей лорд-хранитель печати говорил, что знание – это сила! – сказал Гриша – А я знаю, что как раз в прошлом году в Челябинске открыли филиал одного подходящего тебе по профилю института и они набирают туда сотрудников. Тут мы тебе открепление сделаем, надо запрос из челябинского совнархоза.

Коммент-эр: открытие этого филиала на периферии, как и многих других филиалов ведущих московских исследовательских институтов в то время, было обусловлено инициативой Н. С. Хрущева по уменьшению народонаселения Москвы. Его план заключался, конечно, не в создании периферийных филиалов и отделений, а в переводе крупных НИИ и КБ целиком в провинциальные города. Понятно, что этот план вызвал самое ожесточенное сопротивление на местах – никто уезжать из Москвы не хотел. Использовались самые изощренные способы уклонения от реализации этой инициативы. Одним из таких способов было открытие филиалов и отделений в провинции. Наверх докладывалось, что создан филиал в таком-то городе и туда постепенно будет переноситься часть исследований при их сокращении в головном институте. Всё это было полной липой, никакого сокращения московских институтов в итоге не было, однако толчком для развития многих отраслей науки и техники на периферии это послужило, что было для страны, в общем, чрезвычайно полезно.

Отец Даны и Марианны был крупным хозяйственным руководителем – раньше он занимал пост начальника Южно-Уральской железной дороги, а в текущий период был заместителем

начальника дороги по электрификации. Насколько Игорю было известно, он довольно близко знал председателя совнархоза. Профессор позвонил Александру Семеновичу, и тот заверил его, что с запросом проблем не будет. Через месяц Игорь уже работал в Челябинском филиале НАТИ. Весь год Игорь и Дана активно встречались, и окружающие иначе как жениха и невесту их уже не воспринимали. Да и сами себя Игорь и Дана тоже по-другому не ощущали.

Летом 1965 года Игорь поехал в турпоездку в Финляндию по комсомольской линии. Первое путешествие за границу, да еще сразу в высокоразвитую капиталистическую страну, производило сильное впечатление – чистота, порядок, заполненные магазины, отличные дороги, западные автомобили, спокойные и уверенные в себе люди... Поражал «шведский стол» и... копченая оленина. Однажды туристы ехали в поезде в город Тампере. Вся советская делегация, согласно тогдашней традиции, громко пела в вагоне хором, а Игорь, у которого совсем не было музыкального слуха, сидел в сторонке рядом с симпатичной черненькой финкой. Они познакомились – финку звали Лайма, она говорила на английском и училась филологии в университете в Хельсинки. В данный момент Лайма ехала к родителям на каникулы. Одним из ее преподавателей в университете был Мартти Ларин, романом которого «Четвертый позвонок» зачитывалась в то время вся советская молодежь.

Игорь был несколько удивлен, как легко они с «капиталистической» девушкой нашли общий язык и сколько интересных тем было у них для обсуждения. По приезде в Тампере Лайма дала Игорю адрес и телефон и пригласила его в гости. Он, естественно, сообщил ей название отеля, где остановится делегация. Легко сказать, в гости! Как советский комсомолец в чужой стране мог безнаказанно это сделать? В отеле Игорь пошел к руководителю группы и всё чистосердечно ему рассказал. Тот сильно задумался: «Понимаешь, по инструкции не положено туристу одному идти в гости, я буду вынужден пойти с тобой, но больно уж дурацкое положение, если бы мы хотя бы вместе с тобой с твоей Лаймой познакомились. Я посоветуюсь».

Игорь знал, что в составе каждой группы, выезжающей за рубеж, был инкогнито нештатный (в случае поездки в капиталистические страны – иногда и штатный) «стукач» КГБ, который мог настучать и на руководителя группы. Поэтому понимал, с кем руководитель должен советоваться. В таких случаях обычно принималось типовое решение: объект должен был схватить сильный насморк и отказаться от встречи, и Игорь уже приготовился назавтра «заболеть». Однако, к его удивлению, руководитель утром сказал ему: «Учитывая все детали (кстати, включая и Мартти Ларни), можешь идти, но будь внимателен». Игорь тут же позвонил Лайме, и она приехала за ним в отель на стареньком «Саабе». Лайма жила с родителями и младшей сестрой в очаровательном коттедже прямо на берегу большого озера Пюхя-ярви (город расположен на перешейке между двух озер. В северной части города расположено озеро Нясиярви, в южной – Пюхяярви).

После сытного обеда с финской 21-градусной водкой («Twenty One») все направились в сауну, которая примыкала к дому и находилась на сваях над водой. В «предбаннике» всё семейство разделось догола и вопросительно посмотрело на Игоря. Деваться было некуда, профессор сбросил плавки и кинулся в дверь парной. В первые минуты он очень старался не смотреть на обнаженную Лайму, ее маму и сестру, но потом привык. Из сауны все прыгнули в лучах заходящего солнца в очень холодное озеро и поплавали голышом. Тут профессор блеснул разными стилями плавания и, дойдя до синего цвета кожи, бросился опять в парную. Мама и папа всё еще плавали, как ни в чем не бывало. Вечером Лайма привезла Игоря в отель, где он тут же побежал отчитываться к руководителю. Про сауну он, естественно, промолчал. Однако визит к Лайме не остался без последствий после возвращения в Челябинск.

Из Финляндии профессор привез финский нож – финку, который он спрятал в осветительный плафон в купе поезда при пересечении границы, голубые джинсы фирмы Lee и куклу в национальной финской одежде для Даны. Из Финляндии группа вернулась в Ленинград, откуда профессор поездом добрался до Риги. Туда же прилетела Дана, и в Дзинтари, в домике на

речке Лиелупе, они провели незабываемую медовую неделю, а спустя несколько месяцев после возвращения официально поженились. Через девять месяцев у них, соответственно, родилась дочка Юля. Бранислав Нушич писал, что после женитьбы у человека уже нет биографии, но у профессора она только начиналась.

Спустя полгода после поездки Игорю позвонил домой по телефону человек, который сказал, что хочет поговорить с Игорем по поводу Финляндии. Игорь, конечно, моментально догадался, откуда этот человек, и они встретились в скверике поблизости от дома Игоря. Собеседник предъявил Игорю удостоверение капитана КГБ и начал разговор с вопроса:

– Скажите, вы переписываетесь с кем-нибудь в Финляндии?

Игорь отлично знал, что вся переписка с капстранами перлюстрируется в КГБ и вопрос этот чисто риторический. Однако он продолжал игру.

– Да, с одной девушкой – студенткой Хельсинкского университета.

– Часто?

– Да нет, изредка.

– А от кого зависит частота переписки?

– Да, пожалуй, от меня, она-то отвечает быстро!

– А вы хотели бы еще раз съездить в Финляндию?

– Почему нет, хорошая страна.

– Мы можем помочь вам совершить такую поездку.

– Капитан, давайте напрямую, я же понимаю, о чем идет речь, и сразу вам говорю, я сейчас не могу, я только что женился, жена беременная, работа новая... Вы же понимаете.

Больше Игоря по этой теме не трогали, а переписка с Лаймой постепенно заглохла.

Свою поездку Игорь вспомнил спустя лет десять при забавных обстоятельствах. У них работал один инженер по имени Евгений Сухомлинов. В начале шестидесятых годов в СССР были начаты работы по созданию газотурбинного двигателя для танков, а в конце шестидесятых в Челябинске было создано специальное конструкторское бюро ОКБ-6, занятое исключительно тематикой по созданию таких двигателей. Сухомлинов работал в этом бюро и был направлен на стажировку в Англию – одну из лидирующих стран по газотурбинным моторам, где провел около трех лет. В те времена такие люди были большой редкостью. Игорь был с Женей в прекрасных отношениях, и однажды, будучи вместе с Игорем в командировке, Сухомлинов в состоянии некоторого подпития сказал: «Игорь, я инвалид, я заражен и болен Англией. Вы же понимаете, как после трех лет там я смотрю на всё это здесь... Мне очень тяжело! Сказать это я никому не могу!»

Турпоездка в Финляндию – это, конечно, не командировка на три года в Англию, но Игорь Евгения понимал.

Институт в Челябинске к моменту начала работы там Игоря существовал всего полтора года. Солидные специалисты не спешили идти туда работать, и учреждение было начинено разными довольно экзотическими фигурами. Располагалось оно в отремонтированном довоенном одноэтажном здании на территории ЧТЗ. Однако уже были выделены деньги на строительство четырехэтажного здания напротив завода и примыкающего к нему лабораторно-экспериментального корпуса. Игорь сразу попал в лабораторию поисково-перспективных разработок (ППР), возглавляемую инженером Туровым, рослым блондином с резкими движениями и пронзительным взором. Туров был талантливым авантюристом, всё схватывающим на лету и обладающим огромным даром убеждения. В те времена во всех странах еще не было устоявшихся взглядов на военную и гражданскую технику и энергично разрабатывались новые виды вооружений и гражданских машин. Сама атмосфера шестидесятых годов, масса технических достижений в то время обуславливали многообразие новых направлений в создании военных и народно-хозяйственных машин. Надо сказать, что подобная ситуация не складывалась ни раньше, ни позже этого десятилетия ни в каких странах.

Игорь выбрал направление со специализацией на шагоходы, или шагающие машины, которые двигались не на гусеницах или колесах, а на «ногах», имитируя передвижения человека или животного. Работа в Союзе тогда была зачастую организована таким образом, что «подсматривались» направления исследований на Западе и передавались с соответствующими комментариями начальникам, после чего те восклицали: «А мы что, рыжие?!»

И финансировали новые направления. В марте 1969 года началась активная фаза войны США во Вьетнаме, и почти сразу обнаружились проблемы с передвижением войск в тропических и субтропических лесах. Немедленно в США были развернуты исследования по созданию сочлененных машин, машин на воздушной подушке, летающих, шагающих и других неведомых ранее железных зверей. В апреле 1964 года на Нью-Йоркской всемирной выставке был открыт павильон департамента армии США «Армейская мобильность: взгляд в будущее» где представлялся макет шагохода «Ленд-Уокер». Агентство по перспективным научно-исследовательским разработкам США (DARPA) сообщало об испытаниях шагающей техники в зоне Панамского канала. Предполагалось использование шагоходов для борьбы с партизанами, форсирования водных рек с крутыми берегами и передвижения по горной местности.

Игорь углубился в работу с большим энтузиазмом и получил хорошую школу в решении нестандартных задач. В течение года двухместный прототип шагохода о шести «ногах» был готов. К его изготовлению были привлечены многие службы и цеха ЧТЗ, а также другие уральские заводы. Профессору, как опытному водителю и гонщику, выпала честь сесть первым за условный руль машины и сделать несколько кругов по заводской территории. После этого шагоход перевезли на полигон, где начались испытания на пересеченной местности. В ходе испытаний машина, двигаясь по косоугору, опрокинулась, шагоход был сильно поврежден, а профессор с напарником получили легкие травмы. Стало ясно, что высокие энергозатраты, сложность управления «ногами», проблемы с обеспечением устойчивости и др. исключают возможность создания работоспособной машины в ближайшем будущем. Много позже это направление стало реализовываться в рамках роботостроения.

Следующей работой лаборатории стало создание сухопутной машины на воздушной подушке. В таких машинах образуется слой сжатого воздуха между днищем машины и поверхностью земли, что обеспечивает высокую проходимость – можно двигаться по грязи, болоту, пескам и т. д. Чтобы удержать воздух под днищем машины, по периметру имеется защитная резиновая «юбка», армированная жесткими металлическими пластинами. В военном применении при движении машины с воздушной подушкой под ней не срабатывают ни противотанковые, ни противопехотные мины, что обеспечивает большое тактическое превосходство. Однако высокая цена таких машин, необходимость использования очень мощных моторов, высокий расход топлива и невозможность обеспечить достаточную маневренность в стесненных условиях привели к тому, что теперь такие машины используются в основном на воде и заснеженных полях. Лаборатория менее чем за полгода построила двухместную машину, однако при испытаниях профессор, катаясь по большой поляне в лесу, не удержался в ее пределах и ударился о большую сосну на краю поляны. Опять он отделался легкими травмами, но машина была вдреизг разбита. После этого Туров из-за скандалов с дирекцией уволился из института, а лаборатория была закрыта.

Профессор перешел на работу в лабораторию трансмиссий. Заведовал лабораторией Николай Иванович Митрофанов – опытный конструктор, работавший на ЧТЗ еще до войны. В начале войны его сгоряча забрали на фронт, где он получил тяжелое ранение в голову, но после госпиталя вернули на завод. В те времена компьютерного проектирования и черчения не было и всё решали талант, квалификация и опытность конструктора. Работая с Митрофановым, Игорь получил в короткое время бесценные знания в области конструирования. Николай Иванович знал наизусть, например, в каком советском или немецком танке стояла та или иная гайка, например, на выходном валу коробки передач.

Тогда все конструкции рисовались простыми карандашами на ватмане, закрепленном на кульмане, затем чертежи копировались тушью на прозрачную кальку, и потом делалась «синька» – копия на светочувствительной бумаге. Правда, ксероксы уже в то время были, и иногда чертежи дополнительно ксерокопировались. В каждом КБ, НИИ существовали копировальные бюро, в которых над чертежами корпели множество женщин. Для нанесения линий использовался рейсфедер – чертежное устройство, состоящее из двух пружинящих створок, соединенных в одной точке ручкой. Щель между створками заполняется тушью, а ширина линии регулируется поворотом небольшой гайки с насечкой. Рейсфедером чертили с помощью специальной линейки или лекала, имеющих выступ, предотвращающий подтекание туши под линейку. Работа эта непростая, тяжелая и требует большого внимания.

Около каждого конструктора стоял стаканчик с остро заточенными карандашами, имеющими грифели различной твердости. Порядчному конструктору полагалось иметь чехословацкие карандаши «Кохинор» и чехословацкую стирательную резинку. Заточка карандаша была важной процедурой, и ей надо было обучаться. Позже из-за границы начали привозить автоматические карандаши с тонким сменным грифелем, но это был жуткий дефицит и такими карандашами владели немногие.

Расчеты делались с помощью логарифмической линейки – инструмента для упрощения вычислений, с помощью которого операции над числами (умножение, деление, возведение в степень, извлечение корней и др.) производились с достаточно большой точностью – до трех-четырех знаков после запятой. Линейка состоит из корпуса, движка и прозрачного бегунка, имеющего визирную линию.

Игорь был обладателем роскошной готовальни немецкой фирмы «Рихтер» с полным набором чертежных инструментов и немецкой логарифмической линейки – всё это было приобретено его отцом в тридцатые годы и сохранено в годы Отечественной войны. Аналогичные советские инструменты были недолговечными изделиями низкого качества и не могли конкурировать с немецкими изделиями даже тридцатилетней давности.

Однако с помощью этих нехитрых приспособлений были спроектированы и грандиозные электростанции, и атомные суда, ракеты, автомобили и многое другое.

Начало работы Игоря над трансмиссиями совпало с бурной разработкой и внедрением на колесных и гусеничных машинах коробок передач, которые в просторечии теперь называются автоматическими. Естественно, что каждый завод самостоятельно или с помощью какого-либо института проектировал, изготавливал и испытывал собственную коробку передач. На все циркуляры сверху о необходимости унификации заводы реагировали одинаково: «мы готовы, но за базу надо взять нашу конструкцию», далее на пяти страницах шло обоснование, почему именно так следует поступить, – уступать никто не хотел. У начальства лопнуло терпение, и оно открыло тему в институте по унификации автоматических коробок передач. Это была тяжелейшая задача, которая требовала больших технических знаний и политической гибкости. Именно этой задачей, пока в техническом плане, лаборатория в тот момент времени и занималась. Игорь активно включился в эту работу, и когда спустя год техническая часть задания была в основном выполнена – случилось непредвиденное.

Митрофанов не вышел на работу, профессору позвонила жена Митрофанова и попросила его с кем-нибудь срочно приехать. Профессор кинулся в машину, прихватив с собой главного инженера по прозвищу Дон Педро. Тот получил это прозвище, поскольку внешне выглядел как герой какого-нибудь мексиканского сериала – высокий, стройный, смуглый, с набриолиненными прямыми черными волосами и ниткой усов над верхней губой. Дон Педро специализировался в институте на улаживании семейных и бытовых вопросов сотрудников. По приезду в квартиру Митрофановых они увидели потрясающую картину: жена Митрофанова, очень немолодая полная женщина, лежала на платяном шкафу, а Николай Иванович бежал по комнате с ножом в руках. Жена рассказала, что после ранения с ним случались приступы

бешенства, но до такой степени никогда не доходило. Дон Педро вызвал скорую помощь из психдиспансера, куда, после ее прибытия, Митрофанова общими усилиями и посадили. Дон Педро поехал в больницу, а профессор вернулся на работу и всё рассказал директору института. На следующий день директор с Доном Педро и профессором поехали к главврачу на собеседование. Тот их не обрадовал:

– Положение серьезное, на работу Митрофанов долго не выйдет, честно говоря, я думаю, не выйдет никогда. Будем лечить, звоните, приезжайте.

В машине на обратном пути все молчали.

Через день директор вызвал Игоря:

– Нет вариантов, ты самый грамотный в части унификации трансмиссий, тема эта под министерским контролем, на тебя возлагается руководство и вся ответственность по выполнению этой тематики. Это согласовано с руководством головного института. Кроме того, мы посоветовались с двумя московскими заместителями директора и приняли решение назначить тебя начальником лаборатории, пока временно исполняющим обязанности, а там посмотрим.

Так волею судьбы в двадцать пять лет Игорь стал начальником лаборатории с окладом аж сто шестьдесят рублей в месяц. В процессе дальнейших работ по трансмиссиям профессору пришлось побывать неоднократно и поработать с КБ большинства советских заводов, производящих военные и гражданские самоходные машины. В процессе поездок он представлял главным конструкторам типоразмерный ряд унифицированных и типизированных коробок, разработанный у них в институте, и пытался уговорить заводские КБ пойти на компромиссы. Подвижки были минимальными. Спустя год профессор оформил все материалы в большой отчет и выступил с докладом на совете в головном институте. Совет никакого решения не принял, а председатель – первый заместитель директора по научно-экспериментальной работе – в полушутку сказал: «Что ж, мы сделали что могли, пусть этот отчет немым укором лежит на столе у трех министров!» (Машины делались в различных министерствах.)

После совета Игорь пошел ко второму заместителю директора их института Григорию Григорьевичу Караваеву, который курировал их филиал. Это был почти двухметровый гигант килограмм на сто двадцать, который, несмотря на добродушный и простоватый вид, отличался тонким умом и глубокими знаниями политико-технической столичной кухни.

– Игорь, я понимаю твои чувства, полтора-два года тяжелой работы, ты тянул всё после ухода Митрофанова – я знаю – и всё псу под хвост. Но, поверь мне, сделать ничего нельзя, я зондировал вопрос в промышленном отделе ЦК – всё глухо. Чем я могу сейчас тебе помочь?

– Григорий Григорьевич! Я хочу сменить ампула, в трансмиссиях мне делать нечего, теперь, вы поверьте мне, мы настолько отстали от американцев, что трансмиссионщикам надо только знать английский язык, а остальное всё приложится. Я хочу заниматься машинами в целом.

– Ну, у вас в филиале такого подразделения нет, отдельную лабораторию я тебе не обещаю, а вот группу в лаборатории Краснова (эта лаборатория занималась общими вопросами по оптимальному составу парков машин) человек в пять ты получишь. Зарплату мы тебе сохраним. А кого ставить на трансмиссию?

– Я вам рекомендую Должика, он сегодня у нас наиболее подходящая кандидатура. Правда, он пока работает на ЧТЗ, но я его перетащу – беру обязательство.

С одной стороны, Игорю было жалко потерянного времени на работы по унификации трансмиссий, а с другой стороны, он ознакомился почти со всеми советскими релевантными заводами, побывал во многих городах СССР и, главное, приобрел множество полезных знакомств и связей, что в тогдашних советских условиях имело большую ценность. Кроме того, «он и людей посмотрел, и себя показал», как говорилось в народе. Советская, в принципе неработоспособная хозяйственная система во многом держалась на профессиональных людях, обладающих высокой сознательностью и связанных между собой неформальными связями.

В июне 1967 года разразилась Шестидневная арабо-израильская война (с 5 по 10 июня). Она была одной из самых коротких войн в мировой истории, но оказала существенное влияние на историю XX века. О ней написаны сотни книг, статей и академических трактатов, и поэтому остановимся только на аспектах, в той или иной мере оказавших влияние на жизнь простых профессиональных евреев в СССР. Меньше чем за неделю израильская армия разгромила армии Египта, Иордании и Сирии. Такого не ожидал никто. К Израилю отошел Иерусалим, западный берег реки Иордан, Синайский полуостров и Голанские высоты. Потери арабов составили больше 15 тысяч убитыми, еще десятки тысяч были ранены, а шесть тысяч (в том числе 21 генерал) пленены, плюс тотальная потеря вооружений. Израильцы потеряли около восьмисот человек убитыми и трех тысяч ранеными. Число военных трофеев тоже было огромным: сто танков в полной исправности и с неизрасходованным боекомплектom и около двухсот – с незначительными повреждениями. Игорь еще застал эти отремонтированные и усовершенствованные машины в составе ЦАХАЛа после эмиграции в Израиль. Одно было ясно советским евреям: именно СССР был реальным вдохновителем этой войны. Его целью было установление руками арабов выгодного СССР порядка на Ближнем Востоке. Огромные средства, затраченные СССР на вооружение арабских стран и обучение их военных кадров пропали зря. Арабские армии были вооружены советским оружием, обучены советскими инструкторами, воевали по советским тактическим схемам, однако Шестидневная война совсем не протекала по планам советских стратегов. Всем было очевидно, что поражение арабских армий было в некоторой степени поражением Советского Союза. А для советских людей мощь страны оценивалась военными победами. Военная же победа была на стороне Израиля. Пришло понимание, что арабские армии, несмотря на численное превосходство и огромную военно-техническую помощь, не в состоянии победить израильскую армию, что подрывает авторитет СССР. Теперь кубинцев и вьетнамцев считали хорошими воинами и союзниками, а арабские солдаты и офицеры появлялись исключительно как герои анекдотов.

Отношение к евреям со стороны простых советских граждан сильно изменилось. Более того, сами евреи стали смотреть на себя по-другому, они ощутили собственное достоинство и обрели некую гордость за свое еврейство. Антиеврейские анекдоты уступили место проеврейским анекдотам, появившимся в огромном количестве. Причем эти анекдоты рассказывали в открытую, никто особенно не прятался. Однажды Игорь с одним коллегой, тоже евреем, прилетел в Москву на одно важное совещание, и они первыми зашли в зал заседания в головном институте. Через какое-то время Игорь услышал, как их генеральный директор, подходя к дверям, спросил ученого секретаря:

– А Гольд уже прилетел?

На что секретарь ответил:

– Не волнуйтесь, они уже здесь!

Все окружающие понимающе засмеялись. Дело было в том, что в то время был очень популярен анекдот о том, как в милицию привели двух хулиганов, затеявших драку с евреями на улице. В объяснении они написали: «Я и Вася выпили с утра по стакану и слышим по радио, что началась арабо-израильская война. Мы врезали еще по двести грамм и слышим, что евреи уже на Синайском полуострове, мы закусили, выпили еще по двести, выходим на улицу проветриться, смотрим, а они уже здесь!»

Народ также уже слабо реагировал на крики официальной пропаганды об израильской агрессии, израильской военщине и пр. Сравнение А. Н. Косыгиным действий израильских военных с действиями Вермахта в начале Отечественной войны, сделанное на сессии ООН в июле 1967-го, особого успеха в народе не имело. Все отлично видели разницу в ситуации.

Совсем другая реакция была у советских властей. В одностороннем порядке были прерваны дипломатические отношения с Израилем. Началось постепенное вытеснение евреев из государственных учреждений, таких, например, как МИД, МВД, Академия наук и пр. В НИИ

и КБ, связанных с разработкой военной продукции, начали внедрять принцип трех «не»: не увольнять, не принимать и не повышать. Впервые о трех «не» Игорь услышал в Москве от мужа двоюродной сестры Даны, который много лет работал в КБ Королева.

На вопрос Игоря:

– Как дела?

Он ответил:

– По третьему «не».

В вузах ужесточился контроль за приемом евреев на престижные и военные специальности. Начали появляться в прессе разоблачительные статейки. Конечно, и по сей день не найдены ни в каких архивах документальные подтверждения о тенденции к зажиму евреев, но живущим в то время в СССР тенденция была достаточно очевидна. Таким образом, Шестидневная война отрицательно влияла в течение двадцати лет на карьеру профессиональных советских евреев, абитуриентов, соискателей степеней и приличных должностей в системе и др. В этот момент резко усилился процесс отъезда евреев из СССР. В июне 1968 года министр иностранных дел Андрей Громыко и глава КГБ Юрий Андропов подали в ЦК записку с предложением разрешить советским евреям эмигрировать, в результате чего разрешался выезд полутора тысяч в год пожилых граждан без высшего и специального образования.

Практически профессор никак вышеописанной тенденции на себе лично не ощущал, а вот к изучению чисто военно-технических аспектов Шестидневной войны некоторым образом был причастен. Опыт Шестидневной войны в очередной раз доказал, что даже самая современная техника с плохо обученным и немотивированным персоналом не в силах побеждать армию с устаревшим вооружением, но квалифицированными кадрами. Это касалось как ВВС, так и бронетанковых частей. Арабские летчики, вооруженные вполне современными самолетами, не владели искусством современного воздушного боя и не умели эффективно взаимодействовать со своими ПВО и друг с другом. Арабские танкисты, оснащенные вполне современными советскими танками Т-54 и Т-55, проигрывали по уровню боевой подготовки израильтянам, имеющим не самые лучшие и не самые современные машины. Боеспособность арабских войск была крайне низкой. В танковых сражениях Шестидневной войны участвовало около двух с половиной тысяч танков с обеих сторон. Конечно, часть из них были устаревшими, но много было и современных машин. К началу войны Египет и Сирия имели на вооружении несколько сотен новейших танков Т-55. Их нарезная пушка могла эффективно поражать большинство западных танков, а низкий контур обеспечивал высокую неуязвимость на пересеченной местности. Кроме того, в составе арабских армий находились тяжелые танки ИС-3, плавающие танки ПТ-76 и усовершенствованные «тридцатьчетверки».

Израильские бронетанковые силы включали в себя британские, американские и французские танки времен Второй мировой войны: «Центурион», «Паттон», AMX-13. Весьма эффективными были танки М-51 Super Sherman со 105-миллиметровым орудием, двигателем Cummins VT8—460 и автоматической трансмиссией (израильская модернизация американского танка «Шерман»). Если увидеть живьем «Шерман» профессору довелось в СССР после войны Судного дня, то остальную технику он уже с интересом рассматривал в танковом музее в Латруне по прибытии в Израиль.

Победа в Шестидневной войне послужила мощнейшим импульсом для разговоров о ЦАХАЛе в преувеличенно возвышенных тонах и провозглашения ее чуть ли не сильнейшей армией мира. Эти преувеличения сыграли вредную роль во время арабо-израильской войны, получившей название «война Судного дня». Тогда в первые сутки боевых действий Египтом и Сирией было достигнуто серьезное преимущество перед израильскими войсками. Главкомандующий ВВС Египта, выпускник Фрунзенского авиационного училища Хосни Мубарак (будущий президент) под прикрытием систем ПВО за первые семьдесят два часа войны уничтожил свыше ста израильских самолетов. В начале октября на суше была прорвана линия

Бар-Лева и путь на Тель-Авив оказался фактически открытым для египетских войск. День для нападения выбрали, конечно, преднамеренно: 6 октября – важнейший религиозный праздник Йом-Кипур (Судный день), который положено проводить в посте и молитвах.

Прославленная израильская разведка не сумела вскрыть приготовлений арабов под покровом учений и вместе с военным руководством уверяла правительство, что Египет и Сирия абсолютно не готовы к войне и даже мобилизацию резервистов проводить не следует. В результате Израиль едва не оказался разгромленным. Потери израильтян в войне Судного дня составили 2656 человек. Более 10 тысяч раненых. С арабской стороны погибли около четырех тысяч сирийцев, 15 тысяч египтян. Дальнейший ход войны нет смысла описывать, поскольку он широко освещен во множестве произведений разного жанра. Дальше всё было как обычно: окружение арабских армий, тысячи пленных, горы трофейного оружия, истерические призывы арабов остановить «израильских агрессоров», угрозы Советского Союза и т. п. Разгром арабов был полным. Израильские войска находились в сорока километрах от Дамаска и в ста километрах от Каира, имея возможность взять обе столицы. От полной катастрофы Египет и Сирию спасло только активное вмешательство СССР. Война Судного дня стала наиболее масштабной в послевоенной истории. С обеих сторон в войне участвовало в общей сложности более 1,4 миллиона солдат и офицеров, более 5300 танков, свыше 7000 БТР и БМП, около 2700 орудий, более 900 самолетов и 140 вертолетов. В Союзе советские евреи не успели испугаться, а завзятые антисемиты порадоваться. Перелом в войне произошел буквально на третьи сутки. В Союзе мало кто верил советским СМИ, и многие в то время сидели ночами у своих «Спидол», пытаясь выудить крохи информации в треске мощных «глушилок». Из вражеских голосов и обмена информацией с коллегами Игорь узнал, как был возмущен Л. И. Брежнев поражением арабов. Якобы он кричал Громыко (впоследствии оказалось, что это была чистая правда): «Мы столько лет предлагали им разумный путь. Нет, они хотели повоевать! Пожалуйста, мы дали им технику, новейшую – какой во Вьетнаме не было. Они имели двойное превосходство в танках и авиации, тройное – в артиллерии, а в противовоздушных и противотанковых средствах – абсолютное. И что? Их опять раздолбали. И опять они драпали. И опять вопят, чтобы мы их спасли. Нет! Мы за них воевать не станем».

Игорь цифрами, конечно, не владел, но о массированных поставках наземной техники и массовой посылке в Египет и Сирию советских военных специалистов хорошо знал. Потом стало известно, что Египет за промежуток между войнами получил от СССР 1260 танков Т-54/55, 400 танков Т-62, 750 бронетранспортеров БТР-50 и ОТ-62, 150 новейших боевых машин пехоты БМП-1, сотню бронированных разведывательных машин БРДМ. Сирия получила также немало. Вся боевая подготовка велась советскими инструкторами. В период между войнами 1968 и 1973 годов главным поставщиком вооружений Израилу были США. Парк ударных бронированных машин Израиля включал в себя 150 новейших американских танков М60А1, 450 американских бронетранспортеров и командно-штабных машин М577 на базе бронетранспортера МПЗ, около 200 бронетранспортеров МПЗ, около сотни трофейных советских бронетранспортеров БТР-50П и их чехословацких версий ОТ-62 «Топаз», 1850 танков («Шерман», М-48, «Центурион», АМХ) и несколько сотен советских танков Т-54/55 и ТТ-76. При этом трофейная бронетехника модернизировалась в Израиле: так, например, на танки Т-54/55 ставили пушки L7, американские пулеметы, заменили дизели и коробки передач. Таким образом, танковый парк ЦАХАЛ, помимо современной американской техники, во многом состоял из устаревших, модернизированных своими силами модификаций английских и французских танков и БТР, а также из трофеев советского производства.

Во время войны Израиль, конечно, опирался на могучую руку США. Президент Никсон приказал в экстренном порядке немедленно восполнить все технические потери израильтян, причем поставлять самые лучшие образцы вооружений. «Необходимо спасти Израиль, чего бы это ни стоило», – сказал он Киссинджеру.

Начиная с 14 октября, в течение 32 дней американская транспортная авиация совершила 567 рейсов в Израиль, доставив в общей сложности 22 300 тонн военных грузов.

Несмотря на победу, в Израиле о войне Судного дня вспоминают с оттенком скорби из-за высокой цены, заплаченной народом и армией. Ну а в арабском мире, наоборот, несмотря на очевидное поражение, в это время празднуют победу над Израилем. В отличие от Шестидневной войны, война Судного дня в Союзе не вызвала ажиотажа ни среди народа, ни у советских властей. В народе поражение арабов восприняли как закономерность и решили, что еще один эксперимент ничего не решает. В связи с тяжелым положением в стране со снабжением продовольствием и промтоварами, бросовые затраты на вооружение и обучение арабских армий вызывали у граждан глухое неудовольствие. Властям было уж очень трудно говорить об израильской агрессии, поскольку почти всем было понятно, кто на кого напал. Поэтому ничего нового вдобавок к реакции после Шестидневной войны не появилось. Во внешней политике война Судного дня привела к разрыву отношений между СССР и Египтом, и переориентировавшийся на США Садат склонился к подписанию мирного соглашения с Израилем, договоренность о котором была достигнута на саммите в Кэмп-Дэвиде в 1978 году. А вот для израильтян эта война стала холодным душем, остудившим эйфорию в обществе после Шестидневной войны. Поскольку раздувание собственной значимости и пренебрежение мощью врагов или конкурентов является неотъемлемой чертой израильтян, такой урок был очень полезным, хотя за него пришлось заплатить высокую цену.

Караваев, впрочем, как и Игорь, свое обещание выполнил, и, вернувшись в Челябинск, профессор приступил к работе в новой лаборатории. Прежде всего, он решил начать с выработки концепции своей будущей кандидатской диссертации. В ту пору у советского человека, вставшего на стезю науки в любой сфере, не было другого пути обеспечить себе мало-мальски приличное материальное положение и продвижение по службе, кроме как защитить диссертацию. Штатное расписание любого научно-конструкторского учреждения было общегосударственным и четко определяло зарплату «остепененных» работников, занимающих ту или иную должность. Она была почти в два раза выше зарплаты работника без степени. Тему диссертации Игорь уже «выносил», но теперь надо было обзавестись авторитетным руководителем. В качестве такого он наметил Михаила Федоровича Балжи, который заведовал кафедрой колесных и гусеничных машин и был деканом автотракторного факультета ЧПИ. Надо было думать, как к нему «подъехать». Он был очень известный человек, бывший главный конструктор ЧТЗ по танкам, автор проекта тяжелых танков ИС-3 и Т-10, лауреат многочисленных премий и т. д. и т. п. И аспиранты у него были только из очной аспирантуры ЧПИ.

Тут произошло одно событие, оказавшее значительное влияние на профессора как человека и профессионала. Его отец работал с одной женщиной на кафедре теплотехники и термодинамики ЧПИ, брат этой женщины, Владимир Иосифович Барановский, был главным конструктором Брянского автомобильного завода (БАЗ). Он был выходцем с ЧТЗ, где стоял во главе разработки унифицированных трактора Т-140 и артиллерийского тягача АТ-С. Затем производство тракторов было передано в Брянск, а тягачей – на Курганский машиностроительный завод.

Владимир Иосифович почему-то решил вернуться в Челябинск, где он планировал занять должность заместителя директора института, в котором работал Игорь. Естественным было его желание получить как можно больше информации об институте из неофициальных источников, и он попросил сестру узнать, не собирается ли профессор в Брянск.

Как-то в одном из сборников «Физики шутят» профессор прочел такую шутку: «Что такое наука? Наука – это удовлетворение собственного любопытства за государственный счет».

Так вот, прелесть и одновременно слабость советской системы состояла в том, что в этой шутке была огромная доля правды. То, что это не привело к очень быстрому коллапсу системы, а, наоборот, во многом способствовало успехам советской науки и техники, объяс-

нялось исключительно высокой сознательностью, патриотизмом, порядочностью и квалификацией большинства советских ученых и инженеров.

Профессор выписал командировку и полетел в Брянск, тем более что у него накопились кое-какие дела на тамошнем заводе. Барановский оказался сероглазым, совершенно седым плотным мужчиной среднего роста лет пятидесяти. Его биография была весьма интересна. В 1929 году советское правительство приняло постановление о строительстве тракторного завода на Урале. В качестве прототипа первого трактора был выбран американский трактор Caterpillar-60. Для проектирования завода наряду с советскими проектировщиками были привлечены американские специалисты, прибывшие в Челябинск. Проект начинался с приобретения трактора «Катерпиллер-60», который разобрали на части. С использованием этих деталей разрабатывались чертежи советского трактора, и планировалась закупка зарубежного оборудования для его изготовления. Поскольку в работе было занято много специалистов, а трактор был куплен в единственном числе, детали поместили на стеллажи в специальную «железную» библиотеку, которая функционировала как обычная библиотека. Можно было зайти и получить любую деталь. Заведовал этой библиотекой инженер из фирмы «Катерпиллер», а так как детали были тяжелые, то снимал их со стеллажей и относил «абонентам» российский юноша. Владимир Иосифович и был этим юношей. 15 мая 1933 года первый гусеничный трактор «Сталинец-60» вышел из ворот сборочного цеха. Поскольку американец русский язык не знал, а абоненты не знали английского, то Владимир Иосифович волей-неволей осваивал английский и за два года худо-бедно заговорил. Потом он окончил техникум, далее институт и стал одним из ведущих конструкторов завода.

Барановский оказался очень умным, толковым и эрудированным человеком, и Игорь почему-то сразу понял, что они будут единомышленниками и друзьями, несмотря на разницу в возрасте. Так оно и случилось. Через два месяца Барановский приступил к работе на новом месте. Его сразу же многие невзлюбили. Начальство – потому что он был беспартийным, говорил то, что думал, в глаза и не придерживался стереотипов ни в человеческих отношениях, ни в технике. А подчиненные – потому что он был слишком знающим и разбирался в каждом вопросе досконально, не веря на слово, что многим не нравилось. «Персональным» антисемитам, использующим государственный антисемитизм для конкуренции со своими высококвалифицированными коллегами-евреями, не нравилось его исключительно лояльное отношение к евреям. Барановский прекрасно знал Балжи еще с довоенных времен и предложил Игорю поехать к тому на встречу. Сказано – сделано: Балжи принял их и согласился взять Игоря в заочную аспирантуру. Отец Балжи был грек, и от него тот унаследовал бурный темперамент, с которым Игорь тут же познакомился. Дело в том, что сам Балжи был адептом механических бесступенчатых трансмиссий, а Игорь собирался делать диссертацию по машине с гидравлическим трансформатором. В ходе беседы у них возникла дискуссия: Балжи вскочил с места, обошел огромный письменный стол и закричал: «Если ты такой умный, иди на мое место»...

Но он быстро уходил, и беседа через минуту вернулась в рабочее русло.

Игорь начал работать над диссертацией, которая содержала весьма развитую математическую часть. И тут опять помог случай. У них в институте работал один еврей по имени Феликс Ефимович Водяной. Он был весьма примечательный человек, обладающий тем, с чем профессор познакомился только в Израиле – «хуцпой», наглостью по-израильски (конечно, этого слова тогда ни Игорь, ни кто-либо из его окружающих не знали). По понятным причинам, одни специально в шутку, а другие по неточному знанию называли его «Феликс Эдмундович» (так звали Дзержинского).

Когда Феликс проходил без очереди куда-либо, где стояла большая очередь, то народ, который бы растерзал обычного человека, так поступающего, тихо расступался и пропускал его вперед в полной уверенности, что тот имеет законное право так делать. Однажды профессор летел с Феликсом в полупустом самолете. Пассажиры по радио попросили занять места в

первом салоне во избежание нарушения центrovочного графика самолета. Феликс не обратил на это ни малейшего внимания и потащил профессора в хвостовой салон, где он почему-то любил сидеть. Подошла стюардесса и попросила пассажиров пересестъ, привычно бубня что-то про центrovочный график.

На что Феликс сказал ей:

– Мы пересядем, если вы покажете нам этот график.

Стюардесса была потрясена больше, чем вавилонский царь Валтасар, увидевший во время пира огненные слова, начертанные на стене: «Мене, текел, фарес» («Взвешен, измерен и признан недостойным»). Состояние стюардессы полностью соответствовало состоянию несчастного царя, описанному пророком Даниилом: «Тогда царь изменился в лице своим; мысли его смутили его, связи чресл его ослабели, и колени его стали биться одно о другое».

Через пять минут она привела одного из членов экипажа, которому Феликс повторил то же условие. Может быть, такой график и существовал где-нибудь в КБ Туполева или Ильюшина, но на борту самолетов его никто отродясь не видел. Моторы уже ревели, вызывать милицию из-за такого пустяка экипажу не было смысла, пилот махнул рукой и ушел в кабину. Цель была достигнута – Игорь и Феликс летели в хвосте.

Феликс был альпинистом, и у него был приятель – математик из Москвы Володя Шаинский, с которым Феликс познакомил Игоря. Эта дружба сохранилась на многие годы, включая израильский период жизни. Володя охотно помог профессору с математической составляющей.

Группа, которую возглавлял профессор, проводила и курировала лабораторные испытания машин. Испытания всех типов наземных машин делились на два вида. Первый – так называемые эксплуатационные испытания, которые заключались в том, что несколько опытных машин эксплуатируются в типичных условиях, а испытатели только фиксируют и анализируют все виды отказов и поломок. Второй – так называемые лабораторные испытания, для которых выделяется, как правило, одна опытная машина, изучаемая на предмет определения всех ее параметров: действительных размеров, мощности, скорости, производительности, проходимости и т. п. Подобные исследования проводятся, как правило, на специальных полигонах, имеющих необходимое оборудование и приборы для таких исследований. Институт профессора имел такой полигон в восьмидесяти километрах от Челябинска, в районе старинного промышленного уральского городка Чебаркуль и одноименного озера. Однако в некоторых случаях эти исследования делаются прямо у изготовителя или на местах проведения эксплуатационных испытаний.

Институт, как и все подобные учреждения, был построен по «агрегатному» принципу: подразделения двигателей, трансмиссий, ходовой части и т. д., а вот изучение машины в целом было сферой деятельности профессора. Поэтому на входе в помещение группы профессора висел один из тезисов Норберта Винера¹²: «Оптимизация частей не означает оптимизацию целого».

С середины и до конца 1970-х Игорь часто бывал на Алтае в Рубцовске, где находился тракторный завод, производящий тракторы, лесозаготовительные и трелевочные машины, а также машиностроительный завод, на котором изготовлялась вездеходная гусеничная техника военного и гражданского назначения. Рубцовск был богом забытым местом в предалтайских степях, на берегу реки Алей (глубиной по колено) недалеко от границы с Казахстаном (сорок километров). Он был в те времена на втором месте в СССР после Норильска по концентрации крупных промышленных предприятий. Климат там преотвратительный – сухая жара с пылью летом и пронзительные холодные ветра зимой. История становления города весьма примеча-

¹² Норберт Винер (1894–1964) – великий американский ученый, математик и философ, считающийся «отцом кибернетики» и теории искусственного интеллекта.

тельна: в начале войны эшелоны с оборудованием Харьковского тракторного завода и Одесского завода сельскохозяйственного машиностроения шли на восток, и одновременно с этим происходил поиск места для их размещения. Перед войной в городе было развернуто строительство зерноскладов и сахарного завода. Наличие этих строений позволило разместить там огромное количество эвакуируемого оборудования и немедленно начать производство. Было жаль, что эшелоны не дошли до горного Алтая (Бийск, Горно-Алтайск) с великолепным климатом, лесами, речками и Телецким озером. Но у войны своя философия...

Игорь принимал самое активное участие в разработке на тракторном заводе небольшого промышленного трактора, унифицированного с уже производимым там сельскохозяйственным трактором. Он близко сдружился с тамошними двумя украинцами – начальником бюро трансмиссий и заместителем главного конструктора по новым разработкам, а также был в отличных отношениях с главным конструктором, тоже украинцем. Вообще, на огромной территории примерно от Новосибирска до Тихого океана был повышенный процент украинцев, предки которых переселились сюда в столыпинские времена.

Поскольку Игорь часто бывал в Рубцовске, а место это весьма примечательное с точки зрения посещающей его публики, то ему пришлось там познакомиться с разными интересными людьми. Так, однажды жарким летним днем профессор отправился со своим соседом по гостиничному номеру – «толкачом»¹³ из Саратова – на пляж речки Алей. На пляже его сосед замаялся и пригласил расположиться в кустах на небольшом острове на середине реки, поросшем густыми кустами. Максимальная глубина реки была по пояс, и соседи легко переправились на остров, закатив брюки. Когда сосед остался в плавках, Игорь ахнул: от пяток до шеи тот был покрыт татуировкой. И чего там только не было! На лопатках были изображены двое мужчин, распиливающих бревно в козлах между лопатками. Когда сосед шевелил лопатками, мужчины пилили бревно. Дальше – больше: на попе находились два кочегара с лопатами, которые при шевелении ягодицами бросали уголь в надлежащее отверстие. Руки и ноги были покрыты разнообразными картинками и надписями поменьше.

– Слушай, дорогой, Третьяковскую галерею можно закрывать!

– Вы смеетесь, а я нигде не могу раздеться – народ собирается. А перед внуками как неудобно...

– Да как вас так угораздило?

– Война... штрафбат.

Другой примечательный случай произошел с Игорем, когда он в самолете, летевшем из Новосибирска в Рубцовск, познакомился с молодой красивой женщиной – инженером-металловедом. Всё бы ничего, но когда по прилете на место пассажиры встали, оказалось, что Игорь не достаёт этой даме даже до плеча. Дальше они жили в одной гостинице, вместе ходили на завод, вместе завтракали и ужинали в ресторане... и слегка забавляли окрестную публику. Второй такой случай был у Игоря спустя много лет, когда в Скопье один его македонский коллега поручил своей жене – бывшей американской модели сербского происхождения – опекать Игоря на Балканах.

Заводчане должны были отправить один опытный трактор в Челябинск на лабораторные испытания. Профессор договорился с ними, что после испытаний трактор останется у него и будет переоборудован для проведения экспериментальной части его диссертации. Эксплуатационные испытания проводились в Казахстане, где машины работали в районе высокогорного стадиона «Медео».

Игорю довелось наблюдать «Медео» в ранние времена, когда искусственного катка еще не было, а красивейшее горное озеро Иссык еще было, и участвовать на протяжении ряда лет в

¹³ Толкачи – на сленге советского времени снабженцы предприятий, действующие полуформальными методами, поскольку предприятия не всегда могли официально закупить необходимое сырье и комплектующие и продать произведенный продукт.

строительстве сооружений, плотин, защищавших тогдашнюю столицу Казахстана – по мнению Игоря, один из красивейших городов мира.

Коммент-эр: строительство первой плотины началось в 1964 году.

В 1966-м в ущелье Медео были произведены два уникальных в мировой практике направленных взрыва. В результате взрывов была образована плотина средней высотой 84 метра.

Мощнейший сель сошел в Медео в 1973 году, и построенная плотина не дала разрушить город. Чтобы она устояла, пришлось строить дамбы и круглосуточно откачивать воду. В урочище были брошены силы и средства со всего СССР. Озеро Иссык было засыпано селом, и в его окрестностях погибло больше ста отдыхающих. После этого события плотину надстроили до высоты 150 метров,

Стадион с искусственным льдом был сооружен в 1972 году, и его площадь составляет более 10,5 тысячи квадратных метров. Это позволило проводить здесь соревнования по скоростному бегу на коньках, хоккею с мячом, фигурному катанию и другим зимним видам спорта. Мягкий климат урочища Медео, пониженное атмосферное давление, почти полное безветрие, чистая ледниковая вода из реки обеспечивают высочайшее качество льда. Рядом со стадионом «Медео» на высоте 1700 метров над уровнем моря находится прекрасный ресторан «Казахский аул».

Много раз Игорь бывал также в Карелии, в Петрозаводске на Онежском тракторном заводе. В свободное время он любил плавать на пароходике по Онежскому озеру в Кижы. Однажды в апреле Игорь прилетел в Петрозаводск в субботу и в воскресенье отправился в Кижы. Сезон только начинался, и пароход в день делал два рейса: утром в Кижы и вечером обратно в Петрозаводск. Было весьма прохладно, и Игорь одолжил у своего соседа по гостиничному номеру, гражданского летчика, фуражку. Эта фуражка в сочетании с модным нейлоновым пальто спасла Игоря от голодной смерти в Кижях. Дело было в том, что ни один ресторан или буфет на острове не работали, а ждать надо было до вечера. Из попутчиков на пароходке была только группа учеников во главе с хорошенькой молодой учительницей. Днем вся группа расположилась в деревянной ротонде XIX века на обед из привезенных запасов, в то время как Игорь ходил вокруг и щелкал зубами. Учительница предложила детям пригласить дядю летчика закусить с ними и послушать его рассказы об авиации, что было с радостью принято обеими сторонами. Игорю пришлось напрягать всю свою память и фантазию для внятных рассказов о советской гражданской авиации.

В 1968 году произошло событие, подорвавшее последнюю веру советской интеллигенции в ликвидацию или хотя бы смягчение тоталитарной модели советского строя. Войска стран Варшавского договора (кроме Румынии) в августе оккупировали Чехословакию, положив конец так называемой «Пражской весне». «Пражская весна» являлась общественным процессом, направленным на демократизацию режима, свободу печати и рыночные реформы в экономике. Профессор следил за «Пражской весной» с большой симпатией и надеждой на ее распространение на советское пространство.

Осенью 1968 года он по случаю поехал отдыхать в молодежный лагерь возле города Бургас в Болгарии. На пляже он познакомился с симпатичной шатенкой, завязав разговор на английском языке. Как только девушка (а она была старшекурсницей Пражского университета) узнала, что Игорь «русский», она прекратила с ним даже разговаривать. Два дня профессор пытался объяснить ей, что это не он отдал команду о вторжении в Чехословакию. Наконец, она вняла его уговорам и многое рассказала о том, что действительно происходило в Чехословакии. Ясное дело, что в советских газетах это всё безбожно перевиралось и искажалось. Слава богу, что члены туристической группы Игоря, которые периодически подходили к нему

на пляже, не знали английского и думали, что он просто «подбивает клинья» к хорошенькой чешке. Иначе тут же «настучали» бы «куда надо».

За десятилетие работы Игорь побывал в Якутии, на Кольском полуострове, на Дальнем Востоке, на Чукотке, на Алтае, в Средней Азии и практически во всех районах Европейской части СССР, включая Карелию, Прибалтику, Закарпатье, Белоруссию, а также во многих крупных городах, таких как Ленинград, Харьков, Минск, Горький и других.

В конце 1970 – начале 1971 года в семье Гольдов случилось два важных события. Во-первых, Игорь защитил в Москве кандидатскую диссертацию (его месячная зарплата возросла до 400 рублей) и стал первым кандидатом наук у них в институте, а во-вторых, через папу Даны, Александра Семеновича, они получили автомобиль ВАЗ-2101 «Жигули» – легендарную «копейку».

Современному читателю не придет в голову считать приобретение автомобиля «Жигули» событием, а вот в то время это было именно так. Во-первых, купить любую новую машину в Союзе было тогда очень непросто. К концу 1960-х автомобили перестали продаваться в магазинах, и все очереди были, соответственно, ликвидированы. Машины теперь распределялись по предприятиям, которые, в свою очередь, давали возможность их приобрести своим сотрудникам. Дележ автомобилей внутри предприятий был постоянным предметом споров, зависти, трений между сотрудниками. Естественно, процветала спекуляция. Особенно в цене были выигрышные лотерейные билеты. Грузинские и среднеазиатские покупатели, например, платили тройную цену за лотерейный билет, выигравший «Волгу».

Во-вторых, что касается «Жигулей», то это была совсем особая история, поскольку строительство ВАЗа вызвало «Великую итальянскую революцию» в советской промышленности, автосервисе и просто в жизни советских граждан. Заводы-смежники осваивали производство современных деталей, компонентов и материалов, включая радиальные покрышки, тормозную жидкость, антифризы и масла. Всё это приходилось поначалу закупать за границей, а потом осваивать производство на советских заводах. Доходило до замены многих отечественных стандартов. Создавалась совершенно новая для СССР система послепродажного сервиса. А потребитель получил неслыханную доселе машину с компонентами, не требующими перманентных регулировок, смазок, подтягивания гаек и обеспечивающими комфорт, удобство управления, отличную динамику и эффективное торможение, а также легкую зимнюю эксплуатацию.

Дело дошло до «полного безобразия». После покупки «Жигулей» в начале 1971 года профессор по принятому обычаю и по привычке отвез машину к «своему» немцу Ивану Ивановичу для подтягивания болтов и гаек. На следующий день Иван Иванович позвонил ему на работу и панически сообщил, что ни одна гайка не подтягивается – всё затянута на совесть. Всё это вызвало рождение нового типа массовых владельцев: людей далеких от техники, женщин, пожилых людей и т. п. Конечно, профессор теоретически предвидел такой результат, так как перед покупкой машины, еще до запуска конвейера, побывал на заводе, благо вышел приказ по министерству, обязывающий ответственных сотрудников учреждений ездить учиться на ВАЗ.

Он был на заводе в достаточно привилегированном положении, поскольку сестра одного его близкого приятеля была замужем за секретарем комсомольской организации ВАЗа, окончившим автотракторный факультет ЧПИ на четыре года позже профессора, Володей Сазоновым. Володя был послан в конце 1960-х в Италию на «Фиат», где пробыл три года вместо положенных двух, из-за многочисленных забастовок. Володя был крупной фигурой на ВАЗе, так как основным рабочим контингентом завода была молодежь и комсомолцы. Он познакомил Игоря с итальянскими инженерами (их офис располагался рядом с бюро комсомола), отрекомендовал его главному конструктору и повозил по всем цехам и службам на своей машине (обойти завод пешком было почти невозможно, но все цеха имели проходы, позволяющие движение легкового и грузового транспорта). Профессор убедился, что правду говорили те, кто

считал прародителя «Жигулей» – «Фиат-124» – внутри больше, чем снаружи: просторный и удобный салон с хорошим обзором, вместительный багажник.

Однако после покупки машины искушение изучить самому невидимые глазом достоинства было исключительно сильным. Зимой, увидев на термометре минус 25 градусов, профессор побежал в гараж и без труда завел машину. Прогнозы предвещали дальнейшее похолодание, и, дождавшись 35 градусов, профессор снова пошел в гараж... и «Жигули» завелись! Он торжественно поехал домой, забрал Дану, и они отправились на «Зеленый базар», где купили новые карнизы для штор. Карнизы не вошли в машину, и Дане пришлось их держать в руках за бортом через открытое боковое окно. Но этого было мало – в ста метрах от рынка спустило колесо. Профессор был не новичок по части зимней эксплуатации автомобилей, но замена колеса в 35-градусный мороз с последующей поездкой в машине при открытом окне как-то запала ему в память надолго. Однако «Жигули» тут были ни при чем, экзамен на зимний запуск они выдержали. Раньше моторы массовых советских машин не работали на антифризе, и после поездки зимой приходилось сливать воду. Соответственно, при каждой новой поездке воду приходилось снова заливать. Проблема зимнего запуска постоянно стояла в большинстве районов СССР, как для индивидуальных владельцев, так и для парков большегрузных машин. Наличие теплого гаража было хрустальной мечтой. И вдруг на тебе: нет проблемы. Это было настоящее чудо.

Вторым чудом было то, что вазовские центры худо-бедно снабжались бесперебойно запасными частями. Для советского автовладельца «Жигулей», вконец измученного доставанием запчастей в довазовский период, жизнь радикально изменилась. Правда, осталась проблема шин. Шины советского производства ходили 25–30 тысяч километров. Достать новые шины было крайне трудно, и стоили они довольно дорого. В ответ была изобретена «наварка» шин, когда в полукустарных условиях на изношенную шину привулканизировался новый самодельный протектор. Такая шина имела пробег до 20 тысяч километров.

ВАЗ-2101 профессора был сделан в период начальной стадии работы завода, и на нем стояло много импортных деталей и компонентов: кузов был сделан из итальянского листа, тормоза тоже были итальянские, свечи зажигания – японские и т. д. Игорь проездил на нем десять лет, наездил более ста тысяч километров без каких-либо нареканий. Сервисные вазовские центры обслуживания еще только начинали строиться, и в Челябинске сервисное обслуживание было возложено на типично советскую СТО (станцию технического обслуживания). Штамп в паспорте машины для обеспечения гарантии надо было получать, и профессор при первом обслуживании провел целый день на станции, постигая вместе с ее сотрудниками премудрости технического ухода за «Жигулями».

Коммент-эр: идею строительства гигантского автозавода выдвинул председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин. Поиски партнеров вели очень тщательно, к ним был привлечен даже КГБ. На Дмитровском полигоне прошли испытания Fiat-124, Ford Taunus 12M, Morris-1100, Peugeot-204, Renault-16 и Skoda 1000 MB.

В финал вышли «Фиат» и «Рено». «Рено» показал себя лучше «Фиата», но выбор «Фиата» был сделан по политическим и макроэкономическим соображениям. Поговаривали, что курировал сделку сын Брежнева Юрий Леонидович, бывший тогда заместителем министра внешней торговли. Определенную роль сыграло то, что «Фиат-124» стал автомобилем года в Европе в 1966 году. Последнюю точку поставил «дорогой» Леонид Ильич Брежнев лично: «Итальянцы нам ближе, чем французы. Брать будем «Фиат».

28 октября 1970 года в Москву был отправлен первый эшелон с автомобилями «Жигули» – знаменитой «копейкой» ВАЗ-2101. Машина значительно отличалась от своего итальянского родителя и была полностью адаптирована под советские погодные условия,

дороги и другие особенности. Завод был оснащен новейшим технологическим оборудованием фирм Италии, ФРГ, Франции, Англии, США и других стран.

Проект Волжского автозавода можно считать самым успешным из всего «гражданского» машиностроения СССР за послевоенную историю страны. Производство «копейки» буквально изменило жизнь миллионов советских людей. В 2000 году, по результатам опроса почти 80 тысяч автолюбителей из России и стран СНГ, проведенного журналом «За рулем», ВАЗ-2101 был признан «лучшим российским автомобилем столетия».

Профессор получил на работе трехкомнатную квартиру в новом доме в Тракторозаводском районе, обменял ее на квартиру в солидном доме довоенной постройки в центре города и переселил туда родителей Даны. Обмен квартиры по-советски – это была, как правило, эпопея с завязкой, кульминацией и финалом. Так, например, обмен Игоря был тринадцатикратный, то есть включал в себя обмен по цепочке тринадцати квартир. Логистика была сложнейшая, а одновременный переезд жильцов из тринадцати квартир (иначе было нельзя, поскольку ни одной свободной квартиры не было) выглядел как военная операция вроде битвы на Курской дуге. В ней были задействованы три грузовика, пять легковых автомобилей и человек пятнадцать «бойцов» разного уровня и назначения. Кульминация наступила, когда у одного из жильцов случился инфаркт, а одна бабушка вдруг неожиданно отказалась переезжать.

Марианна вышла замуж и уехала с мужем, который был инженером-энергетиком, на Белоярскую атомную станцию. Игорь и Дана остались в квартире одни. Супруги жили весело, их квартира находилась в самом центре города, практически на главной городской площади, Дана преподавала в музыкальном училище, знакомых и приятелей у них было очень много, включая местных журналистов, фотографов, художников, музыкантов, кавээнщиков и других. Гости в их квартире не переводились практически всю неделю. Особенно напряженно было в праздники 7 ноября и 1 мая – колонны демонстрантов шли до площади, проходили по ней, а после прохождения рассасывались. А тут дом Даны и Игоря – как не зайти! Большинство вечеринок также проводилось у них в квартире.

Одним из самых близких их друзей был Саша Евсеев, благодаря которому Игорь и Дана познакомились. Он работал в молодежной областной газете, а его родители жили в Златоусте. Их домик стоял на откосе, сходящем прямо к берегу пруда. Отец Саши был аккумуляторщиком и рано вышел на пенсию. Как и было положено, он активно занимался самогонварением и имел под кроватью сварной бак из нержавеющей стали с самогоном. Игорь был человеком знакомым с крепкими спиртными напитками, и отец Саши всегда с нетерпением ждал его приезда, чтобы похвастаться новым продуктом. Однажды в Златоуст приехала целая компания из приятелей, и после дегустации Игорь с Даной пошли ночевать в машину. Поскольку она стояла на косогоре, всю ночь они скатывались к дверям и не понимали, в чем дело.

Как-то Игорь увидел, что в Москве появился коньяк «Камю», который стоил баснословно дорого. По возвращении домой он попросил Сашу, собиравшегося на сессию в Литературный институт, привезти бутылку этого коньяка.

Приехав, Саша сказал:

– «Камю» не мог достать, продают только «Самуе».

С тех пор, даже уже живя в Израиле, Игорь с Даной говорили:

– А не выпить ли нам по рюмочке «Самуса»?

Другим близким другом был Кирилл Шишкин, доцент ЧПИ и по совместительству местный поэт и прозаик.

Дана с дочкой часто ездила отдыхать летом в Пярну, очаровательный эстонский городок на Балтике. Пару раз Игорь ездил с ними, но больше недели не выдерживал – море было слишком холодным. Дана всегда останавливалась у одинокого пожилого эстонца Арнольда, который был красногвардейцем во время революции и воевал вместе с будущим маршалом

Жуковым. Арнольд поддерживал контакты с маршалом до самой смерти последнего. Игорь с интересом рассматривал домашнюю утварь Арнольда: гладильную машину, соковыжималку «Тутти-Фрутти», кофеварку и другие вещи, сделанные в 1930-х годах в Германии, Швеции и Финляндии. Как-то Игорь заметил, что Арнольд всегда сидит возле чайника, стоящего на газовой плите, во время кипячения воды. Когда он поинтересовался, зачем это надо, Арнольд объяснил, что он боится пропустить момент кипения и тогда дальше газ будет расходоваться зря.

Однажды к Игорю обратился председатель институтского ВОИР (Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов) и предложил ему поехать на всесоюзный семинар в Баку по АРИЗ (впоследствии ТРИЗ).

Коммент-эр: АРИЗ (ТРИЗ) – Алгоритм (Теория) решения изобретательских задач, который в 1946 году начал разрабатывать советский патентовед Г. С. Альтшуллер со своим товарищем Р. Б. Шапиро.

Это по сути своей комплексная программа, основанная на законах развития технических систем, предназначенная для анализа и решения изобретательских задач и представляющая собой описание последовательности изобретательского процесса, которое может взять на вооружение каждый человек. Алгоритм решения изобретательских задач отличается высокой гибкостью: разные задачи решаются разными методами, зависящими не только от условий задачи, но и от знаний и опыта изобретателя. С 1990-х годов начался период признания ТРИЗ за рубежом, в крупнейших странах мира. Также Генрих Саулович Альтшуллер (литературный псевдоним Генрих Альтов) являлся одним из ведущих отечественных писателей-фантастов 1960-х годов.

Игорь прилетел в Баку в октябре – наверное, самое прекрасное время года в тех краях. Вторым делегатом от Челябинской области был старый ленинградец, эвакуированный в Челябинск во время войны, Владимир Трусов, который окончил еще до революции Петербургский политехнический институт и Петербургскую консерваторию.

Занятия на семинаре проводил сам Альтшуллер, и Игорь имел удовольствие наслаждаться в течение недели общением с двумя интереснейшими людьми – Альтшуллером и Трусовым. Перед отъездом он написал «Поэму об АРИЗе» и подарил ее Генриху Сауловичу. Тому она очень понравилась, и он активно цитировал строчки на заключительном банкете. По возвращении в Челябинск Игорь тепло благодарил их председателя ВОИР за прекрасную поездку.

Профессор часто бывал в командировках, и многие мероприятия ложились на хрупкие плечи Даны. Выручали, как водится, бабушки и дедушки.

Игорь стригся у одной милой стройной девушки Веры в парикмахерской в центре города. Но красивое лицо Веры было покрыто оспенными следами, что заставляло ее страдать и думать, что ее никто не полюбит. Утешение Вера решила найти в профессиональной деятельности и начала активно участвовать в разнообразных конкурсах и соревнованиях. В качестве модели она решила взять профессора, у которого были волосы, хорошо поддающиеся парикмахерскому процессу. Игорь пожалел девушку и согласился. Как говорится, ни одно доброе дело не остается безнаказанным. Профессор попал в парикмахерскую орбиту более чем на десять лет – ему было уже за тридцать, он заведовал лабораторией и был кандидатом наук, но продолжал ездить на соревнования в Союзе и даже в соцстраны под нажимом руководства комбината бытового обслуживания, призывающего директора института, где работал профессор, защитить честь города Челябинска. Иногда к этому нажиму подключался и райком партии. Вера уже завоевала все возможные титулы и звания и вышла замуж за парикмахера Сережу, которому и подарила профессора, как римский патриций дарил искусного раба своей жене или любовнице. Только когда Сережа догнал свою жену по количеству наград и призов, Игорь стал «вольнотпущенником». Зато он стригся каждые десять дней, как английские лорды, у

которых дурным тоном считалось визуальное свидетельство какой-либо стрижки – они всегда были одинаково пострижены.

Сильно донимал советский дефицит. В свободной продаже в Челябинске практически не было ничего: ни нормальных продуктов питания, ни приличных алкогольных напитков, ни хорошей мебели, ни совершенных бытовых приборов, ни хорошей одежды и обуви. Всё приходилось «доставать», на это тратилась масса сил, времени и денег. Многие вещи приходилось доставать через спекулянтов и переплачивать. «Доставание» было важнейшим компонентом советского быта и занимало важное место в жизни каждого гражданина и каждой семьи. Семейство Гольдов не могло, конечно, сравниться с «избранным» кругом, в который, помимо работников партийных органов и высших хозяйственных руководителей, входили директора и продавцы магазинов, парикмахеры, некоторые врачи и работники гостиниц. Однако в сравнении с обычными гражданами они имели маленькие преимущества, заключающиеся в том, что у них была машина и что Игорь часто летал по всей стране, включая места, где дефицит кое-какой водился: Москву, Прибалтику, Дальний Восток, Среднюю Азию. Соученица по музучилищу и подруга Даны жила в «Челябинске-40» (город Озёрск) с мужем, работавшим на объединении «Маяк»¹⁴.

Пару раз в году она посылала Гольдам пропуск для посещения Озёрска. Ясное дело, в озерских магазинах всё было. Гольды нагружали машину до отказа: ящики с болгарским вином, армянский и дагестанский коньяк, мясо, сыр, болгарское детское питание, нейлоновые рубашки, обувь, ковры и пр. Однажды произошел забавный случай – в километрах двадцати пяти от Озёрска они догнали грузовик, нагруженный явно импортной мебелью. Игорь обогнал грузовик и посигналил водителю. Оказалось, что местные жители везут слегка подержанный финский мебельный гарнитур-кабинет в комиссионный магазин в Челябинск. Профессор с Даной быстро залезли в кузов, осмотрели гарнитур, договорились с хозяином о цене и направили машину к себе домой. Для гарантии Дана села в грузовик с шофером, а хозяина мебели Игорь взял к себе в машину. Таким образом, семья стала обладателем прекрасного финского гарнитура для кабинета, который им даже не снился. Пределом мечтаний советских граждан в то время была югославская, а далее немецкая или чешская мебель. За роскошным финским письменным столом Игорь написал докторскую диссертацию.

В московских учреждениях тогда процветал жанр «заказов»: примерно раз в две недели среди сотрудников распределялось некоторое количество продуктовых наборов, содержащих непортящиеся продукты: шпроты, сухие колбасы, гречку и пр. Когда профессор приезжал в головной институт в Москве, сотрудники, близко знающие Игоря и осведомленные о состоянии дел в Челябинске, часто наперебой предлагали ему лишние «заказы». Самолет, улетающий из Домодедово в Челябинск, выглядел как продуктовый грузовик – на всех полках лежали сетки и сумки с продовольствием. Происходили и курьезные случаи. Однажды профессор вез домой двух замороженных венгерских кур и встретил в аэропорту Домодедово своего близкого друга Гену Рымбаева – начальника цеха на одном военном заводе, который вез точно таких же кур. Обычно куры за рейс не успевали разморозиться, но тут объявили задержку рейса почти на двенадцать часов. Попытки договориться насчет холодильника в одном из буфетов успехом не увенчались, и приятели решили закопать кур в снег в газоне возле домодедовского аэровокзала, благо была зима. Утром объявили посадку, и приятели выскочили на улицу за курами. Не тут-то было, ночью шел сильный снег, кур засыпало, и найти их было невозможно.

Однажды на Дальнем Востоке коллеги подарили профессору здоровенную – метра два с половиной – только что пойманную рыбу, с каким-то мудреным названием. Они уверили его, что рыба выпотрошена, слегка просолена и дома только надо будет повесить ее на бал-

¹⁴ Предприятие по производству компонентов ядерного оружия (оружейного плутония), изотопов, хранению и регенерации отработавшего ядерного топлива.

коне вялиться. Рыбу упаковали в длинный сверток, и в самолете профессор затолкал его под сиденья, причем рыба заняла все три сиденья в ряду. Полет шел из Хабаровска, и где-то в районе Новосибирска спящий без обуви профессор почувствовал, что ноги стоят в луже – из рыбы вытек рассол. Начали просыпаться соседи, позвали стюардессу. Она отнеслась к проблеме либерально, воду откачали с помощью тряпок, и рыбу положили на место. После того как Дана с трудом повесила рыбу на балкон вялиться (рыба была ровно в два раза больше ее), в ней завелись черви и рыбу пришлось выбросить.

Всю советскую жизнь профессор возил из командировок продукты питания и вещи. Под Челябинском было много шахт с соответствующими поселками, в магазинах этих поселков часто бывали японские вещи – например, профессор купил себе там японский кримпленовый костюм, Дана – костюм из джерси и т. д.

Иногда на Челябинск снисходила благодать – так, однажды ранней весной пришел то ли поезд, то ли вагон с финской одеждой. Ввиду гигантского спроса и одновременного завоза такого большого количества товара, торговля была организована оригинальным образом. В городе на улицах было установлено несколько десятков прилавков, цены на все изделия были установлены только круглые, сдачу продавец не давал. Покупатель отдавал продавцу деньги, забирал товар и тут же уходил. Если вещь ему подходила, то он уже не возвращался, если не подходила, покупатель возвращал вещь и получал назад деньги. Скорость реализации была на порядок выше, чем при обычной торговле. Подъезды всех домов в окрестностях соответствующего ларька были заполнены покупателями, примеряющими одежду, прилегающие улицы были заставлены припаркованными автомобилями, в которых покупатели тоже примеряли вещи. Гольды купили профессору куртку, плащ, пальто, костюм, а Дана – плащ, и носили всё это лет шесть.

Другим вещевым источником служили магазины «Березка». В «Березках» товары продавались за иностранную валюту либо за сертификаты. Граждане Союза, работающие за рубежом, должны были переводить всю свою зарплату на специальный валютный счет в банке для внешней торговли и взамен получать сертификаты, эквивалентные рублю. Много людей, вернувшихся из-за границы, и разных дельцов спекулировали сертификатами, продавая их по 4–8 рублей за штуку. Покупать по такой цене сертификаты, а затем товары на них было очень дорого, и Гольды использовали этот канал только для покупки очень модных вещей Дана. Это было тоже непросто, поскольку «Березки» были только в Москве, Ленинграде и портовых городах. Профессор-то мог посещать эти магазины, но покупать втридорога без примерки было рискованно. Поэтому он делал это редко и в основном покупал Дана материю, из которой потом она шила платья.

Однажды Игорь шел по коридору в головном институте и навстречу ему попался заместитель директора Караваев. Он долго и внимательно смотрел на Игоря, а потом хлопнул себя по лбу и закричал:

– Как же сразу я не додумался! А ну-ка пойдем ко мне в кабинет. Ты, конечно, знаешь, что КГБ не дал разрешения на привоз целого батальона японцев в Сибирь или на Урал, поэтому принято решение везти тракторы в Ереван и проводить их испытания на строительстве дороги Ереван – Севан.

Профессор, конечно, понимал, в чем дело. Перед началом строительства Чебоксарского тракторного завода следовало определиться, какую машину там будут делать. В КБ ЧТЗ разрабатывался трактор Т-330, и предлагалось делать его в Чебоксарах. Параллельно поступили предложения от двух фирм – американской «Катерпиллер» и японской «Комацу» – о продаже лицензии на производство их тракторов. Советская сторона выступила с предложением прислать образцы техники, предлагаемой для производства в Чебоксарах, на испытания. Машины фирмы «Катерпиллер» работали в СССР с начала 1960-х годов, и американцы со скепсисом отнеслись к просьбе советской стороны: что тут испытывать – высочайший уровень изделий

их фирмы всем известен. А вот японцы восприняли просьбу более чем положительно, было подготовлено пять машин и предполагалось их испытывать в Якутии. Поскольку пять тракторов сопровождал целый отряд японских специалистов, а КГБ не дал разрешение на их приезд в Якутию, было решено испытывать машины на строительстве дороги Ереван – Севан в Армении. Условия за исключением минусовых температур там были тяжелейшие – сплошной базальт.

– Так мы ищем кандидата на должность руководителя испытаний с советской стороны, и как я сразу не сообразил, что ты идеальная кандидатура. Только что защитил диссертацию – пора и на государство поработать, лучше всех знаешь эти машины, имеешь допуск для контактов с иностранцами, говоришь на английском. Всё... я звоню директору и в министерство. И надо сообщить директору нашей новой Южной испытательной станции. Она в пятнадцати километрах от Еревана, тракторы придут туда, и станция будет обеспечивать всю матчасть с нашей стороны, а также быт ваш и японцев. Что скажешь?

– Что скажу? Служу Советскому Союзу!

Через день был готов приказ о назначении Игоря руководителем испытаний с советской стороны, и Игорь улетел домой уже в этом качестве. Он понимал, что эта волянка – на полгода, и ему это никак не улыбалось, но найти хотя бы какие-нибудь аргументы против слов Караваева он не мог. Спустя две недели после возвращения Игорь узнал, что КГБ дал разрешение привезти японцев в Якутию, но было поздно – корабль с тракторами уже прошел Босфор и направлялся в Батуми.

Через месяц Игорь вылетел в Тбилиси. Из Тбилиси в Ереван профессор добирался на автобусе. Было интересно видеть, как меняется ландшафт с мягкой сочной зелени, фруктовых садов, густого смешанного леса в Грузии на мрачную горную местность со скудной растительностью в Армении. Игорь поселился в забронированном ему номере в гостинице «Армения», расположенной в самом центре и входящей в архитектурный ансамбль, обрамляющий площадь Республики. Наутро за ним пришла машина, и он отправился на Южную испытательную станцию, куда затем подъехала вся японская команда, состоящая из пяти механиков-водителей, двух инженеров и руководителя Исиро Сузуки. Их сопровождала переводчица – полная говорливая веселая армянка из ереванского «Интуриста». Переводила она с русского и армянского на английский. Команда японцев жила в том же отеле «Армения». Тракторы уже находились в начале планируемой трассы со стороны Еревана. Там был разбит походный лагерь с парой сборных домиков, складом, передвижным генератором и цистернами с водой и горючим. Японцы привезли с собой биотуалет – диковину, которую профессор ранее не видел. Стороны договорились об организации работ, взаимодействии, и буквально на следующий день в мрачных, достаточно безлюдных горах заревели моторы 500-сильных машин и загрохотало железо, вгрызающееся в черный базальтовый монолит.

Условия и быт были весьма тяжелыми. В семь часов утра испытатели уже выезжали из гостиницы и возвращались затемно. Ни кафе с полноценной горячей пищей, ни столовых в центре Еревана не было. Вечером Игорь, приняв душ, заходил за Сузуки, и они плелись в ресторан, после чего дружно шли спать. Игорь сдружился с молодым улыбчивым японцем (они были однолетки), и у них практически не было разногласий на работе. Когда Игорь собрался эмигрировать, Сузуки уже был директором московского представительства фирмы «Комацу». Пытаясь избежать эмиграции в Израиль, Игорь встретился с Исиро в Москве и попросил посодействовать его трудоустройству в американское представительство «Комацу».

Сузуки спросил его:

– Как тебе отвечать – по-японски или честно? В нашей фирме не берут на работу таких пожилых людей, как мы с тобой, но я-то уже в ней работаю, а ты... извини.

Все воскресные дни профессор посвящал походам по ереванским музеям и картинным галереям, которыми Ереван и его окрестности буквально нафаршированы. Несколько раз он

побывал в Эчмиадзине, где однажды с ним произошла интересная история. Гуляя по Эчмиадзину, Игорь случайно познакомился и разговорился с выпускником духовной академии. Он поразился образованности, эрудиции, глубине и широте взглядов молодого человека и не скрыл это от него. В ответ тот объяснил профессору, что в академии учатся пять лет и изучают логику, философию, риторику, психологию, всемирную историю, греческий, русский, английский языки. После некоторого размышления молодой человек дал Игорю пригласительный билет на встречу выпускников академии с Католикосом всех армян Вазгеном I. Католикос традиционно проводил раз в году такие встречи с выпускниками академии. Католикос оказался седовласым статным красивым мужчиной с интеллигентным лицом, пронзительным умным взглядом и роскошной черно-седой бородой. Хотя католикос был родом из Румынии, окончил Бухарестский университет и получил сан священника в Афинах, он прекрасно, без всякого акцента говорил на русском. Вообще, рабочими языками встречи были русский и армянский, поскольку большинство выпускников были советские армяне. Профессор заинтересовал католикоса – видимо, нечасто иноверцы участвовали в таких встречах – и тот удостоил профессора подробной беседы.

После выяснения морально-этического облика Игоря Вазген сказал выпускникам:

– Этот человек говорит, что он атеист, но, как вы слышали, я выяснил, что его взгляды и жизнь полностью соответствуют нормам нашей армянской церкви. Таким образом, дело только в формальности. – И, улыбаясь, добавил: – Давайте прямо сейчас его окрестим под мою ответственность.

Игорь понял, что католикос не лишен юмора, и рассказал ему свежую передачу ереванского радио:

– Группа товарищей пишет, что их очень беспокоит Гондурас. Радио советует, как можно меньше его расчесывать.

Коммент-эр: в нынешние времена эта шутка выглядит достаточно банальной и даже глуповатой, а тогда она имела серьезную политическую подкладку. Дело в том, что в 1980 году власть в Гондурасе захватила марксистская сандинистская партия. Дальше всё пошло по накатанному сценарию: началась перестройка политического режима по образцу Кубы и СССР, осуществлялось огосударствление предприятий и аграрная коллективизация, были развернуты политические репрессии. Кончилось это всё, как водится, так называемым контрреволюционным переворотом, осуществленным вооруженными формированиями «контрас». «Контрас» поддерживали все страны за исключением СССР и Кубы. В советской прессе, на радио и телевидении была развернута массовая кампания, в ходе которой переворот рассматривался как важный элемент глобальной холодной войны и клеймились позором США и другие страны. На всех советских предприятиях проходили митинги, где рабочие и крестьяне, которые никогда раньше не слышали слово «Гондурас», не знали, где он находится, выражали решительную поддержку свободолюбивому гондурасскому народу.

На прощание католикос подарил Игорю свою фотографию с автографом. Игорь всегда питал добрые чувства к армянам – этому древнему, культурному и благородному народу, – а после этой встречи еще больше в таком мнении укрепился. Что, впрочем, не мешало ему быть большим знатоком и рассказчиком анекдотов ереванского радио.

Пробыв в Армении около месяца и убедившись, что дело налажено, профессор вернулся в Челябинск, вызвав на испытания одного своего инженера. Вернулся он в Ереван уже в конце испытаний, через полгода. Советское правительство отказалось купить японские машины после испытаний, и они были отправлены обратно в Японию.

В октябре 1971-го окончательное решение по строительству Чебоксарского тракторного завода было принято, и американцы «сменили гнев на милость». Фирма «Катерпиллер» офи-

циально известила о своем согласии на проведение испытаний тракторов, предназначенных для чебоксарского завода. Поскольку алмазодобывающие предприятия Якутии и «Северовостокзолото» закупили партию таких машин, предлагалось поставить опытные машины в счет этих закупок и организовать испытания на месте эксплуатации. Было естественно, что профессор попал в команду, курирующую эти испытания, и на него была возложена задача проведения лабораторных испытаний на месте эксплуатации. Тогда он не думал, что эти два события (испытания в Ереване и испытания в Сибири) были началом вовлечения его в сложную технико-политическую игру, которая сильно добавила седины в его уже слегка седую шевелюру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.